ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 52 ДЕКАБРЬ 1990

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 52 (3310)

22—29 декабря

УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Икона Казанской Божьей Матери (см. в номере материал «Время строить»).

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

Сдано в набор 03.12.90. Подписано к печати 18.12.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 3090. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Вот и дожили мы с вами до IV Съезда народных депутатов СССР... Не правда ли, включая телевизор с трансляцией очередного заседания в Кремле, мы уже не так волнуемся, не выкраиваем рабочее время, не доводим себя до сердечного приступа, как было в дни работы того, I Съезда. А помните депутата Сахарова? Но вот уже ровно год, как нет с нами Андрея Дмитриевича, прощаясь с которым многие говорили: «Прости нас». И времена переменились.

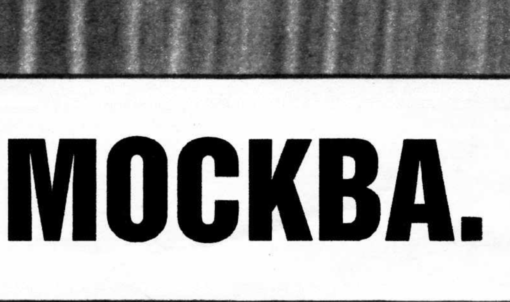
Да, мы попривыкли к трансляциям из Кремля. Но жизнь не стала лучше, и поэтому воздержимся от междометий. На пороге нового, 1991 года бывшая сверхдержава принимает продовольственную помощь из-за рубежа. Что же будет завтра, что ждем мы от этого Съезда?

Думается, прежде всего — ясности. Отсюда — напряжение зала с первых минут заседания и нервозность, с которой представительница Чечено-Ингушетии (ее выбирали депутатом от КПСС) потребовала включить в повестку дня вопрос о доверии Президенту. Как и следовало ожидать, Съезд поименно проголосовал «против». Нам нужна ясность совсем иного рода — хотим мы быть Союзом республик или «содружеством наций»; полностью отдаем предпочтение рыночной экономике или готовы ринуться назад, в обкатанное тоталитарное прошлое? Ведь без согласия невозможен путь вперед.

Любая страница российской истории убеждает: общая беда обычно объединяла народы обширной страны нашей — война ли, голод ли, эпидемии... Хочется, чтобы высокий Съезд обратился к народам наших республик, занятых пока исключительно своими проблемами: давайте вспомним об общем нашем Отечестве. Оставим подозрения, недоверие друг к другу лишь из-за принадлежности к той или иной партии! Потомки должны запомнить нас не только как поколение разрушителей, но и созидателей, сумевших в тревожный час мудро отринуть амбиции ради благополучия и мира.

За любой, даже очень лютой зимой обычно наступает весна.

Анатолий ГОЛОВКОВ

МОСКВА.

Фото Алексея ГОСТЕВА и Марка ШТЕЙНБОКА

ДЕКАБРЬ. СЪЕЗД.

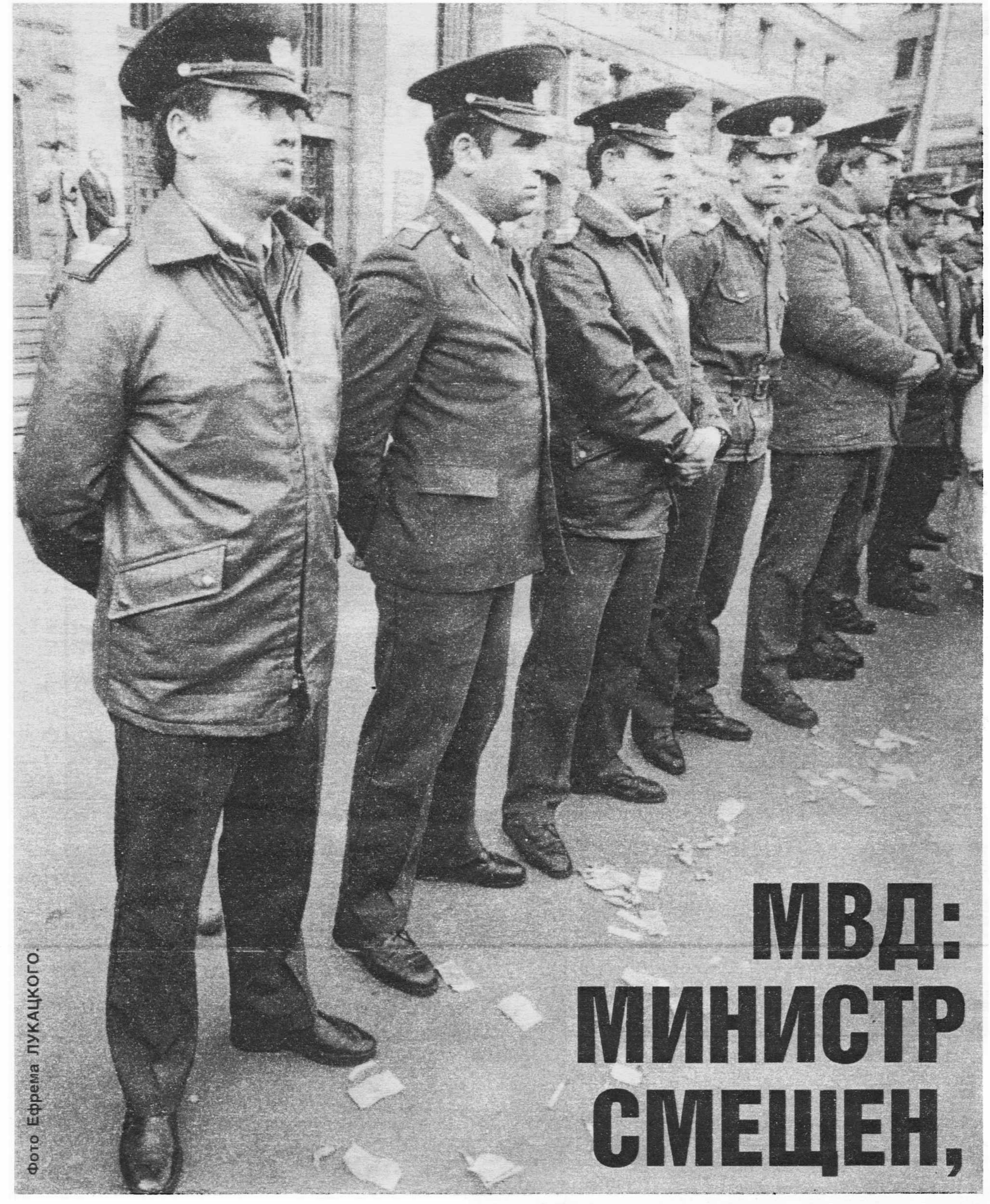

Фото Ефрема ЛУКАЦКОГО.

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

МВД: МИНИСТР СМЕЩЕН, ПРОБЛЕМЫ ОСТАЛИСЬ

Георгий РОЖНОВ

Новость, которую знают все: генерал-лейтенант Вадим Бакатин Указом Президента Михаила Горбачева смещен с поста министра внутренних дел СССР.

Почему так вдруг, за что именно, с каким расчетом — не знает пока никто, кроме, пожалуй, самих Горбачева и Бакатина. «В связи с переходом на другую работу», как объяснил тот же Указ? Но тогда сообщите, на какую именно, в какое ведомство, на какую должность? Поди отгадай, если на эти вопросы разводит руками даже руководитель пресс-службы Президента Виталий Игнатенко: «Вадим Викторович займет достойное место». Вот и все объяснения.

Что же тогда прикажете думать бывшим подчиненным недавнего министра — сыщикам, следователям, работникам ИТУ, пожарным, милиционерам, военнослужащим внутренних войск?

Это не просто любопытство: если Бакатин руководил безалаберно, перед шквалом преступности пасовал — значит, и весь аппарат огромного министерства, все его подразделения в центре и на местах тоже в своих трудах не преуспели. А если Вадим Викторович был достойным государственным мужем, есть ли резон останавливать его на полпути к долгожданным реформам, в отчаянных, порой зряшных, а порой и блестящих попытках вытащить МВД из провала, в который то угодило несколько десятилетий назад?

Не думаю, что мы сейчас занимаемся пустячными гаданиями и не нашего, мол, это ума дело — никому из сограждан не безразлично, что же на самом деле происходит в ведомстве, которое обязано обеспечить их безопасность и покой, оградить от пули, ножа, кастета и фомки расплодившегося жулья. И если правду от нас намеренно скрывают уже не первую неделю — будем и гадать, и домысливать сами.

Кого бы из своих коллег по прошлой службе в МВД я ни вызывал сейчас на откровенность, все без исключения либо недоуменно пожимали плечами, либо откровенно чертыхались. И вовсе не потому, что верноподданнически обожали Бакатина. Все проще — за десять последних лет им предлагают уже пятого министра. Помните — Щелокова сменил Федорчук, того — Власов, за ним пришел и почти тут же ушел Бакатин. И при каждой такой ротации не было случая, чтобы новая метла не мела по-новому, чтобы не рушились одни структуры и не изобретались новые, не предавалась анафеме политика свергнутого шефа и не воспевалась осанна новаторству нового лидера, не калечились судьбы почти каждого, кто носил форму цвета хаки или маренго,— от рядового до генерала. Как же памятны мне сидения десятков офицеров в приемных и коридорах Управления кадров всего лишь семь лет назад, когда в здание на Огарева, 6, перебрался с Лубянки Федорчук. В своем руководящем буйстве он умудрился сокрушить множество отделов, управлений, главков, и изгнанные из них часами ерзали на коридорных скамьях — куда теперь пошлют, в какую дыру загонят? Должность будет какая, оклад какой, пенсию с чего начислять будут, да и дотянешь ли до нее? Что, все эти тысячи изгнанных были сплошь мздоимцами и хапугами, повязанными Щелоковым и Чурбановым, как это тогда виделось Федорчуку и как это до сих пор утверждает в недавних интервью его тогдашний заместитель по кадрам Лежепеков? Нет, оба гебистских генерала, начав благое дело по выкорчевыванию из своего ведомства коррупции, весной и летом восемьдесят третьего года умудрились заодно, как и положено во всякой кампании, угробить и цвет офицерского корпуса МВД — розыскников, следователей, криминалистов, изрядно потрясли и Академию, и ВНИИ МВД, добрались до высших и средних училищ и спецшкол, музея, кстати, и то не забыли. А подсадка в каждое РУВД Москвы, в целый ряд областных УВД офицеров госбезопасности — это тоже вклад новаторов в борьбу с преступностью? Эти бедолаги, до того спокойно служившие по отлову хлипких диссидентов, теперь марались с убийцами, насильниками малолеток, грабителями и прочей шпаной. Стоит ли спрашивать, насколько они преуспели в окаянстве неведомой ранее службы? Стоит ли вообще интересоваться, каких успехов в борьбе с преступностью могло добиться под водительством Федорчука обобранное профессионалами МВД? И давайте сегодня не забывать, что нынешний девятый вал повсеместного злодейства набирал силу как раз тогда, в начале восьмидесятых,— как при Щелокове, так и при сменившем его Федорчуке.

Через три года разбросанные Федорчуком камни принялся собирать Власов. Именно к нему потянулись вереницы уволенных, разжалованных, оскорбленных офицеров и генералов, многих обогрел он сочувствием, восстановлением званий и должностей. Речи и интервью Власова были полны благих порывов и пожеланий, плохо скрываемого раздражения своим предшественником и обещаниями реформ. Что еще можем записать в актив министра, вскоре сменившего мундир генерал-полковника на цивильный костюм премьера России? Увы, больше нечего. Сводки о преступлениях становились все тревожнее, отчеты о раскрываемости все удручающими, но кто о них тогда знал, коли каждую цифру венчал гриф «секретно»?

Не буду гадать, попадались ли эти и другие «закрытые» документы на глаза Вадиму Бакатину в то время, когда он был первым секретарем Кемеровского обкома КПСС, насторожили ли они его или даже испугали, когда получил он предложение Горбачева стать министром внутренних дел СССР. И уж совсем глупо гадать, с желанием или подчиняясь партийной дисциплине он, сугубо штатский человек, строитель по профессии, принял должность, которую

даже в послесталинские годы добром не оставлял, пожалуй, никто. Помню его на первых брифингах, которые впоследствии стали еженедельными, каждый вторник. Худощавый, лицо обаятельное, когда волнуется, голос дрожит, глаза влажнеют. Люди, близкие ему по службе, рассказывали мне, что новый министр никогда не стеснялся своего незнания специфики деятельности своих многочисленных и друг на друга непохожих служб, знакомился с каждой дотошно, но без тех придирок, которые обожают дилетанты. И уж тем более не дергал указаниями розыскников или следователей — они профессионалы, им видней.

Потому и новации Бакатина происходили не сразу, не вдруг, и то, что ему удалось сделать за столь короткий срок, можно смело занести в его личный актив. Мне, например, дороже всего его сопереживание людским бедам, кого бы они ни постигали. Это при нем, Бакатине, прекратился, наконец, официальный голодомор заключенных в карцерах и штрафных изоляторах — теперь они каждый день получают хоть скудную, но горячую пищу, по сравнению с прежней кружкой воды и ломтем хлеба это едва ли не пиршество. Могу себе представить, сколько критических стрел было выпущено в министра за этот гуманный акт, соответствующий, кстати, принятым ООН «Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными». В ряде женских колоний узницы получили возможность краткосрочных отпусков, и перестраховщики даже расстроились — никто не сбежал. А разрешенная летом добавка к передачам овощей и фруктов? А закрытие десятков обветшалых, гробящих людей колоний? А не раз повторяемое министром требование убрать, наконец, лимит с личной переписки осужденных?

Знаю, слышал — болью Бакатина прежде всего была милиция: ее бесправие, беззащитность, отсутствие социальных гарантий, унизительная зарплата. И вот уже год, как оперуполномоченные уголовного розыска получили существенную прибавку, она постепенно распространилась и на другие службы. Не забыты были и оперативные части внутренних войск — не дикость ли, что, месяцами находясь под пулями, офицеры и прапорщики получали лишь три с полтиной командировочных? Теперь у них и служба засчитывается в выслугу месяц за полтора, и оклады полуторные. Понимаю, за каждодневный риск это крохи, но все же...

А какова, спросите, отдача от этой заботы, удалось ли руководимому Бакатиным МВД остановить наступление преступной армады? Представьте себе — удалось. Вот подтверждение: за девять месяцев нынешнего года квартирных краж стало меньше вдвое, грабежей — в пять раз, тяжких телесных повреждений — в три раза. А темп роста преступности на улицах сократился в восемь раз. Согласен, этого явно недостаточно — ведь терзающие общество злодейства все равно растут: за девять тех же месяцев их стало больше на 12,3 процента. Но все же это уже не так страшно, как было в году минувшем,— тогда уголовщина преподнесла нам рост преступлений аж на 32,1 процента.

Посильный удар был нанесен и дельцам теневой экономики — в первом полугодии нынешнего года только хищений в особо крупных размерах выявлено на четверть больше, чем в году минувшем. Махинаторам, дельцам и спекулянтам пришлось расстаться почти с двадцатью двумя миллионами нахапанных рублей. Встревожились и те группировки, которые мы называем организованными или просто мафиозными,— обезврежено около тысячи банд, на счету которых свыше трех тысяч преступлений, включая 61 убийство.

В этой моей статистике не могут и не должны звучать победные фанфары — криминогенная обстановка в стране попрежнему остается тревожной. Но полностью возлагать ответственность за это на органы внутренних дел безграмотно и глупо. Преступность, какой бы она ни была, лишь отражает положение дел в нашем больном обществе, ее питают и разбалансированность рынка, и нищета миллионов наших сограждан, и коррупция практически во всех сферах нашей повседневной жизни. Не забудем и то, что Бакатин руководил союзным МВД именно в тот тяжкий для всех нас час, когда сам Союз республик дышал на ладан и в каждой их столице принимались законы о суверенитете, звучали громкие голоса о неподчинении центру — разве не коснулось это формально подчиненных Бакатину республиканских МВД?

И вот тут отдадим должное бывшему министру — в более чем деликатных отношениях с коллегами за пределами Москвы он проявил себя и политиком, и дипломатом. В недавнем октябре ему удалось почти немыслимое — провести совещание министров внутренних дел всех без исключения союзных республик. В Обращении, которое они приняли к личному составу органов внутренних дел страны, недвусмысленно сказано: «Для бескомпромиссной и наступательной борьбы с преступностью, и в первую очередь с ее организованными проявлениями, сегодня крайне необходимы консолидация, единение усилий союзных и республиканских правоохранительных органов, деловое сотрудничество между органами внутренних дел союзных республик». А вот и конкретнее — Бакатину удалось заключить договор о сотрудничестве с МВД Эстонии, успешно начать переговоры с МВД Латвии.

Можно себе представить, какой белой вороной становился Бакатин в глазах своих коллег по правительству,— дай Бог премьеру Рыжкову собрать своих коллег из Риги и Кишинева, Баку и Тбилиси хотя бы на чашку чая!

Повторю еще раз — готовность Бакатина сотрудничать, а не просто командовать министрами внутренних дел союзных республик, не менее, а может быть, и более важна, чем взаимодействие с МВД стран Восточной Европы или вступление в Интерпол.

После таких шагов нельзя, невозможно было не ожидать атаки справа, со стороны наиболее консервативных сил административно-командной системы. И она началась — первой бросила перчатку вольнодумному министру газета ЦК КПСС «Гласность». На протяжении месяцев она повела против МВД в целом и против Бакатина в частности хорошо спланированную кампанию наветов, передержек, прямых угроз. Вот ее обвинения только из трех номеров — 17-го, 18-го, 19-го: «Местные органы внутренних дел утеряли прочные связи с центром, не получают оттуда помощи и поддержки»; «Беспомощность органов внутренних дел в борьбе с преступностью требует принятия решительных мер»; «...примеры бездействия органов внутренних дел при вопиющих нарушениях закона молдавскими националистами, попустительство преступникам — еще одно свидетельство серьезных недостатков в работе МВД СССР». Чувствуете организующую и направляющую роль нынешних попечителей «Гласности»?

Нельзя сказать, чтобы Бакатин не замечал этих выпадов, отмахивался от них или тем более робел. Последний доклад бывшего министра правительству примечателен спокойным достоинством тона, смелостью суждений. Вот, например, такое: «Что нужно для сохранения милиции от развала? Самое простое. Прежде всего... перестать перекладывать бремя власти на милицию, перестать делать из органов внутренних дел «козлов отпущения» за провалы в экономике, политике и управлении». Еще: «Коррупцией поражаются учреждения, организации, предприятия, целые отрасли, во главе которых стоят ответственные лица». Еще более откровенно: «Углубляющийся кризис все отчетливее свидетельствует, что главнейшая проблема криминогенности многих сфер экономики — в коррупции. Она поразила даже систему государственного управления».

В письме на имя Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова Бакатин идет еще дальше: он категорически против того, чтобы милиция или внутренние войска распускали Советы, принимающие решения, противоречащие Конституции и законам, вмешивались в политическую жизнь суверенных республик. И как министр подтвердил это на деле — части внутренних войск, введенные в Приднестровье, выполняли только миротворческие функции, не стали препятствовать выборам в Верховный Совет не признанной Молдовой республики. Помните, какой сокрушающей критике подвергли их за этот вполне понятный нейтралитет в Кишиневе? Догадываетесь, как сплотились против Бакатина те ответственные лица в системе государственного управления, которые сами были не без греха?

Поэтому безуспешно бился он над скорейшим принятием Законов о советской милиции и оперативно-розыскной деятельности, введении для своих сотрудников обязательного государственного и личного страхования, установлении компенсационных выплат в случае их гибели, ранения, контузии или увечья при исполнении служебных обязанностей. И, наконец, обосновывал, просил, требовал изыскать, наскрести, выкроить для своих работников средства для достойной зарплаты: «Оклады денежного содержания не учитывают сложности задач, возросшую степень личного риска, морально-психологических и физических перегрузок, связанных с особыми условиями труда. Заработная плата милиционера на 65 рублей меньше среднего заработка рабочего в промышленности». Знаю наверняка: и рядовые милиционеры, и офицеры служб МВД не просто надеялись — верили, что существенная прибавка ждет их с первого января будущего года, слово их министра с делом пока не расходилось. Знаю и то, что, коли этой добавки не будет, очень многие профессионалы будут просто вынуждены уйти в кооперативы или скорее всего в частные сыскные бюро, наняться охранниками в совместные предприятия. Неужели не спохватимся, неужели допустим это?

Нет, не вдруг, не с кондачка, не сгоряча сместили Бакатина. Давайте вспомним события совсем недавние и выстроим их в логическую цепочку. Не забыли, как, спасая правительство Рыжкова от естественной в его положении отставки, Президент в середине ноября пообещал Верховному Совету СССР, что «в состав кабинета министров должны войти новые, инициативные, по-современному мыслящие работники»? На первый взгляд непосредственно к Бакатину это не относится. А теперь процитирую пункт третий из постановления Верховного Совета СССР от 23 ноября, это уже ближе: «Предложить Президенту СССР в случае нарушения определенных Конституцией СССР прав граждан и возникновения угрозы их жизни, здоровью и имуществу принимать все предусмотренные законодательством СССР меры, вплоть до чрезвычайных».

Что предусматривает законодательство — знаю, как его предлагал дополнить Бакатин — слышал, но что такое чрезвычайные меры по защите нашей с вами жизни, здоровья, имущества — хоть убей, не пойму. Что, выдадим каждому обывателю по бронежилету и автомату? Введем повсеместно комендантский час? Узаконим превентивное заключение всех подозрительных?

Мне кажется, первая конкретная чрезвычайная мера выразилась в замене Бакатина Пуго и Громовым. Свое мнение о столь частых сменах руководителей МВД я уже высказал выше, недавнее прошлое не позволяет мне быть оптимистом и в будущем. Дай, как говорится, Бог, чтобы новый министр сделал хотя бы то, что не довел до конца его предшественник,— добился принятия Закона о милиции и новым жалованьем помог своим подчиненным сводить концы с концами. Чтобы милиционер твердо знал — он, как и часовой на посту, лицо неприкосновенное. А граждане так же твердо были бы уверены, что от законных требований стража порядка нельзя отмахнуться, нельзя безнаказанно лезть на него с кулаками или ножом, что только при этих непременных условиях он будет их верным защитником. Что же касается самих новых руководителей МВД, я не стану сейчас, как многие мои коллеги, гадать об их будущей политике и первых шагах на новом поприще, ждать осталось недолго, увидим сами. Но если действительно правда, что Бакатина сгубила его терпимость к самостоятельности отбившихся от рук республиканских МВД, если кому-то из сильных мира сего пришлось не по нутру его нежелание превращать милицию и внутренние войска в ударный кулак при политических столкновениях левых и правых — в таком случае тандем Пуго — Громов видится отнюдь не случайным и успокоения не вызывающим. В одном из своих первых интервью новый министр высказал свое кредо: «Верю в профессионалов!» Мысленно я ему поаплодировал, а потом подумал: а не поставил ли Борис Карлович столь категорическим утверждением в неловкое положение своего первого заместителя? В самом деле, если сам Пуго за почти восемь лет работы в КГБ Латвии поднакопил кое-какой опыт оперативной работы, то каким же профессионалом в МВД может считать себя генерал-полковник СА Громов? Неужели при назначении был принят во внимание его опыт командования 40-й армией во время нашей позорной интервенции в Афганистан? Проведенные под его руководством боевые действия и карательные акции? Где, в каких ситуациях этот опыт генерал-полковника может пригодиться в родной нашей стране, которая больше всего нуждается в гражданском согласии, терпимости друг к другу, использовании в качестве аргумента при спорах не силы, но слова?

Поверьте, я бы не пускался в эти отнюдь не бесспорные рассуждения, если бы все мы получили исчерпывающие ответы на сессии Верховного Совета СССР, попытавшейся получить объяснения о причинах отставки Бакатина и назначении Пуго и Громова. Вспомните, что сказал по этому поводу Президент, как объяснялся Бакатин,— поймете что-нибудь? Ровно ничего. Ну, а сам Указ об отставке утвержден? Тоже нет — в первый день не было кворума, на второй решение Президента получило явное меньшинство, а там и вообще подоспел перерыв аж до самого нового года. Правда, под занавес председательствующий успел напомнить депутатам, что, несмотря на несостоявшееся голосование, Указ о замене Бакатина остается в силе. Напоминание, полагаю, излишнее: коли приняли чрезвычайный Закон о дополнительных полномочиях Президента, соглашайтесь и с чрезвычайными Указами.

Вернемся, впрочем, из высоких сфер в будни нашей повседневной жизни. Днями я позвонил старому другу, чудом уцелевшему в центральном аппарате МВД после всех перетрясок и пережившему четырех министров. Он профессионал высшего класса, должность занимает высокую, а себя называет просто сыщиком. Рассказывает: был в дальней командировке, вышел на след опаснейшей банды из пяти человек, четырех взял, пошел было за пятым, а тут телефонограмма из Москвы — немедленно вернуться! Человек дисциплинированный, он махнул рукой ребятам из опергруппы, примчался в министерство, выслушал указание и ахнул: велено было срочно засесть за справку новому министру. Справка объемная, с выкладками и цифирью, по-моему, он сочиняет ее до сих пор.

А пятый из неотловленных бандитов все еще в бегах.

■

Обращаются к вам жители поселка Шкотово-22 (п. Дунай) Приморского края.

В ночь с 30 на 31 августа сего года на расположенных недалеко от поселка артиллерийских складах Военно-Морского Флота произошел пожар, в результате чего начали рваться хранящиеся на них боеприпасы. Взрывы разбрасывали артиллерийские снаряды по всей округе, падали они и в поселке. Есть случаи попадания в жилые дома, гаражи, школьный двор, детские сады и другие здания. Всю ночь жители поселка прятались в бомбоубежище, в подвалах, за стенами домов, за скалами на берегу бухты. Наше счастье, что большинство снарядов при падении не взрывалось.

Такой же пожар на этих же складах имел место в 1978 году. Но командование Тихоокеанского флота выводов не сделало и мер не приняло, в результате — второй случай, представляющий опасность для жителей территорий, на которых расположены объекты ВМФ.

В 1985 году произошел взрыв ядерного реактора подводной лодки, стоящей на ремонте в нашей бухте. Как недавно сообщала газета «АиФ», произошло заражение Амурского залива. Тогда представьте, что было у нас. Все эти случаи скрываются от общественности до сих пор. Мы уверены, что и последний случай постараются скрыть всеми способами.

Вокруг только нашего поселка расположено еще много складов с боеприпасами различных типов, могильники радиоактивных отходов и ракетного топлива и другие объекты ВМФ. При существующей ситуации в стране и на флоте можно ожидать еще более страшных аварий. Жители территорий являются заложниками ВМФ. Все это происходит в основном потому, что земля, на которой мы живем, практически принадлежит Министерству обороны СССР, местные Советы здесь фактической власти не имеют, и общественные органы не ведут никакого контроля за деятельностью ВМФ.

Мы бы очень просили Верховный Совет РСФСР направить к нам комиссию для расследования аварий и деятельности ВМФ в Приморском крае вообще. А также рассмотреть вопрос о том, чтобы все земли, где хозяйничает Министерство обороны Союза, принадлежали истинному владельцу — местным Советам — со всеми вытекающими из этого правами.

Жители поселка Шкотово-22 (п. Дунай), 116 подписей

■

В прессе, по радио и по телевидению неоднократно говорится о тяжелом положении с продовольствием в Москве и Ленинграде. Не знаю, как в Питере, но в Москву почта по всей стране не принимает продовольственные посылки, ссылаясь на соответствующий приказ министра связи.

Вот несколько примеров.

Август. Жительница Сызрани пытается послать мне, своей знакомой, несколько килограммов помидоров. Работник почты уже кинула посылку на весы, но, увидев адрес: «Москва...» — отказалась ее принять.

В октябре отказано в приеме посылки с грецкими орехами (из своего сада!) жительнице Ставрополя.

В ноябре не приняли посылку с фруктами в Ульяновске.

Это примеры из жизни лишь одной нашей семьи. А скольких москвичей почта лишила возможности пополнить свой скудный стол?

Хотелось бы через ваш журнал задать вопрос: чем провинились москвичи? Ведь речь идет не о черной и красной икре или свиных тушах. Почему наших детей лишают возможности есть фрукты из садов бабушек и дедушек, живущих в других городах и селах? Там же все это подчас просто пропадает. Рачительные ли мы хозяева? Или будем ждать фрукты от добрых дядей из-за океана, а свои пусть гниют?

М. ФЕДОРОВА
Москва

■

«Предательство» — называется материал, который опубликовала липецкая областная газета «Ленинское знамя» и перепечатали все районные издания. В репортаже с заседания бюро обкома КПСС рассказывалось о том, как секретарь обкома Золотарев «по-ударному» возводил личную дачу как раз в те дни, когда в области было объявлено чрезвычайное положение в связи с уборкой урожая. Вот выдержки из записки контрольной комиссии:

«17 сентября произошел пожар в садовом доме Золотарева А. И., и уже 18 сентября были мобилизованы техника, транспорт, люди, произведены разборка и вывоз сгоревшего строения, подготовлена площадка, и 19 сентября началось строительство быстрыми темпами нового садового дома силами строительного управления № 11 треста «Липецкстрой» — без договора, без сметы, без уплаты необходимого аванса...

В период объявления чрезвычайного положения в области секретарю обкома КПСС, учитывая его высокое политическое положение, практически за 20 дней закончили общестроительные работы по сооружению садового дома, используя так необходимый на уборке автотранспорт. Вместо того чтобы возглавить коммунистов на уборке урожая, Золотарев А. И. лично «координирует» строительство своей дачи.

Несмотря на то, что данный объект, конечно же, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, ход его строительства лично контролирует начальник строительного управления.

Особое возмущение людей вызвало использование солдат на строительстве дома».

Секретарь обкома, подчеркивает газета, бросил вызов общественному мнению. На бюро обкома его дружно осудили, сняли с работы. А ведь не далее как весной он был избран от нашего Тербунского района депутатом в областной Совет. Тогда районная и областная газеты напечатали немало хвалебных слов в адрес кандидата. С помпой встречали его районные руководители в предвыборные дни. А массовый избиратель, как часто водится в глубинке, и знать не знал этого деятеля. Однако большинство проголосовало «за», отдало свои голоса за лидера КПСС областного масштаба.

К сожалению, во многих округах подобные случаи не редкость. Так партократия превратилась в правящую партию, а затем безболезненно отреклась от 6-й статьи Конституции.

Теперь обкомовцы говорят о предательстве Золотарева, о том, что в сложной для партии обстановке он своими действиями бросил вызов общественному мнению и тем нанес ущерб авторитету областной парторганизации.

А по-моему, заботиться надо прежде всего о том, что предал он народ, своих доверчивых избирателей.

О. Д. СОЛОВЬЕВ
Липецкая область

■

В августе 1938 года моего отца Витковского Тадеуша Игнатьевича, имевшего пятерых детей, сотрудники НКВД схватили ночью и увезли в «черном вороне». Навсегда.

В конце 50-х нам выдали справку о посмертной реабилитации отца. Сотрудники НКВД коротко сообщили: «Постановление особой тройки НКВД БССР от 11 октября 1938 года в отношении Витковского Т. И. отменено, и дело о нем производством прекращено за отсутствием состава преступления...»

Осенью нынешнего года я направил заявление в военный трибунал Белорусского военного округа с просьбой познакомить меня с «делом» отца, чтобы узнать мотивы обвинения, уточнить место гибели и захоронения.

В ответ в середине октября, заметьте, 90-го года получил еще одну официальную отписку — от сотрудника УКГБ Могилевской области БССР Л. М. Шараева: «Витковский Тадеуш Игнатьевич, 1894 г. рождения, по необоснованному обвинению в шпионаже в пользу Польши, основанному на «самопризнании»... 11 октября 1938 года особой тройкой НКВД БССР был приговорен к исключительной мере наказания». И далее: «Согласно существующему законодательству (?) право на ознакомление с материалами уголовного дела предоставляется только участникам судебного процесса по данному делу».

До каких же пор политические по сути дела, связанные с массовыми репрессиями 30-х годов, будут у нас считаться уголовными? Или сотруднику КГБ неизвестно, что «участниками судебного процесса» по необоснованному обвинению моего отца были всего лишь три палача 52 года тому назад? И получается, что только эти три палача имеют право «на ознакомление» с материалами по «необоснованному обвинению» нашего отца, деда и прадеда. Не кощунство ли это над памятью уничтоженных и над ныне живущими их потомками?

Выпрашивая у современных сотрудников УКГБ копию «дела по обвинению», я не предусматриваю организацию мести и нетерпимости к детям, внукам и правнукам тех, кто оклеветал и судил отца. Нет и нет! Я, как и многие миллионы детей, внуков и правнуков репрессированных, согласен со словами А. Н. Яковлева, которые прочитал в вашем журнале: «Упаси меня всевышний от зова к мести и нетерпимости. Но народ должен знать их имена и деяния, чтобы оценить их нравственными критериями...»

Мы, дети, внуки и правнуки репрессированных, должны знать правду и только правду, полную правду о своих отцах, дедах и прадедах, точно так же, как дети, внуки и правнуки клеветников, доносчиков, тайных и штатных осведомителей, агентов, судей, членов особой тройки, палачей должны знать полную правду о своих отцах, дедах и прадедах, о том, кто клеветал на честных советских людей в те годы страшного геноцида.

Е. Ф. ВИТКОВСКИЙ
с. Кокино Брянской области

■

Не так давно в газете «Красная звезда» в краткой заметке «Звания не лишен» было написано, что за злоупотребление служебным положением и хищение в особо крупном размере генерал-майор Чмыхалов А. Т. Военной коллегией Верховного суда СССР был осужден к 5 годам лишения свободы (когда это произошло, какую должность он занимал до суда и прочее — не указано). При этом названная коллегия, как повествует зам. начальника одного из ее отделов полковник Кожемякин, «...не нашла оснований для применения...» к Чмыхалову дополнительного наказания — лишения особо опасного преступника (в военном мундире, да в не простом, а генеральском!) высокого воинского звания и правительственных наград.

Ну и железнейшая логика у служителей верховного военного судебного органа! А как сопоставить этот факт с иным, достаточно нашумевшим, когда, поправ действующие конституционные гарантии, без следствия и суда другой генерал-майор, Калугин О. Д., был лишен всех наград, генеральского звания и заработанного пенсионного содержания?

Какой же из приведенных случаев следует отнести к истинной борьбе за торжество закона в нашей стране? Неужели первый? И как воспринимается теперь в нашем воинском ведомстве тесное соседство таких несовместимых понятий, как воинская честь (и доблесть) и вор — генерал-майор? Ведь за Чмыхаловым закон сохранил право и в дальнейшем носить тот же генеральский мундир со всеми отличиями и регалиями, получать от родного министерства пожизненную пенсию и лечиться в хороших госпиталях за «особые» (беру это слово из приговорной части) заслуги перед Отечеством.

Да, после таких горестных сопоставлений невольно задумаешься: а не изменила ли нам мораль-матушка в оценке, что почитать за справедливое в нашем многострадальном обществе?

Н. И. МЕЛЬНИКОВ,
пенсионер,
ветеран войны и труда
Львов

■

Печать сообщила о двух студентах Куйбышевского сельскохозяйственного института, которые облили краской памятник вождю в поселке Усть-Кинельском. «Люди не простили»,— пишет корр. ТАСС. И далее: «Дело о хулиганском поступке было передано в товарищеский суд. Никто из студентов института не захотел сидеть в одной аудитории

ВЗРЫВЫ В ПРИМОРЬЕ●
ПОСЫЛКИ NON GRATA●
РЕПРЕССИРОВАН — ЗНАЧИТ, УГОЛОВНИК?●

с хулиганами. Комсомольское собрание приняло решение: считать невозможным дальнейшее их пребывание... в вузе».

И мы еще говорим о правовом государстве! Доколе политические организации будут решать, кому в институте учиться, а кому нет, и как все это укладывается в действующее законодательство? Жаль ребят, ей-богу.

Н. Д. РОСТОВСКАЯ
с/х «Вишневый»
Ростовской области

■

Почему некоторые граждане нашей страны, страстно осуждая забастовки рабочих в различных регионах страны, сами бастовали, то есть не работали, в течение двух недель, когда проходил XXVIII съезд КПСС? Около пяти тысяч делегатов ничего не делали: не сеяли, не убирали, не занимались наукой и искусством, не стерегли наше мирное небо. По-моему, это ничуть не лучше, чем забастовки шахтеров.

Предлагаю впредь проводить съезды любых партий за счет членов этих партий, а на основной работе этим делегатам дни, проведенные ими на съездах, не оплачивать и оформлять как отпуск без содержания. Истинный приверженец той или иной партии пойдет на любые жертвы ради идеи — при царе за идеи даже на каторгу шли, вот это, я понимаю, были партийцы.

В. А. РУКАВИЦЫН
Бурятия

■

Прочитал в № 43 исповедь капитана медицинской службы запаса и понял, что могу расширить ваши познания в области военной медицины. Вот как это выглядит с точки зрения пациента.

Каждый август в той части, где я служил с 1985 по 1987 год, по графику стояло: «дизентерия». Нет, не думаю, что это слово впрямь было вписано в командирские планы, но все знали: в последний месяц лета половина рядового и сержантского состава будет выведена из строя. Нас, новичков, предупреждали «деды»: готовься, зелень, к сидению в сортире. И точно. В августе у туалета и медсанчасти выстроились гигантские хвосты страждущих.

Ничего удивительного. Летом мы, солдаты, питались в так называемой «летней столовой», то есть почти на улице. Рядом старый деревянный туалет. Мухи, которых в жаркое время года в Приморском крае невероятное количество, радостными стаями курсировали между «толчком» и столовой, не зная, чему отдать предпочтение. Так и ели, отшучиваясь, что муха — все-таки какое-то разнообразие по сравнению с осточертевшей свининой. Как же не быть эпидемии?

Медсанчасть наша была рассчитана мест на 10—12, а болело дизентерией одновременно не менее трехсот человек. Ни о какой изоляции, разумеется, и речи идти не могло, ночевали в казармах, распространяя заразу дальше. Таблетки подходили к концу уже через два дня. После чего врачи, проявляя развитое армейское чувство юмора, начинали скармливать бедолагам все, имеющее хоть какое-то отношение к желудку. Мое лечение, к примеру, состояло в регулярном приеме активированного угля.

Потом заканчивались и эти снадобья, и мы переходили к самолечению. Ели плоды черемухи, заваривали кору дуба, вспоминали другие народные средства. Ничего, помогало.

Кстати, сколько времени требуется, чтобы вылечить дизентерию? По-моему, недели две, а то и больше. У нас в части курс лечения ограничивался днями пятью, редко — шестью. После чего мы считались здоровыми и приступали к несению службы. Наша рота летом через день заступала на караул. Часовому, как известно, на посту запрещено многое, но особенно «отправлять естественные надобности». А попробуй не «отправь», если каждые пять минут начинаются позывы. Что ж, забегали в укромный уголок и, держа автомат наперевес...

Вскоре после увольнения в запас у меня заболел желудок. Врач спросил, служил ли я срочную. Узнав, что служил, уверенно хмыкнул: «Гастрит!»

И. Л. ГИНДИН,
рядовой запаса
Калининград

■

Посылаю вам рекламу, опубликованную в газете «Вечерний Новосибирск»:

«Марксистская рабочая партия — партия диктатуры пролетариата г. Новосибирска обращается к рабочим коллективам (цехов, бригад, участков), советам трудовых коллективов, рабочим комитетам направить своих представителей в вечерний университет марксизма-ленинизма.

Учеба — по программе, очищенной от ревизионизма и оппортунизма, дающей знания рабочему классу, как взять снова власть в свои руки и спасти свою страну от надвигающейся катастрофы».

Это что же, назад, к 17-му году? Словно и нет жестоких уроков минувших 73 лет. Опять террор, кровь, насилие? Только народ забыли спросить, хочет ли он этого.

Б. А. СЕЛЬСКИЙ,
преподаватель-обществовед
Новосибирск

■

Много интересных мыслей можно почерпнуть из статьи Михаила Лобанова «В сраженье и любви», напечатанной в № 6 «Нашего современника». Лучше всего ему удались те куски, где пишет о себе. Описывая свой исторический поход в Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС в далеком 72-м году, Лобанов вспоминает: «прощаясь со мною, он (сотрудник этого отдела.— К. Ц.) спросил, желаю ли я встретиться сейчас или в какое-либо другое время с Александром Николаевичем Яковлевым. Я ответил, что подумаю, но приглашением так и не воспользовался». Долгие годы потом поступок сей сверкал и переливался в душе отважного литератора — шутка ли, в застойные годы и так смело себя повел. Но вот беда, как рассказать об этом людям, знакомым-то еще можно, а незнакомым?

...Забросила раз судьба Михаила Лобанова в один испанский город. Ну, как водится, на экскурсию пошли, во дворец. Ходили, смотрели, разговаривали. Двое литераторов из группы разговорились с незнакомым человеком, который, к позору своему, оказался из Израиля. «Да,— пишет Лобанов,— теперь я видел своими глазами и знаю, что такое еврей для еврея... Израильтянин скрылся в другом зале, а эти двое, оживленно говоря между собою, все еще были под впечатлением встречи. Меня они, конечно, не замечали, как, видимо, и все другое, не относящееся к происшедшему». Словом, не поняли, не заметили, не оценили Михаила Лобанова надменные евреи. И делится он теперь своей обидой на страницах «Н. С.».

А вообще Михаил Лобанов отчасти Гоголь. Всем памятна история, как Гоголь сжег второй том «Мертвых душ». Лобанов уверенно пошел по стопам классика, невзирая на незначительную разницу: Гоголь сжег свою собственную рукопись в чинном одиночестве, в камине, а Лобанов спалил книгу, написанную не им, в собственном сортире, в компании со своей дочерью. Поясняю: вообразив себя крутым правозащитником, ожидал обыска (1983 г.) и поспешил избавиться от порочащей его честное имя книги Солженицына «Ленин в Цюрихе». Судя по дальнейшему, обыск так и не состоялся, возможно, вряд ли затевался, зато Лобанов побыл немножко в роли Гоголя и булгаковского Мастера, оставив на память потомкам такие строки: «До чего же долго, чадно тлели клочки разорванных страниц, особенно куски глазированной, с багрово-красным портретом вождя, обложки».

Словом, много интересного пишет о себе Михаил Лобанов, но, как истинно скромный человек, не может говорить только о себе, уделяя несколько внимания и другим: Марка Захарова наделяет эпитетом «театральный клоун», Аллу Пугачеву и Валерия Леонтьева — «музыкальные отбросы»...

К. ЦИВИЛЕВ
Москва

■

Уважаемая редакция! Пишу вам по поводу доставки вашего журнала. 15 ноября мы получили «Огонек» № 41 за 6—13 октября. Справляемся на почте, нам объясняют, что Москва недопоставила журналы. Конец лета и всю осень была лихорадка с доставкой. То ни одного номера, то приходят сразу два-три.

В чем дело? Когда же мы будем своевременно получать подписку?

Е. В. ГЕТЬМАН
Мерефа
Харьковской области

В редакцию постоянно приходят сотни писем, вопиющих об отвратительной доставке, о больших опозданиях журнала.

Дорогие друзья! Уверяем вас, что по вине редакции в этом году не было ни одной задержки с выходом «Огонька» в свет. Во второй половине года ни разу не подвела и типография. К сожалению, все беды тут связаны со связистами: Минсвязи по многим причинам не в состоянии пока четко выполнять свои обязательства перед читателями.

Удорожание подписки на будущий год в большей степени связано с тем, что Минсвязи заломило небывалые цены за доставку. Будем надеяться, что эти деньги не уйдут «в песок», а послужат — к вашему и нашему удовольствию — скорой встрече с журналом.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

По мнению читателей, лучшая публикация октября — статья Г. Рожнова «Вы слышите — грохочут сапоги» (№ 44).

Мы поздравляем Георгия Владимировича с присуждением премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЕШНЛ.

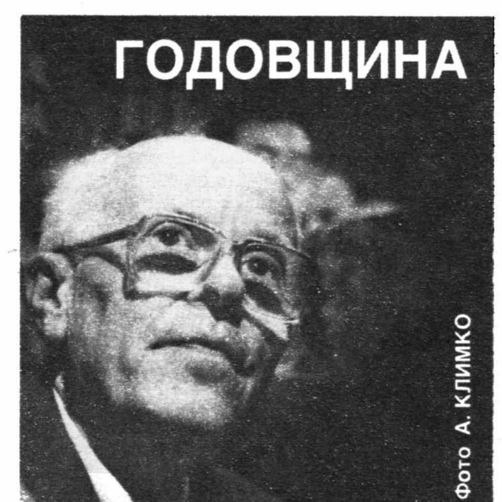

Фото А. КЛИМКО

Есть в человеческой памяти горестные меты — как незаживающие зарубки на живом стволе дерева, они неизменно вызывают ощущение неутешимой боли, несчастья и печали...

Таким останется и этот день — 14 декабря прошлого года — день, когда мы потеряли Андрея Дмитриевича Сахарова. И хотя год миновал, чувство невольного сиротства, какое испытываешь всякий раз, когда уходит прекрасный человек, не оставляет душу.

А может, не время предаваться печали? Ведь у академика Сахарова всякое движение души неизменно превращалось в реальные дела во имя Правды и Добра. И потому смерть могла лишь прекратить его физическое бытие, навечно впечатав в нашу жизнь его поступки, его мораль и духовность, его высокие подвижнические идеалы. Все это бесценное наследство оставлено нам для деятельного, активного освоения, и об этом нельзя забывать.

Тогда же, год назад, «Огонек» выступил одним из учредителей Организационного комитета I Международного конгресса имени академика А. Д. Сахарова «Мир, прогресс, права человека». Этот форум состоится в Москве в мае наступающего года, в дни, когда мы будем отмечать семидесятилетие со дня рождения Андрея Дмитриевича. Мы надеемся, что этот конгресс станет пусть и небольшим, но реальным продолжением дела академика Сахарова.

Константин СМИРНОВ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ СЧЕТ «АНТИСПИД» — № 70000015 ВО ВНЕШЭКОНОМБАНКЕ СССР

«ОГОНЕК» + АнтиСПИД»

Советский благотворительный фонд

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ РУБЛЕВЫЙ СЧЕТ — № 700645 В ОПЕРУ ПРАВЛЕНИЯ ЖСБ СССР

Б. Н. Ельцин — 50 тысяч долларов в дар Фонду.

Оркестр под управлением Владимира Спивакова на гонорар, полученный на фестивале в Кольмаре (Франция), привез 50 тысяч одноразовых шприцев. Груз направляем: 32 000 — в родильное отделение медико-санитарной части Чебоксарского приборостроительного завода; 4 000 — в родильный дом г. Новозыбкова (Брянская область); 14 000 — в Ассоциацию больных гемофилией (Москва).

Болгарская фирма «КАМ» — 10 тысяч одноразовых шприцев направлены в Орехово-Зуевский роддом (Московская область).

Коллектив советских сотрудников в Генуе и итальянский предприниматель Эудженио Доминичи — 13 800 одноразовых шприцев. По просьбе дарителей шприцы направлены в роддом г. Новозыбкова Брянской области.

Шприцы от американского импресарио Стива Либера распределены так: 40 тысяч — в детскую больницу г. Ленинакана и 10 тысяч — в Фалештскую районную больницу Республики Молдова.

На деньги, перечисленные Фонду **Государственным симфоническим оркестром Министерства культуры СССР и Госконцерта под руководством народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Геннадия Рождественского,** Московский Народный Банк закупил 100 000 одноразовых шприцев, которые распределены следующим образом: 50 000 — в дорожную больницу Северо-Кавказской железной дороги (г. Ростов-на-Дону) и 50 000 — в городскую больницу имени Ленина г. Шахты (Ростовская область).

Газета «Секаи Ниппо» совместно с японскими организациями "Global Rainbow Ship", Cooperation for Aid and Cooperation for World Reconstruction (CACWR), the Society for Amity and Cooperation of Japan-Korea-Soviet Union-Asia (SJKSA) прислали в наш Фонд благотворительный груз, состоящий из 38 100 одноразовых шприцев и 1 миллиона игл. Шприцы направлены в родильный дом № 20 г. Ростова-на-Дону.

Благодарим **Комитет помощи и кооперации за реконструкцию мира (CACWR)** за тысячу долларов, переданные в наш Фонд г-ном Нобуо Окамура.

Коллектив ВВО «Промсырьеимпорт» совместно с фирмой «Соллак» (Франция) и фирмой «Праймари» (ФРГ) перечислили на счет Фонда 12 282 доллара.

Музыканты Государственного академического симфонического оркестра п/р Е. Светланова приобрели на гонорар от своих выступлений в ФРГ одноразовые шприцы, иглы и катетеры, которые переданы в детскую городскую больницу Павловского Посада (Московская область).

Советско-индийский благотворительный фонд «Панчашила-Перестройка», созданный в г. Бомбее, по инициативе бюро АПН и ряда благотворительных организаций штатов Гуджарат и Махараштра, передал в дар фонду «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» 15 тысяч одноразовых шприцев. Дар от имени Фонда вручили С. Дж. Шах и Махендра А. Шах. Шприцы направлены в городскую больницу г. Шахты Ростовской области.

Борис Пергаменщиков, виолончелист, профессор Высшей музыкальной академии, Кёльн, ФРГ: «Мы организовали благотворительный концерт в евангелической церкви Kirchenhausen в г. Бергиш-Гладбах. Вместе с моими двумя аспирантами мы играли сочинения И. С. Баха. Сбор от концерта — 2500 нем. марок — предназначен для огоньковского фонда «АНТИСПИД». Одна аспирантка, игравшая со мной, Франсуаза Гробен (Люксембург), приняла участие в Международном конкурсе имени Чайковского, где 16 лет назад я был удостоен 1-й премии. Она передаст редакции чек на 2500 марок».

«Мы, советские женщины, живущие в Арабской Республике Египет, в г. Александрии, с болью в сердце переживаем все проблемы, которых накопилось так много на нашей Родине, а из них самая страшная — надвигающаяся эпидемия СПИДа.

Мы признательны за тот огромный труд по борьбе со СПИДом, который взяла на себя редакция «Огонька», журнала, всеми нами любимого и постоянно выписываемого.

Мы организовали свой женский клуб «Александрия» полтора года назад. Нас всего 30 человек, и средств у нас немного, но скромный наш вклад в помощь детям нашей страны — 2880 одноразовых шприцев — очень просим передать главному врачу Института нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко АМН СССР П. И. Падалко для детского отделения».

Акихико Кунитоки, президент ежедневной японской газеты «Секаи Ниппо», Токио: «Из журнала «Огонек» мы узнали о катастрофической ситуации по СПИДу в СССР и о работе вашего фонда «Огонек» — АНТИСПИД». Мы хотим пожертвовать вам одноразовые шприцы на сумму 40 миллионов иен.

Я искренне надеюсь, что эта помощь углубит и упрочит нашу дружбу».

Советские женщины, постоянно проживающие в Тунисе,— Н. Муэли, Н. Сак, Т. Гарби, О. Хабиб, Е. Опрети, Е. Бен Юсгеф, Т. Зриби, Н. Земдем, А. Гарбиа, Н. Агреби — подарили фонду 1000 шприцев.

9 студентов МГУ и МХТИ им. Д. И. Менделеева, участвовавшие в обменной студенческой практике в Дартмундском колледже в США, дарят 1000 одноразовых шприцев для передачи в детскую больницу.

Благотворительный фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» благодарит Оргкомитет Первого Московского джазового фестиваля и всех музыкантов, принявших участие в благотворительном гала-концерте «Звезды джаза», сбор от которого перечислен на счет Фонда.

Большое спасибо **оркестру п/у О. Лундстрема, ансамблям «Архангельск», «Бумеранг», «Каданс», Игорю Брилю, Вагифу Садыкову, Аркадию Шилклоперу, Михаилу Альперину, Леониду Чижику, Станиславу Григорьеву, Анатолию Соболеву, Леониду Пташке, Анатолию Вапирову (Болгария),** передавшим гонорар за участие в фестивале в наш Фонд.

Мы восхищены оперативностью и неутомимой энергией импресарио Габриэле Кляйншмидт, которая, помимо звезд мирового джаза, привезла в Москву 20 тысяч одноразовых шприцев.

Советский благотворительный Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» благодарит **радиостанцию «Европа плюс Москва»** за согласие оказывать помощь в проведении просветительской работы среди населения путем передачи информации о СПИДе и работе анонимной службы по диагностике СПИДа.

БЛАГОДАРИМ всех участников благотворительной акции Фонда в Московском дворце молодежи, выступивших бесплатно: Тамару Синявскую, Евгения Райкова, мужской вокальный квартет Пермской филармонии, театр «Звезды мировой гимнастики» «Синко-Спортшоу», экспериментальную лабораторию творчества глухих, детскую хореографическую студию ДК АЗЛК, Андрея Макаревича, Геннадия Хазанова, Веронику Долину, Елену Зарембу, Владимира Богачева, Нину Терентьеву, Светлану Бортнянскую, Элисо Вирсаладзе, Галину Крапивину, Олега Кожанова, детский балетный театр ДК «ЗИЛ» п/р Геннадия Ледяха, Ларису Долину, Машу Распутину и группу «Бульвар», группу «Мегаполис» п/р Олега Нестерова, вокальный ансамбль «Русская песня» п/р Надежды Бабкиной, детскую хоровую студию «Радость» п/р Татьяны Ждановой, Государственный академический русский хор Союза ССР п/р Александра Афанасьева, Московскую инструментальную капеллу, Олега Степурко, организатора концертных программ театра «Темп» СТД СССР (реж. Э. М. Смольный), Игоря Талькова.

Благодарим всех, кто принял участие в благотворительных базарах во время акции и перечислил вырученные деньги на счет Фонда:

Московский обком и горком Красного Креста, Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (670 руб.);

воспитанников секций ИЗО и эстетики быта Московского городского дворца пионеров и школьников (145 руб.);

Христианско-демократическое движение (120 руб.).

Благодарим учащихся Московского техникума советской торговли, которые под руководством завуча Л. А. Беляевой помогали в организации и проведении благотворительных базаров.

Благодарим Павлово-Посадское платочное объединение (директор Л. М. Белас), которое передало в дар Фонду партию изделий высшего качества на сумму 1800 руб., а также Дулевский фарфоровый завод, кондитерскую фабрику «Красный Октябрь», 2-й Московский часовой завод, передавших по безналичному расчету для благотворительной продажи свою продукцию, пользующуюся повышенным спросом. Часть ее была продана на аукционе, который принес Фонду 4 тысячи 735 рублей.

Вся выручка от акции поступит в помощь ВИЧ-инфицированным детям.

С 27 июля по 6 августа с.г. по нашему приглашению в Москву приезжали **два американских ученых Калифорнийского университета из Лос-Анджелеса: доктор Г. Черрик и доктор Ф. Фаузи.** Они побывали в стоматологических клиниках, роддомах, во 2-й инфекционной больнице г. Москвы, встречались с академиком В. И. Покровским. Ученые прочли лекции для специалистов.

С 6 по 14 октября по приглашению Фонда приезжал известный ученый, профессор социологии Нью-Йоркского университета доктор Дж. Гэньон. Он прочел курс лекций, две из которых — «Социальный и эпидемиологический характер эпидемии СПИДа в США» и «Эпидемия СПИДа и ее влияние на сексуальное поведение» — вызвали широкий интерес аудитории студентов и специалистов. Кроме того, профессор Дж. Гэньон установил с нашими учеными-социологами деловые контакты по проблемам СПИДа.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ФОНДА

В 1991 году издательство «Мир» выпускает книгу «АЗБУКА СПИДа» (под ред. М. Адлера).

Эта книга — перевод на русский язык специального выпуска британского медицинского журнала «Бритиш Медикл Джорнел». С использованием многочисленных цветных иллюстраций, в доступной, наглядной форме в ней изложены основные аспекты проблемы СПИДа: биология вируса — возбудителя заболевания, эпидемиология и клинические проявления болезни, тактика предупреждения заражения.

Книга рассчитана на практических врачей, не имеющих специальной подготовки в диагностике СПИДа и оказании помощи больным, средний медицинский персонал, членов семьи заболевших СПИДом.

Предварительные заказы принимаются в магазинах научно-технической и медицинской книги.

НПО биологического приборостроения Академии наук СССР созданы конкурентоспособные на мировом рынке одноканальные и восьмиканальные микродозаторы (микропипетки), необходимые при иммунологических анализах и входящие в тестовый набор для выявления заражения СПИДом.

Подтвержденная потребность в микродозаторах 15—20 тысяч штук в год.

Создатели этого изделия, понимая нужды страны, несмотря на соблазны мирового рынка, откуда также имеются твердые заказы, готовы производить на внутренний рынок нужное количество микродозаторов за советские рубли по ценам значительно ниже мировых.

Однако в оборудовании опытного завода НПО для этого недостает двух-трех термопластавтоматов с объемом впрыска до 125—250 куб. см.

Нас вполне устроили бы термопластавтоматы отечественного производства. Организация не стеснена в деньгах и оплатит термопластавтоматы и вывезет их. Три автомата на уже готовых у нас пресс-формах обеспечат выпуск 10—15 тысяч микродозаторов и несколько миллионов комплектов разовых наконечников.

Своим предложением мы вносим посильный вклад в борьбу с эпидемией СПИДа в СССР и обращаемся к руководителям предприятий, имеющих возможность продать нам три термопластавтомата, внести этим свой вклад в это благородное дело.

А. Г. АРИСТАКЕСЯН, генеральный директор Научно-производственного объединения биологического приборостроения (г. Пущино).

Фото
Марка
ШТЕЙНБОКА

ВРЕМЯ СТРОИТЬ

Когда-то здесь стоял храм. Его разрушили, чтобы, зачеркнув прошлое, разровнять место для строительства новой, небывало счастливой жизни... Когда-нибудь здесь будет стоять храм. Его построят — неужели затем, чтобы, стерев прошлые ошибки, начать строить жизнь заново? Неужели так и будем: сдергивать кресты — водружать кресты, вносить портреты — выносить портреты, переименовывать улицы — и перепереименовывать... Так и будем играть со своими богами как дикари — хорошего идола намажем жиром и зажжем перед ним жертвенный огонь, а если провинился, не дал хорошей охоты, много мяса, и шкур, и вражеских скальпов — обиженно швырнем в угол, повернем лицом к стене, вынесем из зала заседаний...

В 1626 году икона Казанской Божией Матери — воинская святыня, символ освобождения Москвы и победы русского народа — была перенесена князем Дмитрием Михайловичем Пожарским в новый храм ее имени. В 1636 году Казанский собор, выстроенный в ознаменование победы над Смутным временем, был отреставрирован после пожара и вновь освящен. В 1936 году собор был снесен. В воскресенье 4 ноября 1990 года в осенний праздник иконы Казанской Божией Матери Патриархом Московским и всея Руси Алексием II было освящено место воссоздания Казанского собора на Красной площади...

Заблудившийся ходит по кругу. Мы сделали этот круг и вернулись на прежнее место. Пока на этом месте — лишь обнаженный фундамент, и есть время подумать о том, что же станет символом наших дней: восстановление разрушенного или разрушение ошибочно созданного? Восстановление храмов или демонтаж памятников? Трудно избежать искушения выбросить из памяти то, что неприятно вспоминать, но, может быть, камень, заложенный в основание снесенного во имя новой жизни храма, послужит напоминанием — это уже было. Может быть, действительно наступает новое время — время, когда мы наконец поймем, что теперь имеем право только строить, только восстанавливать, только созидать... Есть о чем подумать, стоя перед пустым огороженным местом, где когда-нибудь будет стоять храм...

Светлана ВАВРА

ДИАЛОГ С СОВЕТОЛОГОМ

«Хроника революции» — так называется вышедший недавно в нью-йоркском издательстве «Пантеон» сборник статей западных и советских публицистов, посвященный проблемам перестройки. Среди авторов сборника как известные зарубежные советологи Алек Ноув, Фредерик Старр, Арчи Браун, Вильям Батлер, так и наши теоретики, а, впрочем, теперь уж скорее практики перестройки — Гавриил Попов, Отто Лацис, Рой Медведев, Леонид Баткин. В сущности, это диалог между отечественными и зарубежными политологами, два взгляда на события: один сделан из их эпицентра, а другой — из западного «прекрасного далека».

Организатор этого диалога, составитель и редактор сборника Абрахам Брумберг побывал в редакции «Огонька», и наш разговор начался с просьбы представиться советскому читателю.

— Я советолог со стажем. В пятидесятые — шестидесятые годы и в начале семидесятых редактировал издаваемый правительством США журнал «Проблемы коммунизма». Этот журнал, кстати, один из наиболее серьезных в своей области, пользовался устойчивой репутацией антисоветского. Однако немало из того, что мы тогда утверждали, теперь стало общим местом большинства современных советских изданий и прежде всего «Огонька». Дело, конечно, не в нашем даре предвидения. Просто советское общественное сознание преодолело за эти годы многие предрассудки, придя в конце концов к трезвому и объективному видению своей истории.

— Только истории? А современных событий?

— Здесь сложнее. Трезво оценивать политическую ситуацию, находясь внутри ее, мало кому удавалось.

— Думаете, со стороны виднее?

— И со стороны разобраться в том, что здесь происходит, непросто. Западные советологи, так же как представители любой науки, находятся в плену собственных концепций. Достаточно сказать, что в начале восьмидесятых годов никто не представлял себе возможности событий, ставших реальностью в Советском Союзе в нынешние времена. Революция сверху, которая в столь сжатые сроки сменилась революцией снизу, приближение хаоса — кто мог предсказать все это?

— Не будем, однако, ожидать от политологов пророческого дара.

— Не будем. И поговорим о другом. В сборнике отразилось неоднозначное восприятие советской действительности, которое можно с известным допуском определить как противостояние двух направлений политической мысли. Для одного Советское государство служило типичной тоталитарной моделью, сформированной всей отечественной историей. Догматы марксизма-ленинизма стали лишь инструментом власти бюрократии, рожденной всей российской политической культурой. Советизм, по мнению представителей этой школы, как бы изначально присущ Российскому государству с его классическим имперским мышлением.

Представители другого направления — эволюционного — не смотрели столь мрачно на вещи. Они видели в чередовании режимов, связанных с именами лидеров, нарастание тенденций, которые в конце концов привели к переменам в политической системе, к изменению всего ее облика.

— А к какому направлению вы относите себя?

— Скорее к эволюционному. Когда я слышу, что в России нет демократических традиций и, стало быть, политической культуры, я вспоминаю начало века. Стоило царскому самодержавию несколько отпустить тормоза, как в стране мгновенно, по существу, за несколько лет, появились и рабочее движение, и политические партии, и весьма деятельный парламент — Государственная дума. И все это лишь через сорок лет после отмены крепостного права. Россия — страна большого политического потенциала.

— Вполне возможно. Только как используется этот потенциал? События последних месяцев отнюдь не внушают оптимизма.

— Согласен. В сборник, который я составил, вошли статьи, написанные в 1989 году, когда надежды на успех перестройки было куда больше, чем сейчас. Это ведь хроника первых ее пяти лет. Нынешние времена я бы назвал постперестройкой. Ее отличительными особенностями стали утрата авторитета власти — сначала высшей центральной, а теперь все в большей мере и местной, исчерпанность кредита народного доверия, стремительное обострение продовольственной ситуации и, наконец, развал союза республик. Похоже на то, что развал этот необратим. Видимо, можно себе представить грядущее политическое устройство Советского государства конфедеративным или напоминающим в какой-то мере британское Содружество наций. Те республики, которые требуют автономии или полного суверенитета, думается, должны получить их.

Вместе с тем не могу себе в ближайшее время представить совершенно независимую Грузию или Литву. Экономические, политические, национальные связи, укреплявшиеся десятилетиями, трудно разорвать в одночасье.

Впрочем, воздержусь от прогнозов. Нынешняя советская действительность столь причудлива, полна таких трагических противоречий...

— Каковы ваши планы?

— Хочу написать несколько статей о современной советской прессе, о том, к каким последствиям привело раскрепощение печатного слова.

— Да, уж здесь картина куда как причудливая.

— Вот я и хочу исследовать ее.

— Что ж, Бог вам в помощь, как говаривали в старину.

М. ЗАРАЕВ

Отдыхать каждому хочется, разумеется, летом, на худой конец — в начале осени. Ну кто поедет в дом отдыха в октябрьскую непогоду или в февральские заносы, да еще с детьми? Поэтому профсоюзы, а речь идет о здравницах семейного отдыха, заранее планируют так называемые недоезды. Вот и изворачиваются директора, всеми способами завлекая к себе отдыхающих. В некоторых регионах, например, в Белоруссии, Владимирской и Курганской областях,— весьма успешно. Чего не скажешь об Эстонии, Грузии и центральных — Московской и Ленинградской — областях. Тут здравницы в межсезонье, как говорится, «горят синим огнем». На Украине в среднем дела получше, но, вероятно, за счет таких предприимчивых хозяев, как в территориальном совете Николаевской области. Что тут придумали еще прошлой зимой?

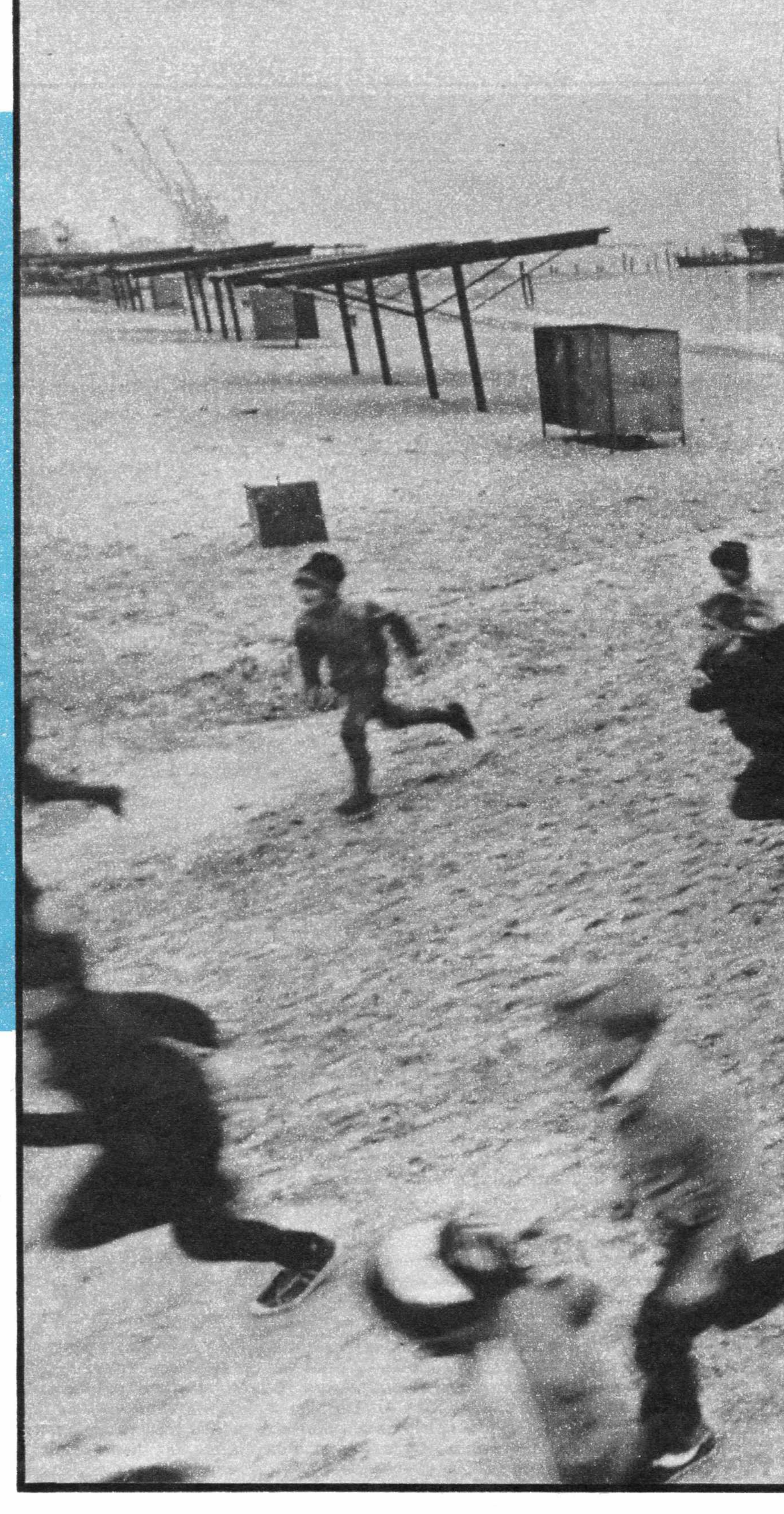
Объединение пансионатов «Очаков» пригласило к себе на самый неблагополучный месяц — февраль — школьников из города Николаева. Да, да. Ребятишек целыми классами в полном составе с учителями, воспитателями, даже бабушками, и свободными, неработающими мамами, если они того пожелали. Создали для них такие условия, что дети не только могли играть у моря, но и заниматься по своей программе. С 5 февраля по 29 апреля, таким образом, жили 345 учащихся третьих и четвертых классов. Принимали на две недели и первоклашек.

В октябре 1990 года пансионат «Очаков» принял дальних гостей: два третьих и два четвертых класса из белорусского города Мозыря Гомельской области, оказавшегося в зоне воздействия Чернобыльской АЭС. Детей разместили в лучшем корпусе пансионата. Организовали пятиразовое питание по специальному меню со свежими фруктами, овощами, соками, медом и черной икрой. Углубленным медицинским обследованием выявлено несколько человек, получивших повышенную дозу облучения. К сожалению, это не значилось в сопроводительных документах.

Большим успехом у ребят пользовались кислородные коктейли, приготовленные на лекарственных травах с добавлением соков и сиропов. Для процедур им были предоставлены богато оборудованные физиотерапевтические кабинеты. И, конечно же, всегда было шумно и весело на спортивных площадках и в залах с тренажерами. Остается добавить, что все путевки школьникам оплатил профком завода мелиоративных машин Мозыря — пример, достойный всяческого подражания. В ноябре «Очаков» принимал вторую группу школьников из Белоруссии.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

ИЗ МОЗЫРЯ В ОЧАКОВ

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Нина ЧУГУНОВА,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

Человек в вязаной кепке тычет мне в спину, протискивается ближе и кричит:

— Да вы посмотрите ей в глаза! Люди! У нее душа вся черная!

Я оборачиваюсь. Такие замечательные кепки одно время в Москве носили выходцы из Новосибирска и комсомольские вожаки, румяные парни. В такой кепке человек кажется простым, свойским: земляк!

Он рвется ко мне, как родной на вокзале. Как если бы мы с ним были разлучены проклятой войной, и вот сейчас он меня обнимет.

У памятника Штефану Великому свечки горят и днем, как в церкви. А цветы здесь поправляет тетенька, по имени Клавдия, но я ее еще не знаю, мы только что сюда пришли.

Теперь я знаю, как это просто начинается.

— Посмотрите ей в глаза!

И он переживает, что не может ко мне поскорее добраться. Ему люди пока мешают. Люди стоят плотной толпой вокруг каждого из нас. Две небольшие, быстро сгущающиеся толпы. Полдень, Кишинев. Это очень быстро произошло. Около памятника прохаживались кучками граждане, читали прекрасно исполненную цитату из Солженицына, что надо смириться с уходом одиннадцати республик, в том числе и Молдовы, если ее так тянет в Румынию. Я было сказала: ну, вот так и заканчивается митинговая эйфория — раньше собрания и крики захватывали людей, а теперь, наверное, надо для этого повод искать, вроде бы все люди друг другу сказали.

Некто, луща семечки и веером рассеивая шелуху, прошел походочкой матросской и что-то сказал нам по-румынски.

— Да мы из Москвы,— отвечали мы безмятежно.

Он, удаляясь, раза два оглянулся.

— Они из «Огонька»!

«Огонек» в Кишиневе еще любят. Но мало кто слышит. Люди напирают.

— Убирайтесь вон из нашей страны!

Достаточно того, что мы журналисты из центра. Журналисты из центра лгут. Это кричат мне в оба уха. Конечно, всему причиной фотоаппарат «Никон». Без «Никона» еще можно было сойти за хороших людей.

— Давайте поговорим спокойно,— говорю я тому, кто пытается прокричать слово «Огонек», сегодня спасительное,— расскажите, что сегодня обсуждали люди здесь, у памятника.— И он успевает кивнуть.

— Например! — кричит новый протискивающийся.— Вот вы живете в квартире, а я возьму и приеду к вам жить! А? Как вам будет?

По шуму из соседней толпы я догадываюсь, что мне достались не самые нервные обитатели парка.

— Да! — подхватывают они, и я вижу простые лица.— Вот вы живете в своей квартире...

— Посмотрите ей в глаза!

Слепая ненависть никакой не огонь. Это когда к тебе пробиваются, глядя мимо тебя. Но пробираются верно.

Но «черная душа» — это сильно сказано.

И тогда они замолкают. Они говорят:

— Что ж ты ревешь? Какая же ты журналистка? Вы там, в «Огоньке», все должны быть смелые, даже нахальные.

Это же твоя работа. Вы же небось под пули ходите.

— Под пули ходят другие,— говорю я чистосердечно.

И мы вдруг все вздыхаем, как кузнечные мехи.

— Что, и в Баку не была? — спрашивают меня мужики.

Но это только передышка. Потом милиционер, откуда-то взявшийся, ведет нас прочь, и он говорит:

— Идите быстрее, вы что, не понимаете? — И он молодой и встревоженный, а там за парком троллейбусы и всюду жизнь, как написал художник Ярошенко в своей тюремной картине. Кажется, ну, что бы произошло страшного такого?

— Били бы,— говорит милиционер.— Сначала бы разбили фотоаппарат.

Он сержант, его зовут Игорь, он здесь службу несет с тех пор, «как все началось». Каждый день ему приходится вынимать из сгущающейся небольшой толпишки человека, вокруг которого все клубятся, и выводить его из парка.

— Но иногда они набрасываются друг на друга. Теперь мы не вмешиваемся. Ворон ворону глаз не выклюет.

— Кто — «они»?

— Они.

— Молдаване?

— Да я сам молдаванин. Нет...

А на улице продают хорошие книги. Молдавскую кухню и Цветаеву в сафьяновой обложке. «Принц Гамлет! Не Вашего разума дело...» В лавке парфюмерной потрясающий выбор одеколонов, вплоть до «Шипра».

А через два часа мимо меня пробежал своей дорогой человек из моей толпы, взглядом столкнулся со мной...

...узнал!

Мы были в Молдове в конце ноября. Это были дни тишины. Мы были в Тирасполе и видели, как в спокойной,

ТЬ ВОСПАЛЕННУЮ КРОВЬ

хоть и напряженной обстановке люди голосовали. На одном из избирательных участков нам сообщили, что о проведении выборов раньше официального срока поступило «указание сверху». Это нам очень знакомо: лозунги на улицах как из фильмов пятилетней давности. И Ленин непоруганный стоит. Руководитель «Приднестровской республики» в своем интервью нам, которое на всякий случай записал и на свой диктофон, сообщил, что выборы проходят по настоятельной просьбе граждан, которые буквально ломятся на избирательные участки, желая поскорее проголосовать. Перед нами тов. Смирнов И. Н. принял целую команду французских журналистов, которым, по сообщению секретаря, рассказывал «всю историю с самого начала». Игорь Николаевич отказался придать своему интервью характер личного мнения, отказался поделиться чувствами, тревогой, возможно, замешательством, восприняв наше предложение как отказ узнавать о том, что происходит в Приднестровье. Вывод, который можно сделать после беседы с ним: в Молдове формируется диктаторский режим, нетерпимый к иной мысли, иному мнению. В отстаивании своей точки зрения Игорь Николаевич продемонстрировал нетерпимость к иной точке зрения.

Тихо жгли костры рабочие с тираспольских заводов, направленные на кордоны при въезде в город и готовые дать отпор волонтерам о т т у д а.

— Снимайте,— разрешил человек с повязкой, проверив документы.— Только снимайте объективно.

— А как можно снять необъективно? — было восхитилась я.

— Можно,— спокойно, по-рабочему сказал человек.— Вон ломик стоит. Мы им дрова разбиваем. А вы снимете — будет оружие.

— А оружия нет?

— А оружия нет.

— С какой целью вы здесь?

— Ночью проверяем все машины. Досматриваем на предмет оружия.

— Были ли случаи, когда вы находили оружие в машинах?

— Пока не было.

Это такая тишина, что вслушаешься — и кровь из ушей.

В Тирасполе питаются слухами о том, что готовится в Кишиневе. В Кишиневе рассказывают небылицы о том, что творится в Тирасполе. В людях чувствуется почти яростное желание иметь четкие формулировки. Эта тяга к простому и ясному лозунгу — пугающая тяга. Также заметно стремление выяснить, на чьей стороне собеседник. Выяснить до начала разговора. От того, на чьей ты стороне, зависит отношение к тебе. Твое собственное знание и твои мысли не так интересуют, как твоя полувоенная позиция. «Люди! Посмотрите ей в глаза!» — это то же самое нежелание общаться с новым человеком, достигшее предела.

Это предел напряжения, от которого дрожит тишина.

ВРАГ

Не устану повторять: «чужой» не значит «враг». Но даже в Литве в марте этого года, когда была провозглашена Республика Литва, мы не почувствовали такой требовательности к новому человеку: докажи свою лояльность! Возможно, этим страстям в механике развития демократии отводится свое время. Способность в толпе опознать иного, чем ты,— это способность, присущая демократически развитой личности. Желание воспользоваться иным, как новым,— это способность зрелости и мудрости или же это просто дар Божий.

Мы уже поняли, что мы не гениальны

как общество и не превзошли другие общества в развитии. Но, пока мы сподобились это понять, мы уже вполне усвоили привычки гения и любимца публики. Если раньше обязательное, «законное» различие между мечтой и жизнью стиралось так же, как различие между городом и деревней — при помощи лжи, то сейчас... тоже при помощи лжи.

Эта ложь — враг, которого всем надо найти рядом с собой.

Эта ложь тоньше и интереснее победных реляций. Глупо было бы народу твердить о полной и окончательной победе демократизма. Пройдет время, все установится...

Мне кажется, что стоит вспомнить революционный рывок масс к строительству новой жизни в начале строительства нашего государства. И что было потом, когда немедленно не началась хорошая жизнь.

Нетерпимостью, тягой к чрезвычайной определенности дышат и суждения о том, что происходит в Молдове. Привожу стереотипные.

— Способная и понятливая «ученица» Литвы, Молдова сегодня превосходит Литву в рывке прочь из СССР.

— Идет стремительная фашизация режима.

— Идет повсеместная румынизация государственной и общественной жизни.

— Молдова готовится к прыжку в Румынию.

— При этом пострадают русские, которых просто вышвырнут. Закон о языке невыполним, и есть всего лишь повод для измывательств над некоренными жителями.

— Приднестровская республика — последний оплот социализма на этой земле.

— ...а Горбачев предал Приднестровскую республику.

— Центр закрывает глаза на готовящуюся расправу над русскими.

— Приднестровская республика и весь шум вокруг нее — результат происков центра, который шантажирует Молдову, принуждая ее подписать Союзный договор.

— Молдова — испытательный полигон для политиков центра.

Не стану комментировать. Не стану и утверждать, что это абсурдные суждения. Поэт и политик, первый заместитель Председателя Верховного Совета Молдовы, Ион Хадыркэ, давший интервью «Огоньку», сказал: неточное слово может быть опасной социальной силой.

Сейчас только хочу, чтобы вы услышали эти голоса в «тишине».

Если в Молдове вновь прольется кровь, вина ляжет на эти *тихие* дни.

Нет тишины. Была трагедия немоты. Но, выбираясь из трагедии немоты, не впасть бы в похожую. Ведь это глухой кричал там, у памятника? Ведь это глухие внимали ему?

Глухой или безумный?

Сегодня драма Молдовы — это драма незнания. Это и наше незнание о Молдове... Мы благодарны лидеру социал-демократов Оазу Нантою, советнику по русским вопросам при Председателе Верховного Совета Молдовы Виктору Гребенщикову и уже упомянутому Иону Хадыркэ за то, что, уделив «Огоньку» внимание и время, они продемонстрировали стремление объясниться — в большей степени, нежели стремление видеть нас на своей стороне. Собственно, у меня во время этих бесед не возникало ощущение *стороны*. Другое было: *пространство*.

Враг появляется, когда появляется граница. В Молдове эта граница проведена. С одной стороны — незаконные выборы в Приднестровье. С другой стороны — избиения на улицах Кишинева.

«Постановление № 6. 17 сентября 1990 г. В связи с провозглашением так называемой ПМССР, которая является антиконституционной и направлена против целостности Республики Молдовы и ее народа, Тираспольская городская организация Народного фронта Молдовы постановляет: ...3 ... считать ВРАГАМИ молдавского народа деструктивные элементы, организовавшие и присутствовавшие на так называемом съезде МССР... 5. Отделу по сбору информации НФМ активизировать работу по сбору информации на всех делегатов 2-го съезда ПМССР. 6. Всем членам НФМ интенсивно подготовиться для работы в условиях подполья, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Подготовить базу для ведения партизанской борьбы...»

Избиения на улицах произошли через два месяца после принятия этого документа и через четыре дня после создания согласительной комиссии во главе с первым секретарем ЦК компартии республики П. Лучинским. Поводом для избиений, потрясших город, было убийство во время драки в кафе. Похороны вылились в митинг.

— Тоже хороши! Кого-то в кафе зарезали, а они носились с гробом по всему городу.

Это было мне сказано в Москве, и человек не ведал, что говорил... Уж лучше б помолчал.

Уж лучше тишина. И вот: пока тишина. Безнадежная?..

СНАЧАЛА В МОЛДАВИИ ЖИЛИ МОЛДАВАНЕ?

Надо разобраться с «румынизацией». Сегодня в Молдове коренное население разделяется на тех, кто считает себя молдаванином, и тех, кто считает себя румыном. И те, и другие также разделяются: молдаване, что хотели бы жить в составе Союза, и те, кто хотел бы жить в суверенной республике. Румыны: те, кто хотел бы жить в суверенной республике, и те, кто хотел бы жить в Румынии. Видно, что к национальной проблеме это не имеет никакого отношения,— люди делятся по политическим взглядам. Они имеют одну национальность.

Одну, но долго и тщательно скрываемую. И причина этого политическая.

Эта проблема, как хроническая болезнь, запущена настолько, что немедленного излечения не следует ждать. Причина этой болезни — прародительница сегодняшней, чреватой гражданской войной нетерпимости: проведенная посреди единого народа политическая граница потребовала такой муштровки одной части этого народа, что он *иное*, пусть кровно родное, смиренно стал воспринимать как чужое, опасное, вредное и некровное.

Итак, рассказывает Оазу Нантой, Бессарабия была оккупирована Россией в 1812 году. В 1918 году часть Бессарабии отошла к Румынии. В Левобережье воцарилась Советская власть. Период между двумя войнами по учебникам известен каждому молдаванину как период «бояро-румынской» оккупации. Идеологической машине удался образ врага из сопредельной Румынии. Мы знаем о зверствах румынских жандармов, учинявших над *молдавскими* коммунистами... Понятно, что политические разногласия отталкивают людей друг от друга. Но еще сильнее отталкивают классовые различия. И, наконец, настоящую черту проводит национальная рознь. «Апогей маразма», говорит мой собеседник, наступил в тридцатые годы, ближе к тридцать седьмому, когда стал создаваться особенный, новый, искусственный «советский» язык для живущих на советской территории. История с молдавским языком из области лысенковщины. Но если с рожью не получалось, то с языком удача пришла. Был создан на основе говоров, с применением русских слов *славянский*, в противоположность румынскому, язык. Он был назван по названию земли молдавским (народ — по языку?). Так народ, лишившись истории (отныне то была не его история, его начиналась значительно позже!), литературного языка, следовательно, классиков литературы, лишился и возможности правильно развиваться духовно. До 56-го года народ не знал имен своих классиков. До 87-го, то есть до визита М. Горбачева в Румынию, только на территории Молдавии была запрещена подписка на румынские газеты и журналы, румынские книги нельзя было бесстрашно взять в библиотеке, невозможно было купить... Сегодняшняя интеллигенция, кое-что знающая, вывозила книги мешками из магазинов Ленинграда, где они продавались свободно, из Москвы, Черновцов... То же касается румынского театра, художественных выставок. Эта политика на первый взгляд бездарна. Врывавшиеся в студенческие общежития ради того, чтобы проверить, не настроен ли радиоприемник на Румынию, могли только пробудить интерес слушать Румынию, читать румынские книги — и открытие истины следовало немедленно.

Но на самом деле не многие просыпались. Уже выросли на молдавской земле поколения советских людей... И эти люди отличались от всех иных в нерушимом Союзе. Не зная родного языка, с рождения говорившие на убогом, примитивном, придуманном, они еще и стеснялись говорить не по-русски.

(Здесь в эти дни тишины один старый человек рассказал мне, как когда-то воскликнула его молодая невестка, жена сына, русская:

— Ну, начали на турецком гавкать!

И он смолчал. Вот чужому человеку пожаловался. Еще рассказал про голод, про послевоенный бурьян, про то, как учителя в 49-м забрали. От всего заплакал.)

Удивительное чувство посещало здесь того, кто приезжал из России! Будь он зачастую хоть дурак, он оказывался в почете. Ему русский не надо было учить. (Это — мнение русского, Виктора Гребенщикова.)

Молдавское село под Тирасполем. Замешательство этих простых людей характерно для Молдовы сегодня: одни не могут понять кричащих на площадях Кишинева и Тирасполя— кричащие на площадях не слышат... Останови! На краю рассудка — останови.

Надо бы проследить для истории, кто ехал в Молдавию с востока. Энтузиасты, строители всяческих ГЭС, готовые строить на пустом месте, готовые перевыполнять планы. (Что сделали с землей Молдовы!..) Или готовые выполнять указания партии? (Что сделали с лозой Молдовы?..) Или искатели теплых краев? Ветераны? Военные в отставке? Откуда было им взять уважительное знание новой земли, ведь адрес — не дом и не улица... Так складывался народ Молдавии.

И сегодня, когда на собрании по поводу образования Русского общества в Молдове встает ветеран (рассказал Виктор Гребенщиков) и заявляет, что он боролся и кровь проливал за интернационализм и никакого Русского общества ему не надо,— удивляться нечему. Люди не хотят и сами быть *иными*, отдельными людьми. Они не враги сами себе. То, что они называют дружбой народов... Ну, об этом после.

Ликбез этих людей мог бы начаться в Народном фронте.

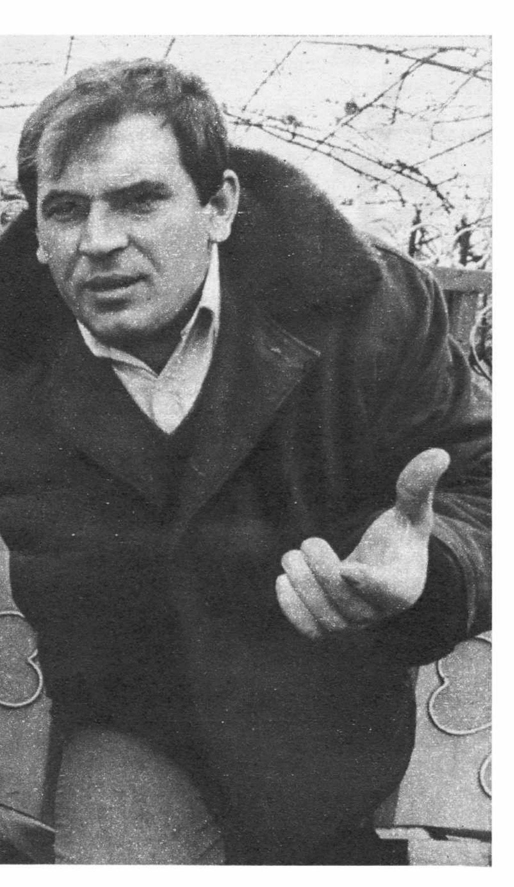
ХАРАКТЕР НАРОДНОГО ФРОНТА

Оазу Нантой, один из лидеров Народного фронта, называет Народный фронт времени начала движением прекрасно-

душных интеллигентов. Но сегодня он же не отрицает, что в Народном фронте, точнее, в некоторых его лидерах, появилось «искушение задавить». Можно, с некоторым допущением, счесть образование социал-демократической партии в Молдове продиктованным стремлением противопоставить Народному фронту более миролюбивую партию, а кроме того, партию многонациональную.

Как ожесточение начало проникать в характер Народного фронта? Обычным путем — в ответ на ожесточенное сопротивление ему.

Народный фронт был первым проблеском альтернативы в танцующей от интернационализма и благополучия республике «красивого молдаванина». Он натолкнулся «на бетонную стену из «нет, нет и нет». Эти «нет» были произнесены секретарем ЦК Компартии Молдавии. Нет — государственности молдавского языка. Нет — признанию его идентичности румынскому. Нет — переходу на латинскую графику. Эти политические

«нет» были ответом на национальный порыв. Естественно, что продолжение схватки могло быть только политическое. 12 декабря 88-го года в типографиях набирается программа демократического движения — немедленно поступают в те же типографии тезисы ЦК Компартии Молдавии, где три «нет» обосновываются старательно.

Вот истинное противостояние.Те, кто сделал себе карьеру на «советизации» (имею в виду уничтожение национальных особенностей, природных богатств, сокровищ духовности), немедленно предъявил «румынизацию» как главный аргумент обвинения Народному фронту.

«Румынизация» — вдвойне плохое, пугающее слово. Советский человек, некогда приучавшийся к страшным «румынам» так же, как к злодеям — «немцам», воспринимает приставку «румын», как знак политической угрозы. Окончание «ация» есть знак насильственного действия, тут и «коллективизация», и прочее. А насилие, тем более национально-политическое, может вызывать только желание яростно сопротивляться. Сопротивление, тем более с примесью страха (этот страх должен был сопровождать тех, кто не знал земли, на которой жил!), как бы подстегнуло тех, кто в дразнящем термине противников Народного фронта выискал идею, способную стать знаменем погромщиков.

Так виток за витком складывалось противостояние людей и людей. Эти люди забыли, кем были брошены три «нет», кто возобновил политическое осуждение национального, патриотического порыва.

Это противостояние наскоро воспитывало людей, уродовало их. «Молдаване» и «русскоязычные» — друг против друга!

Это противостояние портило и характер Народного фронта. «Прорумынская» настроенность некоторых лидеров сегодня, возможно, ими же воспринимается как способ доказать непримиримость по отношению к центру. Движение прекраснодушных интеллигентов сегодня — правящая партия?

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ

— Мне все время страшно. Я ведь русскоязычная.

Это слово мне кажется исчадием расизма. В «русскоязычных» превратились все запуганные «румынизацией». Эта земля не знала в последние десятилетия ни одного нормально протекающего процесса: ни рост хлебов, ни поспевание вина, ни жизнь языка, ни любовь человека к Родине не подчинялись естественным законам. Поэтому в каждом новом люди видят угрозу... Обычная для нашей Родины история. Людей разбрасывает в разные стороны, и они не в состоянии разобраться в политических высказываниях. Многие «русскоязычные» — это люди, не желающие перемен. Они часто говорят о дружбе народов, о том, как дружны все были прежде, тоном, каким вспоминают свадьбу.

— И ты мне... ёкт... будь хоть узбечкой,— дружелюбно сказал мне человек на избирательном участке.

Он убежден, что «там у них фашизм, настоящий фашизм!».

Страх его передался и мне.

— Мне страшно за детей,— сказала директор школы.

И страх ее передался и мне. Страх легче объединяет. Когда страшно, нет времени размышлять, кто пугает. Ищешь, как спастись.

Но дружинник, готовый защищать порядок на избирательном участке, вдруг сказал всю правду: «Надо сделать, как было. А было: зайдешь в магазин — все есть. Колбаса есть!».

ЯЗЫК, БРАТ МОЙ?

Решение проблемы — это решение вопроса о языке? Именно Закон о языке поднял и привел в состояние боевой готовности гагаузов и «русскоязычных». Пока не будет решена языковая проблема, политические страсти будут взвинчиваться при помощи этого простого и действенного средства. Виктор Гребенщиков считает, что у человека, знающего «молдавский» (берем его в кавычки, надеемся, что язык будет восполнен, восстановлен!), проблем в Молдове не возникнет.

Но люди уже почувствовали вкус выискивать чужого в толпе. Не секрет, что вновь создаваемые или претерпевающие изменения структуры, организации обретают большинство сотрудников «коренной» национальности. Эта национальная рознь на бытовом уровне — прилипчивая, заразная штука. К ней восприимчивы дети... Если Закон о языке будет еще раз тщательно изучен и станет неукоснительно соблюдаться, если изучение государственного языка будет обеспечено как следует — станет легче. Но и только...

«Русскоязычные» — это русские? Украинцы? Да нет, это жители Молдовы. Если им придется покинуть родину (Молдова для поколений — родная земля), республика не просто лишится профессиональных кадров, о чем придется жалеть едва ли не немедленно. Она лишится своей части. То есть произойдет опять «советское» уничтожение, грубый насильственный акт совершится вопреки законам, по которым идет жизнь.

А жизнь следует закону, когда новое вырастает не на месте старого — рядом со старым, питаясь им, помогая ему дожить век.

Новый язык не заменит привычный, пусть полуживой. Он вырастет рядом. Только новые поэты заговорят на новом языке? Да! Да...

Старое уходит, ощутив усталость.

В Молдове ощутимо устали от митингов. 1 декабря на митинг в центре Кишинева по призыву Народного фронта собрались несколько тысяч...

Передышка?

СЛОВО ПОЛИТИКА И ПОЭТА

— Я много думал о том, что слово сильно влияет на концепцию человеческого мировосприятия. Я встречался со случаями, когда неверное, несправедливое и поспешное слово, сказанное на митинге, перед народом, и, казалось бы, гарантирующее успех, даже принесшее успех сказавшему, потом бумерангом возвращалось... Вчера я встречался с моими избирателями, и меня спросили: после октябрьских, ноябрьских событий, встречи в Москве (с М. Горбачевым: И. Хадыркэ возглавлял группу парламентариев из Молдовы) и моего сообщения в парламенте не сдал ли я позиции?

Люди уловили какой-то новый оттенок в моих высказываниях: я призывал к учету реальности.

Возможно, участие в согласительной комиссии, поиск многовариантного решения, компромисса и привели к обретению взвешенной и... продуманной позиции.

Меня спросили: не сдал ли я позиции?

Ведь, когда меня избирали, они во мне видели «образ дака». А даки не боялись смерти!

Человек сказал: этот образ теперь потускнел.

Я понял его.

Даки воспринимали смерть как ступень к миру Бога.

Я ответил ему. Два года назад я выступал лишь от своего имени. И сегодня, если бы речь шла только о моей ответственности за меня самого, я бы сохранил прежний дух своих высказываний. Но сейчас я чувствую, что за каждым словом моей позиции стоят судьбы сотен людей. Мои шаги могут быть оправданы — но ответственность важнее оправданности. Я различаю политическую, моральную ответственность и ответственность перед моим народом. В политическом плане это касается отношений парламента с парламентами других республик, соотношения в дискуссионных моментах. Моральная ответственность — это наиболее сложная область разговора... Что касается ответственности перед народом, то, в частности, это касается подписания Союзного договора. Нельзя подписывать договор без учета мнений — но еще и возможностей на данный момент — народа.

Пробуждение народа зависит от множества факторов: здесь зависимость от сельских феодалов, угроза кризиса, спекуляция и пребывание все еще в однопартийной системе, наша зависимость от коммунистической идеологии... и сплетение национальностей. Авторы идеи гагаузской автономии очертили границы гагаузской республики, но гагаузы живут и в Кишиневе, и даже в других республиках.

Я призывал прекратить кампанию русофобии — это может повредить нашим новым отношениям с Россией, я имею в виду подписанный договор. У нас складывается новый тип отношений, с учетом международных правил, договоров. Я был руководителем рабочей группы по подготовке этого документа и нахожу, что документ получился прогрессивным.

— За прошедшие два года, постоянно испытывая ответственность перед народом, вы, несомненно, должны были иначе взглянуть на него...

— Узнал ли я по-новому свой народ? Я отвечу утвердительно, хотя я не могу сказать, что прежде я не знал народа. У меня был опыт встреч, работы... Именно на этом этапе я сумел убедиться в силе слова! В силе благородного слова. Одно слово классика нашей поэзии Алексея Матеевича, одна песня во время Великого национального собрания в прошлом году сотворили чудеса, победили народ. Я вел заседание, и было время, когда я не чувствовал, на каком свете я нахожусь... извините... около миллиона на коленях молящихся... божественное слово опять спустилось на Родину! Уже можно было отсчитывать время восхождения к новым качествам, к новым состояниям. Народ сплотила необходимость признаний и защиты. Далее последовали этапы политического роста, и началось дробление, формирование основы для партий... Я могу утверждать, что таков был эффект одного Слова!

Что касается огорчительных эффектов, то можно было бы привести много примеров... Мне вспоминается: в январе этого года в Кишиневе молодой человек в компании, отправившейся на гулянье, пострадал в автокатастрофе и скончался в больнице. Но началось непредвиденное. Гроб с телом этого молодого человека был вынесен на площадь, и там были многие, что требовали мести за убийство на национальной почве. Среди требовавших были известные в республике личности. Все это взбудоражило кишиневцев, едва не приведя к новой трагедии.

Или в парламенте. Обсуждается законопроект. Выходит депутат и объявляет: убит молдаванин. Житель Ленинграда, его фамилия Молдовану. Вроде бы он заступился за национальную символику — трехцветный флаг. В драке его ударили заточкой. Казалось бы, этим должно заняться следствие, но чтобы весь парламент обсуждал это?.. Затем следует сообщение об избиении депутатов. И этим также должны заняться органы. Мы осуждаем насилие. Но не дело парламента вести дебаты по подобным поводам.

Я говорил о моральной ответственности. Уже были события в Кишиневе 15 и 16 ноября, и именно поэтому депутаты из Тирасполя отказались приезжать в Кишинев для участия в согласительной комиссии. Но я задумался: не превращается ли это в политическую линию, опирающуюся на стремление мстить? Ведь это уже опасно...

После того как триколор был законодательно принят как государственный флаг, я участвовал в полемике и услышал мнение о том, что найдется много людей, чьи родственники пострадали под триколором. В ответ я напомнил, как много советских людей пострадало под красным флагом во времена репрессий. Я услышал:

— Красное знамя не трожь!

Это сказал офицер. Я обратился к нему с рассказом о семье.

Моя бабушка была репрессирована и погребена в снегах Бурят-Монголии. Самому младшему из ее сыновей было восемь лет, и дети друг друга вырастили, похоронив мать. Но из судьбы бабушки я не делаю заключения, что виновато красное знамя. Виновата система.

Но этот человек не проникся моим чувством. Я не смог найти точку соприкосновения. В моральном плане это наше упущение, это нам минус! Мы все-таки все далеки друг от друга... Нам надо было встретиться и плакать вместе: что же это случилось с нашим народом — и горевать о своих близких. А мы боремся за символы. Много времени пройдет, и преграды между нами не падут еще!

— Меня беспокоит, с какой легкостью возникают новые преграды, как согласно ожесточаются сердца...

— История еще даст оценку тому, что с нами произошло. Жертвоприношение в угоду иллюзорному... Но это, к сожалению, слишком глубоко в нас проникло и в самом деле сформировало тип «хомо советикус». Утопия свершилась.

Рисунок
Вячеслава
ЛОСЕВА

ЗАПОЛЯРНЫЕ АНГЕЛЫ

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Рассказ

Был обычный рейс Сыктывкар — Воркута, канун Нового года и тридцать один пассажир на борту. В полетных документах у нас значилось: **явление погоды** — снег, **видимость** — 7 километров, **ветер у земли** — 180 градусов и **температура воздуха** — минус 32. Грубо говоря, была вполне хорошая, летная погода.

Бортпроводница Аллочка Новоселова в синем форменном пальтишке с черным, аккуратным, смушковым воротником поверх кожаной летчицкой куртки на молниях, предложила пассажирам пристегнуться ремнями, сказала спокойным, даже несколько равнодушным, хрипловатым голосом, что надо-де пристегнуться — «покажите свою привязанность» — шутка, как положено по инструкции,— это чтоб никто не спорил и не качал права, такой народ. Положено — и все! Она обнесла пассажиров взлетными карамельками в желтых и розовых вощеных бумажках с общепитовского жестяного подноса навалом, еще предупредила, что, если будут какие вопросы, надо жать на кнопку на подлокотнике, и, поблагодарив за внимание, опустив пустой поднос к ноге, скрылась за белой дверью, на которой черным было написано по трафарету: «Экипаж».

Все шло как обычно. Набрали высоту, заняли свой эшелон, свои две тысячи четыреста над уровнем Ледовитого океана, включили автопилот, и бортмеханик Семен Буренков, по прозвищу Фриц, принципиальный такой малый — он соседа по общежитию летного состава упек на пятнадцать суток за хулиганство в присутствии женщины,— одернул свой новый темно-синий пиджак и, не торопясь, вышел из пилотской кабины в пассажирский салон.

Он шел по проходу между кресел, чуть опустив голову, походкой экипажа, потому что пассажиры по проходу ходят совершенно не так, в их движениях — суетливость и скованность: они гости, а он шел, как хозяин, красивый летчик, между прочим, холостой.

Свет матовых плафонов с подволока сиял на Семиных золотых нарукавных шевронах, он как раз новую форму облетывал, и ему было приятно и несколько даже неловко от общего к себе внимания. Разные люди смотрели на него — командированные, ханыги, бомжи с материка, женщины с детьми-дошкольниками, девушка с накрашенными ресницами,— и все думали, вон он идет, летчик, дядя мужественной профессии.

Когда Семен возвращался назад, пассажиры один за другим уже поснимали верхнюю одежду, платки, головные уборы, было совсем тепло, он шел солидной походкой экипажа и вдруг остановился в полном

изумлении: во втором ряду справа сидел... поп. Ну, это как в кино! Натуральный поп, то есть священник. На нем была черная ряса и золоченый крест, на ногах войлочные на резиновом ходу ботинки «прощай молодость», поп смотрел в иллюминатор, сосал взлетную карамельку — он прихватил их сколько-то про запас и держал в жмене,— при этом его косматая, черная с яркой сединой борода ходила ходуном из стороны в сторону, совершая возвратно-поступательное движение.

Ничего себе, подумал бортмеханик и покачал головой, потому что за все время работы в Заполярье у него такого пассажира не было. Он возил геологов в Норильск и полярников на Диксон, были у него на борту оленеводы, охотники, моряки, строители, один генерал из Москвы, он к дочке своей летел, она у него замуж выскочила по горячей любви за старшего лейтенанта, были заключенные в наручниках, их по двое в самолет запускали, и вохра орала: «Ходи веселей! Бендера, мать твою!..» Было много разного народу, а вот попа не было, потому что за шестьдесят девятой параллелью на вечной мерзлоте живет народ, для которого церквей не строили, коренное же население, довольно редкое в этих местах, имело свои традиции, у них были шаманы. Шаманы стучали в бубны, горели костры, и олени пофыркивали в темноте.

В пилотскую кабину Буренков вернулся почти в растерянности и о том, что видел, рассказал сбивчиво, но командир корабля Геннадий Курбатов все понял, оценил обстановку, принял решение. Указательным пальцем он стряхнул пепел с сигареты, потер переносицу, а это значило, что решение принято и спорить уже бесполезно.

— Сеня,— молвил он строгим голосом,— пригласи-ка ты его к нам. Скажи, что я прошу его пройти к нам в пилотскую кабину. И чтоб по возможности, ты меня понимаешь, культурно... Пожилой человек.

— Мне неудобно,— начал было ломаться Буренков.— Это все трали-вали, с какой стати, я тут при чем, пусть Аллочка подойдет, пригласит святого отца, она у нас с пассажирами...

Это было логично, и все мы посмотрели на бортпроводницу Аллочку Новоселову. Она стояла тут же в кожаной своей куртке на молниях, наша подруга, заполярная стюардесса Аллочка Новоселова, коренастая блондинка ростом метр пятьдесят семь.

В экипаже Аллочку держали за решительную женщину. Родилась она на Севере в семье военнослужащего, папа у нее любил порядок, кричал: «Шаг вправо, шаг влево — считаю побег!» Он маме выговаривал: «Чтоб сегодня мне борщ с энтим самым...» Или, напротив: «Чтоб сегодня мне борщ без энтого самого...» И так всю жизнь. Водку папа называл **малямбой**, такое у него было словечко, брал с морозца на грудь свои пятьсот и закусывал салом. Однажды из Москвы приехал проверяющий полковник, жалоба поступила, что офицеры много пьют и появляются нетрезвыми в расположении части. Папа держал речь, а проверяющий сидел за столом рядом и умно сопел. «Каждый конвойный офицер должен знать свою норму,— говорил папа,— взял пятьсот и стоп!» «Триста, триста...» — прошипел проверяющий, прикрываясь ладошкой. «Ну, еще триста и стоп! — поправился папа.— И хватит!» Чем он занимался, Аллочка не знает, ей без интереса. Она рано выскочила замуж, только чтоб из родительского дома сбежать на все четыре стороны, но неудачно, с мужем разошлась: пил в запойном варианте и полном дерьме, да ну, она сказала, гори оно все ясным огнем, чего комедию ломать. Мальчишку отправила к маме, устроилась на лесную биржу в Игарку, пела:

Я в Игарочке была,
Бревнышки катила,
Тому, этому дала,
А Васе не хватило!

Там еще припев залихватский был:

Она не лопнула,
Она не треснула,
А только шире раздалась,
Была тесною.

Но при мне она этого не пела. Мы были в романе.

Она часто Игарку и лесную биржу вспоминала. Тоже, конечно, занятие для девицы из штаб-офицерской семьи, но ладно, что было, то было, ей это не в укор. Она рассказывала, как у них в общежитии девчонки выкидыш делали, забирались на шкаф и прыгали вниз. Помогало, но не всем. Это к вопросу о любви.

Однажды в Игарке к Аллочке привязался пьяный матрос с лесовоза. Звал в койку. Пойдем, говорил, врежем. И очень обиделся, когда она его отшила: «Иди, гуляй!» Он поднес к ее носу кулак: «Чуешь, сука, как морским дном пахнет?» Аллочка взяла его на бедро, он тут же и рухнул. «Руки по утрам мой».— Она ему посоветовала и ушла неторопливой своей походкой.

Потом она работала дежурной в гостинице Севморпути на мысу Каменном, это еще до пожара — там пожар был, вся гостиница выгорела,— работала буфетчицей в Амдерме, там за ней ухлестывал один ревнивец с Кавказа, соблазнитель Гога из Кутаиси, она говорила, красиво поводя плечом: «Дикий человек...» И все. И не надо. Передний, надколотый зубик память о нем. Память о Гоге. На узеньком крылечке выясняли молодые отношения. Так и запомнила она его в пыжиковой шапке, в кожаных перчатках, высокого, красивого, белая рубашка была расстегнута у него на груди, и снежная мелкая пыль летела и падала на его мохеровый шарф. Пуржило, а вокруг, на сколько хватал глаз, простиралась бескрайняя белая тундра. «Как ты могла, гадина ты!..» — с сердцем вскричал Гога и ударил ее кончиками пальцев по щеке. Она поймала его теплую руку и поцеловала. Она сама была виновата. А он ударил еще раз. Как же она любила тебя, Гога! С тех пор, когда Аллочка улыбается, в ее лице возникает что-то остренькое, непростое и завлекательное.

Она пошла в стюардессы не просто, чтоб на белый свет посмотреть и себя показать, и совсем не для того, чтоб кого-то встретить (а может?), просто она махнула рукой, годы пролетают, чего уж тут плакать, слезки на кулак мотать, женщина у нас в стране СССР сама себе хозяйка и защитница, мужика надо кормить, поить, обстирывать, а зачем? «Зачем мне целая корова, когда мне нужен только один стакан молока?» — Она спрашивала, и лицо ее принимало серьезное выражение.

Мы смеялись, молодые дураки. Мы говорили, Аллочка, вери велл! Сколько лет прошло, но все как вчера... Вот он летит над зимней тундрой, гудит над снегами, над замерзшими болотами наш «Ил-четырнадцатый», бортномер 11374 с прыгающим оленем на хвосте — эмблемой Коми Управления гражданской авиации, зима, шестьдесят шестой год, время нашей жизни, время нашего обмана, время нашей любви, а в салоне сидит пережиток прошлого, в ногах у него пухлый портфель, вещь большого дизайна, и само присутствие этого странного пассажира рождает какие-то неясные мысли о чем-то самом главном — что есть самое главное в нашей жизни? — и какая-то неясная мелодия наполняет Аллочкино существо, мелодия, полная какого-то нетерпения, какой-то тревоги.

— Мне тоже неудобно. Фриц его первым узрел, пусть сам и приглашает,— проговорила Аллочка и фыркнула,— очень надо.— И ласково, как старшая сестра, погладила бортмеханика по плечу.

Вообще-то бортмеханик Буренков был упрям, это даже и не обсуждалось. Но когда Аллочка поднимала на него свои большие, свои серые, свои, как у побитой собаки, глаза, он сдавался и уступал. Он готов был сделать для этой несказанно милой стюардессы с ранними морщинками (заячьими лапками) в углах глаз многое, и пугался, и тоскливо ему делалось от этой своей всеготовности.

— Хорошо,— вымолвил он,— я пойду! Ладно! — И вышел к пассажирам, и точно отрубил себя от нас тяжелой, мягко закрывшейся дверью. В новом пиджаке он выглядел вполне авантажно.

— Сейчас будет «Свадьба Фигаро»,— сказала Аллочка.

В пассажирском салоне уже дремали, читали разную литературу, одна женщина кормила ребенка грудью, девушка с накрашенными ресницами вязала на спицах, ее губы подрагивали, трое солдат-пограничников в зеленых суконных погонах и один к ним примазавшийся, верткий такой гражданский типчик, эдакий задохлик в заляпанных очках, играли в двадцать одно, и можно было сделать им замечание, потому что все-таки неудобно в общественном месте, в азартные игры, но Буренков только вполглаза глянул в их сторону, а сам подошел к попу, который сидел во втором ряду и, наклонившись, произнес:

— Святой отец, командир корабля просит вас пройти в пилотскую кабину.

Вроде бы возникло короткое замешательство. Святой отец кивнул, поднялся, проглотив недососанную конфетку, механик открыл перед ним дверь, пропуская его вперед, и сделал вежливый жест рукой — прошу. Все это видели.

И вот они вошли в пилотскую кабину.

Они вошли, и перед ними сразу же открылось новогоднее заполярное небо, белые холодные звезды открылись им над приборной доской, над зелеными стрелками приборов. В полный накал сияла луна, неслышно неслись навстречу холодные километры. Священник поежился.

В кабине было тепло, даже слегка душновато. Пахло синтетикой, электричеством — когда в квартире новый телевизор, пахнет так же, но слабей: не та концентрация,— пахло табачным дымом, ровно гудели моторы; штурман Витек Тихомиров, большой интеллигент, москвич с Арбата,— двинул на Север за коэффициентом,— дымя сигаретой, прокладывал курс; радист Титаренко (наш Титаренко) вызывал Воркуту, стучал на ключе: «Я борт 11374, я борт 11374...» Второй пилот Коля Задоев, боксер-средневес, коренастый бугай, ему в заслугу ставили, что он восьмой триппер перенес на ногах,— жизнь такая,— опустил правую кисть на штурвал, а левую с серебряным перстнем на мизинце картинно кинул на бедро.

— Ну, так где же ваш Бог, папаша? Где ваши светлые ангелы? Не вижу...— произнес Задоев, глянув через плечо, и мотнул головой в небо, туда, где сияла луна, где горели звезды и набирали силу ледяные арктические ветры.

— Ой ты,— хмыкнул наш Титаренко и хотел что-то добавить, но не успел.

— Салага,— сказал поп.— Ты как триммера держишь? Учили ведь машину грамотно эксплуатировать. Я, дорогой мой, когда ты под стол пешком лазил, на «бостонах» на Кенигсберг ходил...

Все это было так неожиданно, что командир Геннадий Курбатов врубил в кабине полное освещение, чтоб лучше рассмотреть этого человека.

Поп был высок, широк в кости, плотно стоял на ногах и в общем-то совсем не стар, и непонятно было, почему он сменил такую хорошую, уважаемую в обществе профессию на черную свою рясу и суконные ботинки «прощай молодость». Спросить об этом так вот сразу представлялось неудобным, Курбатов поинтересовался для начала:

— Много летали?

— Пришлось,— скромно ответил поп, приглядываясь, куда бы сесть.— Не так вроде много, но ведь тогда разве такая техника была, хлопцы...

— Отроки,— поправил Задоев, с любопытством разглядывая гостя.

— Не зубоскаль, молодой еще. Бывало, летишь и трясешься, а «мессершмитты» очень на вертикалях хороши были.

— «Фокке-вульф» тоже сильная машина,— вставил Курбатов.

— Пожалуй, но к сорок третьему у нас уже и техника была, и, главное, опыт. Подпустишь его поближе с верхней полусферы, а потом, бывало, как врежешь всем калибром! Без греха, без стыда и досыта...

Так вот мы и разговаривали. О войне, о самолетах, «Як-драй» похвалили, вспомнили «пешку» и американскую «аэрокобру» — это, конечно, был шикарный аппарат! Что нужно русскому летчику? Русскому летчику нужен огонь и маневр! Прошли Ухту, прошли Печору, и бывший бортмеханик, ставший служителем культа, пережиток прошлого в нашей действительности, рассказывал о своей летной жизни. Север он тоже знал неплохо. Даже вполне. Сыктывкар называл Сингапуром, Хатангу — Катангой, Норильск — маленьким Парижем, а самолет, вообще самолет,— **аэропланом,** и чувствовалось, что в нашем деле этот странный наш гость действительно разбирается. Он спросил:

— Ну, как у вас налет в этом месяце?

— Хорошо,— сказал Курбатов,— в этом месяце полетали.

— Приятно,— поддакнул поп, ткнул второго пилота пальцем в плечо,— ты меня слушай, Коля, учить не стану, но посоветую, не оставляй налет на конец месяца, торможение — на конец полосы и пылкость чувств — он именно так по-стариковски выразился, пылкость чувств,— на конец знакомства. С этого надо начинать. Так нас учили.

— Знаю,— буркнул Задоев.

В другое время этой переиначенной шутке все равно бы поулыбались из вежливости, что ли, но тут никто никак не отреагировал, потому что весь разговор получался какой-то не такой. Скомканный, что ли. Конечно, в жизни бывают разные сложности: может человек пойти на духовную работу споткнувшись, думали мы, или по молодости, или по бесхарактерности; там, говорят, бабки хорошие платят. А потом, может, он дал такой обет, вот если останется жив, так будет верить в Бога, нашла коса на камень! Или родители у него были верующие, папа, мама, и заставили. Мало ли как могло получиться, сломали человека, но только зачем так, из авиации — в попы! Из современной техники — в мракобесие и средневековый мрак, когда кругом такие успехи прогресса, вон бабу в космос запустили. Чайку. «Я — Земля, я своих провожаю питомцев, сыновей, дочерей...» А может, просто искал он работу полегче, летчицкий хлеб не так чтоб из легких, но только разве тот же Буренков поменяет его на какой-нибудь другой? Нет, Сеня нюни распускать не станет, думала Аллочка, ощущая какое-то специфическое сердечное сжатие, и возникшая в ней странная мелодия, полная нетерпения и тревоги, наполняла ее. Ей было жалко всех нас и своей неустроенной жизни. Она подумала о Буренкове, о его судьбе и о том, что прозвище Фриц он получил не просто так, хотя, конечно, никто ничего толком не знал. Ходили по этому поводу разные слухи. Кто-то кому-то сказал, бабка одна приезжая. Короче, была там прелюбопытная история. Говорили, будто мать нашего бортмеханика Саньку Буренкову, первую красавицу в своем сельсовете — глазки у нее были такие веселые и носик уточкой, Сеня ее фотографии показывал, он вообще всю семью свою на стол раскладывал, когда с девушками знакомился, смешной па-

рень,— в сорок третьем военном году полюбил немец, ефрейтор вермахта, Карл или, может, Ганс его звали, кто теперь вспомнит. Так вот немец к Саньке относился вполне серьезно, берег, маме письмо в Лейпциг отправил, бате написал, так, мол, и так, с русской девчонкой дружу и хочу жениться и, будьте уверены, женюсь, до фюрера дойду, если что. В общем, неплохой малый, чего зря гундосить, но что значит плохой-неплохой, один отдельно взятый человек, в военной стране, когда кругом мировая война, танки, бомбардировочная авиация, пушки по всему фронту по квадратам бьют, гаубицы большого калибра и надо выбирать с кем ты, за что воюешь.

Однажды лунной ночью лез этот ефрейтор к Саньке на сеновал. Сапоги снял, чтоб ни стука, ни гугу. Держал в руках. Руки у него заняты были, так Аллочка себе представляла. А об эту же пору средний Буренков, партизанский связной, как раз подкрадывался из осинника к своему дому. Слышит шорох. Шепчет: у вас продается славянский шкаф с тумбочкой или что-нибудь в этом роде. Пароль. Глядь, а на него живой немец. Думать времени нет, врубил он ему со всего маху плоским штыком не из ревности, не просто за сестру Саньку, а из инстинкта самосохранения, а потом уже за нашу Советскую Родину, понимала Аллочка с грустной улыбкой бывалого человека, который не верит тому, что написано в газетах. Раз такой расклад — никто разбираться не станет, честный ты или нечестный.

Семена Буренкова усыновил дядя, а то б ему прочерк в метриках сделали и уж тогда летать бы ему не перелетать. А тут все чин чином, и знаем, не проболтаемся, но Фрицем его еще в своей деревне прозвали, с детских лет, Фриц и Фриц, а у нас прозвища липучие, он его благополучно в краснознаменное летное училище пронес, а из училища — в Заполярье. Сеня-Фриц, ладно, не это главное, главное, как до нас сказано, чтоб человек был хороший. Пустячок, а приятно...

Тем временем поп успел рассказать, что здоровье у него в норме, так что пункт шестьдесят какой-то там об индивидуальном подходе к летчику ему на медкомиссии не понадобится: легкие, печень работают нормально, сердце как у молодого, летать приходится часто, а сейчас летит он по службе в Воркуту, исповедовать какого-то старичка, который выслал ему двести рублей на билет и еще сколько-то там из расчета три пятьдесят суточные и два двадцать квартирные, без предъявления квитанции. Бывший летчик, фронтовик, вот с такой вот тараканьей миссией, Аллочке было обидно это слышать. Но только в первый момент, потом она старичка пожалела, может, одинокий старичок.

А поп вежливо и без хвастовства рассказывал, что материально жизнь его вполне устроена, такой жизнью он доволен. Опять же небо рядом.

Тут мы, конечно, легкий концерт устроили по заявкам, вспомнили «График отпусков авиационного полка»:

Расцветают васильки,
Едут в отпуск штабники,
Солнце жарит и палит,
Едет в отпуск замполит,
И, беря с него пример,
Едет в отпуск инженер...

И так далее. Вспомнили классическое:

Сквозь зубы сплевывая воск,
Сказал Икар, смежая веки:
«Я верю, в этом роде войск
Бардак останется вовеки!»

Посмеялись, а верст за двести от Воркуты пошли снижаться. Поп поспешил в салон на свое место, чтоб не отвлекать экипаж от работы, сказал на прощание не то в шутку, не то всерьез: «Работайте, а я за вас помолюсь»,— и плотно прикрыл за собой дверь.

Помню тебя, Аллочка, в твоем, как ты его называла, закутке, где хранилась твоя посуда и стояли один на другом ящики с бутылками минеральной воды, помню вкус твоих губ и запах твоей кожи, твои бретелечки и жесткие кружавчики под твоей теплой форменной курткой. Помню твой лепет: «Ну ты что, тихо ты!.. ну, совсем озверел... на посадку идем, приспичило ему...» И гудели моторы, и летели ветры, а внизу под нами расстилалась черная промороженная тундра, замерзшие реки, и неожиданно возникали светлые прямоугольники, выложенные по периметру электрическими лампочками над колючей проволокой — зоны заполярных режимных лагерей, тогда их уже поубавилось по сравнению с тем, что было, но они еще значились на секретных полетных картах.

Мы идем на снижение.

— Жалко человека,— вздыхает Курбатов.— И за что жизнь себе сгубил?

— Почему жалко?

— А потому что не дело!

— Дело не дело...

— Кончай треп!

— Кончили, командир!

Время вышло, значит, не до посторонних разговоров, потому что когда идешь на посадку, и твой самолет, и ты сам, и тридцать одна душа в салоне, и вся твоя прожитая жизнь зеленой точкой чертят курс на посадочном локаторе, а перед тобой появляются огни на взлетно-посадочной полосе, все бывает каждый раз заново, сегодня не как вчера, и завтра, если доживем, не так, как сегодня, и посторонние мысли отлетают сами собой, будто никогда не было ничего.

— Вижу Воркуту!

— Проснулся.

— Начнем?

— Поехали...

— Схема захода на посадку?

— Проверена!

— Элементы захода на посадку?

— Рассчитаны!

— АРК?

— Настроены на радиостанцию аэродрома!

— ПСП?

— Включен!

Пусть молится там, в салоне, бывший бортмеханик, пристегнувшись ремнем к пыльному креслу, только, может, он пошутил: с незапамятных времен записные наши шутники, которые в простоте слова не скажут и уверяют, что поспать надо минуток шестьсот, это главный доктор прописал, а работать пристало не спеша, потому что работа не Алитет, в горы не уйдет (северный вариант, в России говорят — не медведь), молитвами называют перечень обязательных поверок. При взлете, при посадке. То взлет, то посадка, как в песне.

— Барометрические высотомеры?

— Установлены!

— РВ-2?

— Включен!

Но это еще не все, это только начало той самой главной нашей молитвы. Радист Титаренко поднялся со своего места и, пригнувшись, стоит за спиной бортмеханика Буренкова, уперев руку в мягкий подволок, обитый стеганой зеленой синтетикой. С земли дали разрешение заходить на посадку.

Вижу огни справа, но почему так низко?! Нет, все нормально. Нормалек!

— Секторы качества смеси?

— В нейтральном положении секторы!

И вот уже идет последнее, торжественно и безнадежно, как будто от нас уже ничего не зависит.

— Шасси?

— Шасси выпущены! Проверены!

Глухой удар сотрясает самолет. Отличненько! Гасится скорость, падает высота, теперь у нас перед глазами вся в огнях посадочная полоса, по бетонным шестиугольным, промороженным плитам метет острая поземка.

— Высота семьдесят!

— 205! — кричит бортмеханик Буренков. Ну, точно немец, хлебом его не корми, женщин ему не давай, дай службу показать. Яволь! И так точно! — 205! — Сейчас он докладывает командиру скорость.— 205, 200, 195...

— Высота тридцать! Высота пятнадцать!

— 190! 185! 180!..

Самолет катится по бетонке, и вот уже слева в полярной ночи, в снежной белой смази возникает, как видение, белесое здание аэровокзала, и неоновым, красным огнем над фасадом, над прямоугольными окнами, в которых за снежной наледью искрится теплый почти уют,— имя твое, трижды блаженное,— ВОРКУТА. Можно улыбнуться, белым вафельным полотенцем, заткнутым за подлокотник вроде бы только для того, чтобы вытирать запотевшие стекла, промокнуть мокрый лоб. Подруливаем к стоянке, включаем свет, и сразу в кабине становится как в кухне. Светло, надышано и тесно.

— С благополучным нас прибытием,— говорит Задоев, снимает наушники и надевает ондатровую шапку. Она у него всегда под рукой. Пижонская шапка — где достал? — подарок какой-то неведомой Нины. «Ах, Нина, Ниночка, моя блондиночка...»

Пассажиры уже повставали с мест, нестройно, гуртом двинулись к выходу, но трап еще не подкатили. С этим, сколько себя помню, всегда опаздывали,— и входную дверь не открывали, в эту минуту в кабину к нам влетела Аллочка Новоселова в распахнутом пальто.

— Ребятки, так нельзя,— заторопилась она,— ну никак нельзя, надо что-то решать с этим, ну, как его, с наместником... Надо ему помочь, ведь фактически погибает человек. Может, у него друга настоящего рядом не было, я придумала, давайте сегодня в двадцать один по Москве соберемся все в «Севере», поговорим, возьмем его на воспитание, как на поруки, берут же люди в свой коллектив, а? Может, еще что сделать можно?

— Хорошо,— молвил Курбатов, и мне показалось, что командир одобряет Аллочкино решение.— Иди к нему, скажи, что мы его будем ждать.

— Ой, Геннадий Михайлович, я всегда говорила, что вы очень хороший. Вы добрый.

Она улыбнулась, показав острый зубик, и выскочила к своим недовольно гудящим пассажирам.

— Так и сделаем,— объявил Курбатов всем нам, и мы все согласились, а Буренков еще и добавил, рассмешив экипаж, что хоть Бога нет, но, приведи мы заблудшего нашего брата в настоящую нашу веру, нам это зачтется.

Между тем поп приглашение принял и пообещал быть у «Севера» ровно в 21.00 Москвы. Он вышел из самолета вместе с пассажирами, в длинном черном пальто навырост, с тяжелым каракулевым воротником, как у члена правительства, в правой руке у него мотался тугой портфель с ручкой, обмотанной синей изолентой, и когда сопровождающая из отдела перевозок нервная Лилька Барсукова — она в мужа своего из ревности плеснула кипятком,— повела пассажиров к вокзалу, проходя под крылом навстречу ветру, поп поднял руку в вязаной варежке деревенской шерсти и крикнул Задоеву, выглянувшему в форточку из пилотской кабины:

— Коля, держи по приводной, будешь летать, как херувим!

В 20.55 мы были у ресторана.

С местами было трудно, был канун Нового года, а Новый год в Воркуте — это совсем не то, что Новый год где-нибудь в Москве, в Ленинграде, Лондоне или Вышнем Волочке. Новый год в Заполярье — это праздник, феерия и карнавал, именины истосковавшегося сердца, память на всю жизнь, пока не уйдешь к верхним людям, туда, в страну Зазеркалье, и еще это большой сексуальный подарок, чаще всего в антисанитарных условиях, но без всяких последствий, как на югах — сходство противоположностей? — как в Сочи, как в Ялте в самый сезон, когда все, что было, назавтра ни к чему не обязывает, потому что не может быть поводом для знакомства, привет, привет, хорошая погода, или — давай на деньги в дочки-матери поиграем — и все. Еще говорят, в Норильске справляют Новый год так же, как в Воркуте. Но это я не уверен.

Уже на улицах были вывешены гирлянды из крашеных лампочек, уже из центрального гастронома ящиками тащили на санках яблоки стандарт по рубль пятьдесят кило — тихо, в тот год! — и высокие бутылки с венгерским токаем, спрятав их за пазуху, чтоб не замерзли на ветру.

Командир пошел уговаривать администраторшу, полную даму в тонких чулках, в джерсовом, плотно ее облегающем, костюме и оленьих расшитых пимах по блату, и уговорил на отдельный столик, хотя в «Севере» гуляли геологи.

— У нас не просто сердечная встреча,— сказал Курбатов и подарил администраторше аэрофлотовский рекламный блокнот с ручечкой.

— Это вы меня балуете,— сказала она. У нее были капризные пухлые губы, и она их так складывала, что просто не по себе становилось. Она привыкла к мужскому вниманию, я подумал, что хорошо бы иметь в подругах администраторшу ресторана в Воркуте, однако на эту должность не пробьешься, это как хлеборезом в камере.

«А я еду, а я еду за туманом,— пели геологи всем залом,— за туманом и за запахом тайги...»

Что за глупая песня, между прочим. Стоило ли за туманом ехать? И зачем в тайгу... За запахом... Чудаки... Пахло антрекотами, жареной картошкой, мокрыми скатертями, кислым вином, женским потом и духами, желанием любви и талым снегом, принесенным на ногах. «А я еду за туманом...» И давай, езжай, только тихо. Кто против, за туманом-то?

— В тайге мошка — жуткое дело,— сказал Задоев.

«Люди заняты делами, люди едут за деньгами, убегают от забот и от тоски...» — пели в зале мужские бесшабашные и женские визгливые голоса, обещая много и сразу.

Ну, это уж бросьте, от забот не убежишь, и от тоски, если схватит, это все застольный треп, которому не то чтобы нет веры, но который не следует принимать слишком уж всерьез, пока ты у дверей на снегу, а Аллочка Новоселова бегает взад-вперед — пришел, не пришел?

Бывший бортмеханик опаздывал. На него не сердились, потому что пока суть и дело, перебивая друг друга, мы придумали план — во такой план! — надо пойти к замполиту, рассказать ему все от и до, и замполит Анатолий Александрович должен понять. Потом пусть бывший служитель культа пройдет медкомиссию — здоровье у него хорошее, он сам говорил — его примут в УТО, в Сыктывкарский учебно-тренировочный отряд, и он снова будет бортмехаником, будет летать по Северам и забудет свою духовную должность.

«А я еду, а я еду за туманом...» — пели геологи, шаркали ногами, гасили сигареты в тарелки с недоеденной вермишелью, а над Воркутой высоко-высоко в холодной вышине ходило и переливалось зеленым и фиолетовым декабрьское северное сияние — это добрые заполярные ангелы трясли над нашим городом своими серебряными крыльями.

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Якоб **ЗАЙЗЕНЕГГЕР.**

ИМПЕРАТОР КАРЛ V С СОБАКОЙ. **1532.**

Бальтазар ван дер АСТ и Адам ВИЛЛАРТС. НАТЮРМОРТ С РАКОВИНАМИ. Ок. 1550.

Совместное предприятие «КОНФОРТ»

это ПОСТАВЩИК импортных высококачественных видеокассет SE-180 SEC стандарта VHS для профессиональной и любительской видеозаписи.

Кассеты, изготовленные канадской фирмой «TDK» из материалов и комплектующих изделий японского производства,— это гарантия ВАШЕГО успеха!
Оплата за советские рубли и свободно конвертируемую валюту.

Совместное предприятие «Конфорт» ждет ВАШИХ предложений!

**ОРГАНИЗАЦИЯМ
ПО ВОПРОСАМ ОПТОВОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ
ПАРТИЙ ВИДЕОКАССЕТ**

обращаться по адресу:

119021, Москва, Олсуфьевский пер., дом 8, строение 6.
Тел. 246-48-68, 246-01-22. Факс: 200-22-17.
Телекс: 411700 ptb SU.

Александр ГЕНИС

1

Литература завязла в перестройке.

Она мучительно борется за жизнь, пытаясь найти компромисс между прошлым и будущим.

Она топчется на месте, боясь оборачиваться назад и не решаясь доверять перспективам.

В этой промежуточной ситуации русская советская литература успела растерять оба своих определения: сейчас она — никакая.

Все жанры выродились в газетные: жизнь произведения мерится уже не поколениями, а месяцами, неделями, днями.

Бестселлеры перестройки — калифы на час. В каждой из этих книг главное — дата публикации. Поистине — роман-газета.

Литература гласности и не могла быть другой. Ведь гласность — протез оттепели, возможность договорить недосказанное.

Генетическое родство перестройки и оттепели так же несомненно, как и противоестественно. Там, где у 60-х сияла цель, у перестройки зияет ее призрачность.

Что бы сегодня ни говорили шестидесятники, они творили «от конца», от коммунизма. Ответ, глобальный, космический, на все времена, был им известен. Оттуда — из вселенского хэппи-энда — черпали энергию авторы оттепели, что и придавало их книгам характер оптимистический и инфантильный.

Бердяев писал: «Для низвержения фиктивной власти слов нужна свобода слова». И русская литература ее в конце концов обрела, но справиться с ней не сумела: телега русской словесности по инерции катит в никуда.

Та сила, которая приводила в движение советскую литературу,— соцреализм — давно уже иссякла. Остались лишь руины слов, из которых пытаются соорудить храм правды.

Правда — Бог несвободного человека.

Она подразумевает, что мир имеет цель и смысл.

Общий сюжет советской литературы сводится к откровению, к произнесению правды — о вождях, правительстве, сельском хозяйстве, черной металлургии.

И композиция советской литературы всегда линейна: от заблуждения к истине, от лжи к правде.

Герой такой литературы — всегда подросток.

Содержание ее — обряд инициации: приобщение к сакральному знанию об истинном положении вещей.

Высказав правду, автор застывает то в радостном (раньше), то в растерянном (теперь) молчании.

Выходом из этого тупика был коммунизм, который уже на другом, нелитературном уровне оправдывал все и вся — и шолоховскую поднятую целину, и фадеевскую молодую гвардию, и аксеновских коллег.

Только в метафизическом поле коммунизма советский писатель мог добиться относительных побед. Как в средневековой схоластике, автору отводилась роль комментатора несомненной генеральной истины.

Все это здание рухнуло под тяжестью перестройки. Захватившие власть шестидесятники обречены договаривать слова, обессмысленные потерей главной правды.

Утратив раздел «ответы», задачник советской литературы стал филькиной грамотой.

Так, только столкнувшись со своей мечтой о свободе, поколение шестидесятников наконец обрело тот статус, с которым оно вечно заигрывало,— стало потерянным поколением.

2

Либеральная литература только потому сумела захватить журнальные бастионы, что их ей уступили деревенщики.

Почвенники предали родную словесность, оставив ее без «нутряной», самобытной литературы.

Впрочем, деревенщики предали и самих себя: вместо загадочных чудиков Шукшина, лукавых мужиков Можаева и соленых рыжиков Солоухина на сцену вышли депутаты в онучах.

Говоря их словами — бес попутал. Бес, прозванный посконно-басурманским именем — русофобия.

Борясь с ими же рожденной химерой, авторы литературных произведений стали авторами политических деклараций.

Художественный провал деревенщиков объясняется тем, что они не сумели перевести национальное содержание на язык всемирной культуры. Искусство такого синтеза произвело на свет латиноамериканскую прозу. Но до русского Маркеса дело не дошло.

Более того, деревенщики не справились и со своей узкой, непосредственной задачей — с описанием народной жизни. Здесь они уступают уже не заграничным, а отечественным авторитетам.

Старые народники вроде Энгельгардта, Златовратского, Селиванова, Сергея Максимова шли от эмпирического факта, нынешние — от литературной традиции. Первые писали о народе, вторые имитируют художественные шаблоны.

В результате на свет появился диковинный гибрид: бабушка Ненила и мужик Марей поселились в советском колхозе.

К тому же почвенники парадоксальным образом использовали идеи революционных демократов, у которых они взяли ненависть к частной собственности, отвращение к буржуазности и обожествление коллектива.

Мутант деревенщиков произошел от западнического и славянофильского утопизма.

Отсюда уже раскручивается новый виток изоляционизма и мессианства. Отсюда — фантастическая модель будущей России как оплота нравственности в мире бездуховного чистогана. Отсюда и русский ответ на вопрос «Что делать?»: стать «духовниками, нравственными путеводами человечества, направивши свое сердце на стоическое неприятие тотальной власти Рубля» (Личутин).

Опять Россия в кольце врагов, на этот раз представленных «швейцарскими банками» (Куняев). Опять моральная чистота — антитеза благополучия. Опять тезис, порожденный острым комплексом неполноценности: нищета как символ духа.

Между прочим, охраняя экономическую невинность русского народа, нынешние деревенщики не могут опираться на своих предшественников. Те-то как раз были озабочены просвещением деревни, ее прогрессом. Замечательный писатель и фермер Александр Николаевич Энгельгардт писал: «России нужны деревни из интеллигентных людей». Сегодня почвенники мечтают исправить городскую интеллигенцию деревенской чистотой и мудростью.

Впрочем, в любом случае их народ — оперные мужики. Деревенщики даже не наблюдатели российского крестьянства, а стилизаторы, воскрешающие в конце XX века некий литературный шаблон прошлого века, которым далеко не исчерпывалась тогдашняя русская культура.

Деревенская проза превратилась в литературную утопию. Страшно далеки ее авторы от народа.

Заняв чужое место, они не хотят уступать его тем, кто способен ввести почвенническую струю в общее русло литературы. А без нее русская словесность так же немыслима, как, например, североамериканская без Фолкнера, а южноамериканская без того же Маркеса.

Деревенщики бешено воюют против потенциальных союзников. Не признали они своего в Высоцком — самом русском поэте послевоенной эпохи. В штыки приняли народный комический роман Войновича о Чонкине. С истерическим гневом борются они и с русским роком, не распознав, например, в былинном ладе Александра Башлачева попытку нового Есенина.

И так происходит со всеми формами русской культуры, не желающими походить на вязкую, нравоучительную, а иногда и просто юродствующую манеру Белова и Распутина, ставших собственными эпигонами.

Анекдот — куда уж ближе к фольклору — для них глумление над народом. Частушка — похабщина. Блатная песня — извращение русской души.

Одержимые страхом утратить исконно русскую культуру, почвенники ничего не делают, чтобы ее преумножить.

3

Коротко дыхание и у самого популярного жанра перестроечной литературы — у «чернухи», которая раньше носила более изящное имя: физиологический очерк.

Дело не в том, что авторы «черной» прозы пристрастились к кухонному реализму и смакованию грязи. Хуже, что все это уже было.

Физиологический очерк с его «дагерротипным» реализмом собирал тогдашнюю «чернуху» с городского дна: «петербургские углы», дворники, шарманщики. Ну, как в наши дни — могильщики.

И тогда физиологический очерк раздражал критику. «Неужели люди с неиспорченным вкусом увлекутся карикатурным описанием самых грязных сторон в жизни дворника, лакея, извозчика, кухарки, вечерней бабочки?» — писал Булгарин и был не прав, потому что читатели и прошлого века, и нынешнего относились к перечисленным темам с неизменным интересом.

Ценность этого жанра еще и в том, что он противостоит публицистичности — чуме современных журналов. Автор, предлагая необработанный сколок действительности, не поучает, не морализирует — он всего лишь невидимый посредник между жизнью и читателем.

Законы «дагерротипного» жанра требуют от писателя самоограничения. Поэтому в физиологическом очерке не может и не должно быть хэппи-энда — нравственного возрождения или искоренения зла начальством.

«Чернуха» ведет прозу к ее истокам, помогает разобраться, с каким мате-

* **Мнение авторов, выступающих под рубрикой «Свободная трибуна», не обязательно совпадает с точкой зрения «Огонька».**

риалом ей предстоит работать. Физиологический очерк с его этнографической точностью детали, интересом к социальной окраине, фанатической приверженностью к характерному слову может служить фундаментом для большой, главной литературы.

Но и тут российской словесности не хватило чувства меры. С детской жестокостью «чернуха» отдалась садистскому сладострастию.

Пример тому — жуткое сочинение Л. Габышева о лагерях для малолеток «Одлян». Это — документ, хроника, летопись, свидетельство. Правда, которую пересказывать мучительно, перечитывать — страшно. Но еще страшнее, что проходит это по разряду изящной словесности.

Вся страна знакома с лагерным жаргоном, все притерпелись к гекатомбам советской истории, уже необходима эскалация кошмаров, чтобы удовлетворить читательское ожидание. В ход идут прямолинейные средства — нагромождение ужасов, детализация их. Быль (ведь так действительно было) решительно побеждает вымысел, делая его ненужным: сопереживание становится физиологическим актом.

Томас Манн заметил у своих переживших нацизм соотечественников «самодовольство, порожденное страданием».

Негативный мессианизм знаком и России — «что могут нам сказать те, кто не знает, как расшифровывается ГУЛАГ?».

Тирания страдания ведет к импотенции духа, к тому тупику, когда литература вырождается в погребальный плач, мартиролог, список претензий Творцу на несовершенство мироздания.

Зло, переросшее эстетическое измерение, лишает литературу даже не надежды — поэзии. Той самой, которой так много в истории про одного Человека, прибитого гвоздями к кресту.

Но можно искать образец и поближе — поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Развернув плебейскую тему в апокалипсическую метафору, Ерофеев обрек все порожденное им же направление на скорую кончину. Уж больно высока та вершина, с которой спускается «чернуха» на журнальные страницы.

4

Дождался своего часа советский авангард. Жаль только, что ждал он его слишком долго.

Каждая культура создает свою эстетическую иерархию, свой канон, свои иконы. И каждому канону соответствует антиканон, иконопоклонникам — иконоборцы.

Созидание культуры невозможно без ее разрушения.

Литературу нельзя писать на одной стороне листа — нет трагедии без комедии, высокого без низкого, сакрального без профанного.

Авангард — андеграунд, контркультура — был естественной реакцией на попытку официальной словесности писать только на лицевой стороне бумаги.

Но вот рушится вся эстетическая система, исправно кормившая Союз писателей. Девальвация традиции влечет за собой и падение антитрадиции.

Авангард работает только внутри определенной знаковой системы. Как только она теряет смысл, наступает кризис жанра. Так соцарт превращается в механическое копирование старых символов.

Это — закономерное явление: литературу нельзя писать и только на обратной стороне листа.

Апологеты авангарда, спасая его от кризиса, говорят о деидеологизации литературы. Их цель — освободить авангард от власти сакраментального прилагательного — «советский».

Тут появляется призрак литературы антитекстов и антисмыслов. Словесность, опороченная и ложью, и правдой, возвращается к себе самой.

Такой авангард способен прорваться за ограду советской литературы в большой, взрослый мир, где его ждет холодное и молчаливое соседство современных классиков, уже достигших «нулевой» отметки, исчерпавших в своей эволюции не только словесность, но и сами слова.

Пророк этой антилитературы — британец Беккет, в пьесах которого паузы ценятся выше реплик: важно не о чем говорят его персонажи, а о чем они молчат.

Мировой опыт авангарда, соединенный с русской традицией, отнюдь ему не чуждой, способен еще плодоносить, но только в силу новизны.

Сегодняшним авангардистам выпадает роль могильщиков заблуждений и соблазнов российского читателя. Речь идет о давней страсти путать искусство с жизнью.

Лучшие авангардные авторы демонстрируют свой главный принцип: искусство всегда условность, жизнеподобность всегда мнима. Любая художественная манера неизбежно ограничена в своих возможностях полно отразить действительность.

Набоков: «Реальность — бесконечная вереница шагов, уровней понимания, и, следовательно, она недостижима. Поэтому мы и живем, окруженные более или менее таинственными предметами».

В одном из самых ярких произведений авангарда, рассказе «Кисет», его автор В. Сорокин иллюстрирует эту мысль, последовательно воспроизводя и разрушая стиль советских авторов — Солоухина, Шолохова, Симонова.

Но, покончив с педагогической частью, проведя читателя сквозь литературный ликбез, Сорокин идет дальше, внося в текст абсурд.

Дикие фразы вроде «Молочное видо — это сисло потненько», которой заканчивается рассказ, служат знаками поэтики необъяснимого. Их нельзя расшифровать, но можно использовать.

Писатели XX века упорно разрушали миф о человекоподобной вселенной. Стремясь воссоздать мир, они включали в свои произведения и то, что в нем непонятно, то, чего не знает сам автор.

Когда Беккета спросили, кто такой Годо, он сказал, что если б знал, не стал бы писать пьесу. И все же Годо много лет появляется — точнее, не появляется — на сценах театров.

Нечеловекоподобным искусством занимается и Владимир Сорокин. Чтобы понять, зачем ему понадобились загадочные «видо», можно привлечь аналогию из математики. В ней существуют понятия, не имеющие смысла: например, мнимое число — корень из минус единицы. Математики, пользуясь тем, чего нет и быть не может, тем, чего даже они не могут себе представить, приходят к вполне внятным и практическим результатам.

Путь абсурда еще не пройден: он доказал свою ценность и в литературе и, кстати, в жизни (абсурдист Гавел — президент Чехословакии).

Но абсурд — приправа. Инъекция непонятного как перец: без него не сварить вкусного супа, но не приготовить и блюдо, состоящее только из перца.

В конечном счете, и Годо и «видо» ведут в тупик молчания, которое бывает разным: красноречивым, болтливым, многозначительным, бессмысленным.

Какой бы ни была молчащая словесность, она свидетельствует: литература кончилась, исчерпалась, завершилась. Она сделала все, что смогла, и ей пора, сгорбившись, шаркая ногами, уходить со сцены.

Торжественность этой меланхоличной картины портит только то обстоятельство, что с литературой уже прощались. Поодиночке и гуртом, на время и навсегда, радостно и печально, но главное — от античности до наших дней писатели и критики рыли ей могилу.

Белинский начал свою карьеру с отчаянного возгласа: «Итак, у нас нет литературы!» И написал 13 томов критических статей об отсутствующем предмете.

Щедрин — современник и публикатор Толстого и Достоевского — бранился черными словами по поводу вырождения словесности.

Маяковский провозглашал гибель искусства, швыряя за борт классиков.

Столь долгий опыт литературной эсхатологии, такие затянувшиеся на века похороны не могут не настораживать.

Не путаем ли мы смерть нашей модели культуры со Страшным судом?

5

В дневниках Андрея Платонова есть непостижимо дерзкая запись, сделанная, кстати, в годы самого страшного террора: кто сказал, писал он, что Пушкин и Гоголь останутся непревзойденными?

Униженный и замолчанный Платонов и тогда, в 1937 году, оставался человеком революции. Он верил в бесконечную экспансию интеллекта. Верил в мощь разума, уничтожающего смерть, оживляющего вселенную, преодолевающего силы земного и социального тяготения.

У кого из наших современников сохранилась эта могучая вера? Кто рискнет повторить слова Платонова сегодня?

Век революций завершился. Да и не кончилась ли сама история, как пророчествуют сегодня западные философы? Не вошли ли мы в последнее пике, обреченные — или благословленные — отныне ходить лишь по кругу?

Перестройка погубила утопию — и не только дома. История, лишившись альтернативы, соблазнилась прямолинейным движением на месте. Исчезла высокая цель, которая воодушевляла и первых христиан, и Нину Андрееву.

Ни бесклассовое общество, ни царство Святого духа миру больше не светят, а главное — не греют.

Похоже, мир предпочел то, что есть, тому, что будет. Похоже, он наконец отдался во власть настоящего времени.

России, которая больше других страдала от доверия к будущему, тяжелее всего с ним прощаться.

Может быть, поэтому здесь еще не замечают, что все кончилось. Уже достигнута та бесповоротная точка, от которой начинается новый отсчет времени.

В постсоветском обществе, естественно, не может быть ни советской, ни антисоветской литературы. Не осталось места для перестройки — термин скомпрометирован временным, промежуточным содержанием.

Жить в мире, свернувшемся в точку, неуютно, но каждая точка становится зерном, набухая перспективами. Русской культуре выпал тот редкий шанс, который обычно бывает оплачен сокрушительным военным поражением,— начать с начала.

Нынешнее поколение будет жить без коммунизма, зато оно сможет слиться с остальными — прошлыми, настоящими и будущими поколениями.

Падение границ — хронологических и географических — поставило русскую культуру в уникальную ситуацию: наступило смешение времен. Джойс — современник Айтматова, Карамзин — наставник в родной истории, русские рокеры учатся у Вертинского.

Дело не обойдется возвращением «забытого и ненапечатанного». Тут уже прорыв на манер Петра Первого. «Окно в Европу» стало волшебным: сквозь него можно заглянуть не только к соседям, но и в их — и свое — прошлое.

Посмотреть — но не вернуться и не сбежать.

Сливаясь с окружающим миром, Россия вынуждена решать и его проблемы — проблемы сугубо современные.

А это значит, что, как бы ни искушало русскую культуру прошлое, идти она может только вперед — вместе со всеми. Но — куда?

6

Призраки будущего беспокоят и теребят. Неясные тени грядущей литературы заставляют оглядываться по сторонам — без всякой уверенности и все же с надеждой.

Прежде всего — чего у нас еще не было?

Если взглянуть на русскую литературу с той панорамной точки зрения, которую предусматривает нынешняя экстремальная ситуация, в ней обнаруживается зияющая прореха: дефицит приключенческого жанра.

Генрих Бёлль, укоряя в том же недостатке немецкую литературу, винил ее в катастрофах германской истории.

И русские родители точно знают, что у любимых героев их детей — заграничные имена.

Не скрывается ли здесь один генеральный порок русской классики: дефицит действия?

Вечная тема наших шедевров — отказ от поступка. Онегин НЕ женится на Татьяне, Чичиков НЕ завершает свою аферу, Раскольников НЕ пользуется награбленным, Дмитрий Карамазов НЕ убивает отца, Обломов НЕ встает с дивана.

Кульминация этой традиции негативного действия — у Чехова, который описал уже вполне современный экзистенциальный мир, где поступок невозможен, хоть и желанен, где действие всегда иллюзорно, где сюжет всегда возвращает героев к прежнему состоянию, где даже смерть ничего не меняет в исходном уравнении.

Столетие пассивности отомстило за себя следующим веком, открывшим тему гиперактивности.

Начиная с Горького, в русской литературе появляются герои, которые никак не могут найти себе места. Но если у лишних людей прошлого места не было, то у их советских антагонистов мест слишком много.

Они без устали борются — с врагами или недостатками, с разрухой или мещанством, с любовью или долгом, наконец, с собой.

Апофеоз истерической жажды деятельности — Павка Корчагин. Его нельзя остановить — ни пулей, ни любовью, ни параличом. Он все пускает в дело. Как паровоз, в буксы которого заливается в романе сметана, Павка мчится вперед.

Бешеная тяга к поступку — тема одной из лучших советских книг, повести «Разгром». У Фадеева цель — не победа, а действие, не результат, а процесс. Его Левинсон, как и Копенкин Платонова,— рыцарь чистого образа действия, героизм которого не нуждается в вознаграждении. Ему сполна заплатила сама стихия активности.

(Кстати, именно в эпоху молодого соцреализма и появились, наконец, успешные детские книги, например, Гайдара.)

Герои труда и обороны, столь плотно заселившие раннюю советскую литературу, носятся по земле как угорелые. Сжигающая их энергия так могуча, что им уже не до объекта приложения сил. Все равно, что делать, лишь бы делать — рыть котлован, сносить церкви, выкорчевывать мещанство, стрелять контру, уничтожать кулаков как класс.

Они напрочь лишены личного интереса — для себя им ничего не надо, себя они с песнями приносят в жертву Поступку.

И этим гиперактивность советской литературы разительно отличается от целесообразной активности других героев.

Любой персонаж приключенческого романа обуреваем жаждой подвига, но он преследует личную цель. Это — защита собственного достоинства, долг чести, любовь к приключениям или просто прибыль.

Как бы ни капризна и причудлива была цель приключенческого романа, она все-таки есть — конкретная, дости-

жимая, и в этом смысле вполне прагматичная.

В то время как русская классика учит отказываться от цели, а советская — добиваться ее любой ценой, сама цель всегда носит расплывчатый характер, подозрительно смахивая на пустое оправдание деятельности или бездеятельности героя.

И в том, и в другом случае поступок или его отсутствие никуда не ведут.

Пока русский герой топтался на месте, его авторы пользовались этим, чтобы познакомиться с ним поближе. Отсюда богатство психологического анализа, которое прославило наших классиков. Однако именно неизбежная противоречивость, сложность душевного устройства пагубно отразились на сюжете.

Еще «Серапионовы братья», поставленные историей в сходную с нынешней ситуацию, пытались привить русской прозе любовь к энергичной фабуле. Но их эксперимент был прерван наступлением соцреализма, который изменил масштабы, сильно упростив литературу за счет гиперболы — сюжетной, поведенческой, психологической.

Впрочем, кризис захватил всю мировую литературу. Несколько поколений писателей, стремясь приблизиться к «истинной» действительности, довели литературу сперва до вершин психологического реализма, с толстовской «диалектикой чувств» и джойсовской дотошностью, а потом, спускаясь под гору,— до элементарного жизнеподобия. Как раз советская литература, искусственно изолированная от мировой, застряла на этой фазе падения дольше других.

(Между прочим, поэтому и оказалось возможным появление такого крупного явления, как реализм Солженицына.)

Но сейчас Россия стремится к той крайней точке, за которой психологическая, социальная, историческая действительность разрушается полностью, что и происходит в произведениях концептуалистов.

Русская литература стремительно достигает Запад в этой гонке — гонке за пустотой.

Тоска по целесообразному действию сочетается с недоверием к поступку — композиция становится кольцевой, сюжет мнимым. И уже не герои, а авторы кажутся лишними людьми, уныло бредущими по кругу.

Рисунок Сергея ТЮНИНА

7

В XX веке массовое искусство, все больше расходясь с элитарным, выдвинуло два ведущих жанра: детектив и фантастику. Как легко убедиться по любому западному, да и советскому списку бестселлеров, именно такое чтиво завоевало читателя.

На московском черном рынке за сборник «Нигерийский детектив» дают трех Гроссманов.

Вместо того чтобы брезгливо отворачиваться от толпы, не лучше ли внимательно в нее вглядеться? Не происходит ли тут тот самый процесс, который описывает теория Шкловского: низкие жанры поднимаются к высшим, постепенно замещая их.

И действительно — смычка между элитарным и массовым искусством происходит на почве, обильно удобренной детективом и фантастикой.

Один из самых ярких примеров — международный бестселлер 80-х, книга Умберто Эко «Имя розы», автор которой замешал в причудливой пропорции семиотическую ученость с методом Шерлока Холмса.

Очевидная неполноценность низкого детективного жанра связана с тем, что он не претендует на психологическую достоверность. Это всего лишь интеллектуальная игра, предельная условность, умственная абстракция, не желающая и не способная порождать иллюзию подлинности, чего мы привыкли требовать от серьезной литературы.

Детектив — искусственное, а не органическое образование. Это продукт технократической мысли. Он построен на загадке и разгадке. Нет у него той подспудной многозначности, которая обеспечивает вечную жизнь шедеврам.

Более того, детектив — жанр крайне ограниченный: он интересуется лишь тем, что имеет отношение к делу — к загадке. Казалось бы, причинно-следственная связь здесь еще туже пеленает литературу: ружье всегда стреляет.

Однако есть у детектива и такая особенность, которая может пойти в дело,— поступок.

Там, где действие опорочено ходом истории, там, где рефлексия уничтожает сюжетность, детектив предлагает альтернативу: преступление.

Действие в детективе — его единственное оправдание. При этом преступление — мотив сугубо личный. Общественное зло — достояние исторического либо политического романа. Поэтому детективу легче сохранить автономию — он замкнут на себе и способен устоять среди идеологических развалин.

Другое достоинство детектива — его бедность. Помещая действие в «лабораторную» вселенную, он отсекает связи с окружающим миром. Вернее, историческая, социальная реальность проникает в детектив лишь в качестве фона, который придает такое обаяние, скажем, рассказам Конан Дойла.

Авторов этого жанра не затрагивает кризис реализма — реализма там никогда и не было. Детектив имеет дело лишь с вымышленной действительностью, о чем и писал один из тех, кто удачнее всех эксплуатировал поэтику детектива,— Борхес: «Величайшее счастье, которое может доставить литература, заключается в возможности изобретать».

То есть не отражать, а изобретать новые реальности, исследовать не наш обыденный мир, а тот, что создан фантазией писателя.

К тому же результату, но своим путем ведет другое изобретение прогресса — фантастика. Она ставит перед автором ту же задачу: множить реальности.

И тут мы имеем дело с упрощенными моделями, из которых за ненадобностью изъяли психологию.

И тут открывается простор поступкам, которые двигают сюжет в произвольном направлении.

И тут есть свой кардинальный недостаток: атавистическая связь фантастики с наукой. До тех пор, пока этот жанр соглашался терпеть бессмысленный симбиоз, НФ находилась в рабской зависимости от научного метода. А ведь задача ученых — упрощать мир, сводя его к повторяемым явлениям. Наука не занимается единичными феноменами, искусство — только ими.

Освободившись от научного, а тем более технического груза, фантастика превращается в источник новой мифологии. В своих лучших образцах, таких, как «Солярис» Лема или рассказы того же Борхеса, она становится художественной теологией, особым видом литературного богословия.

Игнорируя проблему правдоподобия, фантастика открывает новые миры. Только нельзя понимать это буквально — так, как делали классики жанра, перенося земные проблемы на чужие планеты. Истинная «инакость» связана с приключениями духа, а не плоти. Настоящая фантастика строит модели другого сознания, а не другого общества.

Третий возможный источник будущей литературы порожден гуманитарным бунтом: художественное творчество о художественном творчестве.

Вторичная — «культурная» — реальность замещает эмпирическую действительность. Мысль освобождается от земного притяжения, от почвы, и входит в поле теоретических фантазий.

Мы привыкли считать, что гуманитарии должны обслуживать культуру — объяснять ее. Но гуманитарная мысль может и сама творить.

Свидетельство тому — бахтинские философские приключения в мире Рабле и Достоевского, куртуазно-лирический «роман» Синявского о Пушкине, лингвистические фантазии Бродского-эссеиста, историко-религиозные штудии Аверинцева. Все это обещает утомленной борьбой литературе новый увлекательный расцвет.

В перенасыщенном культурой растворе кристаллизуется особая словесность. Выращенная гидропонным способом, оторванная от земных корней, она переносит сферу действия в область рафинированной мысли. Что-то вроде телекинеза или головы профессора Доуэля...

На пересечении этих несхожих жанров — детектива, фантастики, гуманитарной словесности — мы встречаемся с одной общей установкой: отказом от отражения реальности в пользу ее моделирования.

В конце концов XX век, открывший кино, телевидение, компьютерные игры и диснеевские аттракционы, столько экспериментировал с искусственной действительностью, что пора пожинать созревшие плоды и тому искусству, которое стало забывать основы своего ремесла,— литературе.

Нью-Йорк

УДАР В СЕРДЦЕ

Дмитрий ГРИШИН

В апреле этого года в культурной жизни страны произошло событие исключительной важности: ЮНЕСКО решила взять под свою охрану Московский Кремль, занеся его в «Список всемирного наследия». Как известно, долгие годы эта организация категорически отказывалась признать Кремль достоянием человечества из-за многочисленных варварских разрушений его памятников и строительства на территории ансамбля современных сооружений. И все же ЮНЕСКО сделала шаг нам навстречу, учитывая ратификацию Верховным Советом СССР в 1988 году «Конвенции об охране всемирного культурного и исторического наследия».

Почти одновременным был и шаг Советского правительства. 21 апреля первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. Воронин подписал распоряжение Совмина о строительстве в Кремле особого здания для размещения специальных инженерно-технических служб КГБ и подразделений кремлевской комендатуры. Как же так?..

Несколько десятилетий Московский Кремль постепенно, но упорно из уникального памятника превращался в удобное место для работы (а раньше и жизни) советских вождей. Сегодня здесь вновь стало слишком тесно многочисленным съездам и сессиям, ворчащим друг на друга, как соседи по коммуналке. Не спасает даже нещадная эксплуатация исторических дворцовых помещений, традиционно закрытых для простых экскурсантов. Наличие здесь же главной резиденции правительства, а теперь и Президента СССР, вносит еще большую напряженность. И вот, не иначе как с самыми благими намерениями, по чьему-то высочайшему повелению «в целях обеспечения нормального эксплуатационного режима в зданиях 1 и 14 Московского Кремля» (что скрывается за цифрами, точно известно лишь посвященным) Моспроектом-2 Главмосархитектуры предложен проект: спецздание общей площадью 1600 м^2 в восточной части Тайницкого сада. Срок окончания работ — 1991 год, начало — 1 августа 1990 года.

Сразу оговоримся: угроза, кажется, миновала. Три месяца вокруг воронинского распоряжения шла упорная борьба. Депутат Моссовета А. В. Мальгин публикует в «Московском комсомольце» статью «Не нашего ума дело (КГБ в сердце столицы?)». Министр культуры СССР Н. Н. Губенко и председатель Моссовета Г. Х. Попов подписывают обращение к Н. И. Рыжкову с протестом против этого плана, зачитанное на заседании президиума Градостроительного совета Главмосархитектуры. Группа народных депутатов РСФСР в дни работы I съезда направляет правительству депутатский запрос.

А вот и нечто вроде официального ответа, но не Совета Министров, а председателя Госкомархитектуры Е. Розанова: «Учитывая историческую и культурную значимость Кремля, по поручению правительства СССР были проведены дополнительные проектно-архитектурные проработки, которые выявили возможность (?) отказаться от этого проекта». Первоначально кремлевская исключительность, видимо, не учитывалась...

Что ж, Совмин признал свое согласие на это строительство утратившим силу. Каким будет его следующий шаг? Пока же те шаги, что делались в советское время хозяевами Кремля по отношению к главной святыне России, были неслыханным преступлением перед нашим народом. Теперь можно официально заявить — и перед всем человечеством.

* * *

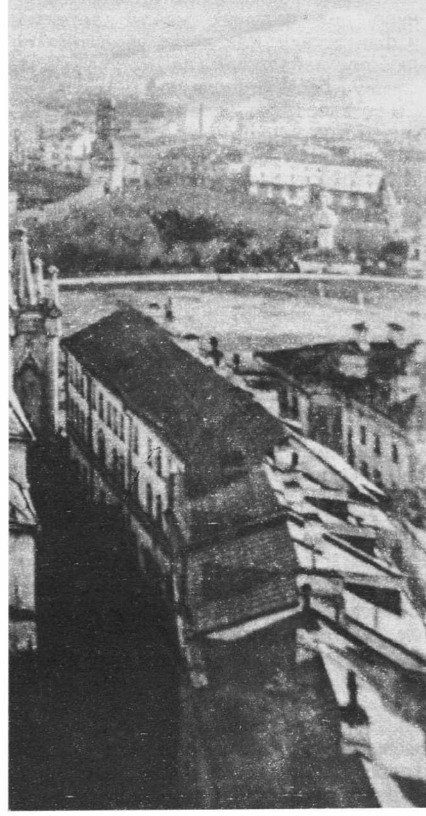
Март 1918-го... Советское правительство переезжает в Москву, и Кремль становится его резиденцией. Тяжелые двери проездных башен закрываются перед простыми москвичами, как когда-то перед завоевателями. А через месяц из-за древних стен выходит интереснейший документ — Декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». Что ж, стремление поскорее соорудить монументы в ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, хотя бы объяснимо. Но мировая история еще не знала правительственного документа, призывавшего к массовой ликвидации старых памятников. Декрет требовал не откладывать дела в долгий ящик и выражал желание, «чтобы в день 1-го Мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы».

Роль «наиболее уродливого истукана» сыграл в Кремле памятник Александру II. Это было величественное сооружение. Над обрывом, на кромке холма возвышался шатер, по бокам — галереи с портретами коронованных особ царствующей фамилии. Под шатром — статуя «царя-освободителя и мученика». Да, придворный архитектор Жуковский явно перестарался, и памятник получил немало укоров в помпезности, псевдорусскости, неудачном подражании кремлевскому стилю. Но автором статуи был известный скульптор А. Опекушин, создатель монументальной Пушкинианы. Однако и это не спасло памятник. Единственный в двух русских столицах монумент одному из самых значительных реформаторов был снесен в 1918 году, через двадцать лет после открытия.

Главным результатом этих событий было рождение мысли о возможности каких-либо разрушений в Кремле. Древний ансамбль становился лишь комплексом более и менее ценных сооружений, где можно было что-то менять с учетом новых условий. Разрушение двух памятников стало прелюдией к на-

Вознесенский монастырь. Здесь, под плитами Вознесенского собора, покоились останки русских цариц.

стоящему разгрому — варварскому, беспощадному...

* * *

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг...

Пятисоборный круг... Это о Кремле. Но ведь в Кремле только три собора: Успенский, Архангельский и Благовещенский? Цветаевские строчки, как старая фотография, запечатлели то, чего давно уже нет. Нет и не будет больше в Кремле двух удивительных памятников, двух древних соборов XVI века — Вознесения Господня и Чуда архангела Михаила. Исчезли с ними и постройки двух одноименных монастырей, исчезла вся древняя часть восточной стороны кремлевского ансамбля.

В 1928/29 г. в Кремле происходили бурные политические события. Решалась, как известно, судьба нэпа, судьба социализма. Древние памятники мало кого интересовали. Редкие группы иностранцев и организованные экскурсии советских рабочих (по специальным

Сегодня Владимир Николаевич Иванов — один из старейших московских искусствоведов, член правления Общества охраны памятников, член президиума научно-методического совета Министерства культуры СССР, почетный член международного совета по охране памятников, персональный пенсионер.

В 1928 году выпускником университета он пришел в Кремль, где ему суждено было стать свидетелем одного из величайших преступлений в нашей культуре. Ныне он единственный свидетель.

— Кто руководил вами, музейными работниками, нес ответственность за кремлевские постройки? Наркомпрос?

— Вообще-то Наркомпрос. Но на деле вся кремлевская жизнь подчинялась коменданту. Он был здесь полный хозяин, и никто со стороны не мог вмешаться. Комендант подчинялся только Енукидзе, а тот слушал лишь Сталина.

— Стало быть, хозяйственные, «придворные» интересы затмевали в Кремле все остальные?

— Конечно. Здесь шла большая внутренняя жизнь. Все гражданские и монастырские постройки занимали работники аппарата, обслуга и охрана. Некоторые здания служили казармой.

здесь мученически погибает святой патриарх Гермоген, здесь открывают греко-латинскую школу, здесь низвергают в надвратной (какое унижение!) монастырской церкви всесильного Никона, крестят Петра Великого, ведут вернувшегося из ссылки Пушкина на аудиенцию к царю, рождается Александр II...

— Скажите, Владимир Николаевич, неужели все это, эти бесценные исторические, культурные сокровища стали жертвой строительства лишь какой-то военной школы?

— Да, конечно... Школа красных командиров имени ВЦИК была привилегированным военным учебным заведением. Она давно обосновалась в Кремле, занимала несколько построек. Но вдруг ей стало тесно, да и новый клуб понадобился. Решили строить новые корпуса. Свободного же места в Кремле больше нет, стало быть...

— И никто не пытался остановить?

— Пытались. Померанцев кинулся в соответствующие инстанции, привлек видные авторитеты — Грабаря, Щусева и других. Говорить тогда о культуре было уже бесполезно. Главный довод нашли такой: нельзя строить военную

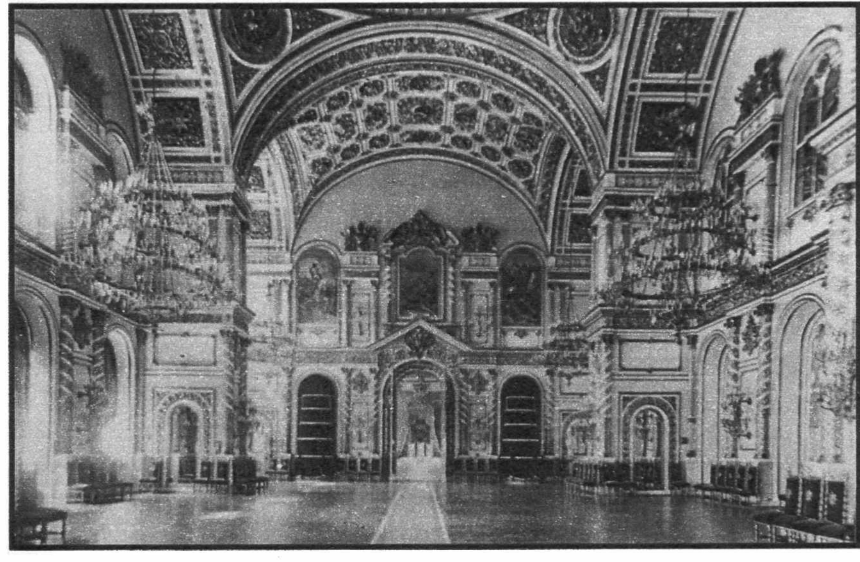
рельефом Георгия Победоносца, гербом-стражем Москвы, помещавшемся в XV веке над парадным въездом в Кремль...

* * *

В Москве, в кафедральном патриаршем Богоявленском соборе, известном в народе под названием Елоховской церкви, перед иконостасом, с правой стороны от Царских врат стоит под шатром и лампадами рака с мощами святого Алексея, митрополита Московского.

Святитель Алексей — выдающаяся историческая личность. При малолетнем Московском Великом князе Дмитрии Ивановиче он — правитель государства. Затем — духовный наставник князя, подвижник церкви, соратник Сергия Радонежского, опытный политик, сторонник просвещения.

На знаменитой иконе «Митрополит Алексей с житием» мастер Дионисий изобразил как одно из главных событий в жизни святого постройку Чудова монастыря. Здесь же мы видим погребение митрополита в этой обители и чудеса, творившиеся над его гробницей. Икона дошла до наших дней, но гробница была разрушена вместе с монастырской Алексеевской церковью.

Александровский зал Большого Кремлевского дворца.

Церковь св. Константина и Елены в Тайницком саду. Снесена в начале 30-х годов, а в начале 1990 года именно здесь, в Тайницком саду, предполагалось разместить особое здание специальных инженерно-технических служб КГБ и кремлевской комендатуры.

спискам) проникали порой за охранявшиеся ворота. Здесь их ждала четко отработанная программа: три храма на Соборной площади, потом Оружейная палата. И ни шагу в сторону.

Чудов и Вознесенский монастыри никому не показывались. То ли из-за близости к правительственному зданию, то ли из-за проживания в их кельях многочисленной кремлевской обслуги, не желавшей лишнего беспокойства. Пятисоборный круг распался. Два собора остались как бы не у дел и медленно стали относиться временем к роковому концу.

Забота о древних кремлевских сооружениях была возложена на отдел памятников, входивший в состав Оружейной палаты. В отделе работали четверо: заведующий Николай Николаевич Померанцев, архитектор Дмитрий Петрович Сухов, ведавший реставрацией, и двое молодых специалистов, выпускников МГУ,— Владимир Николаевич Иванов и Софья Алексеевна Зомбе. Никому из них, конечно, не могло и в голову прийти, что скоро их первостепенным делом станет спешное спасение всего, что хоть как-то можно спасти из заминированных монастырей...

Ну, а пока реставратор И. А. Баранов изучал и обновлял иконы, а В. Н. Иванов регулярно ходил в «изолированные» монастырские соборы проветривать церковные одеяния. «Что, опять царские пеленки пошел сушить?» — хохотал ему вслед помощник коменданта.

— А где же работали вы?

— В подвале. Наш отдел, например, располагался под Благовещенским собором.

Наш разговор с В. Н. Ивановым подходит к главному вопросу. Я мысленно перебираю, чтобы начать с чего-то конкретного, все известные мне данные о погибшем ансамбле: прекрасный и загадочный главный храм Чудова монастыря с великолепными фресками, соединенные церкви Андрея Первозванного, Благовещения и св. Алексея (XV—XVII веков), Малый, или Николаевский, дворец работы М. Казакова с церковью Петра и Павла (XVIII век), огромный Вознесенский собор архитектора Алевиза Нового, строителя Архангельского собора (XVI век, перестроен в XVIII веке), церковь Михаила Малеина (XVII век), небольшая колокольня XVIII века с церковью Иосифа Белгородского, удивительной красоты церковь св. Екатерины, редчайший образец московской готики (начало XIX века). Здесь дышала российская история. Вот инок Чудова монастыря Григорий Отрепьев бежит в Польшу и возвращается царем Дмитрием с невестой Мнишек, которую поселяют до свадьбы в Вознесенском монастыре... А вот уже Василия Шуйского, сокрушившего самозванца, самого насильно постригают в Чудове в монахи,

школу в правительственной резиденции.

— Правительство и казармы — соседство действительно не из лучших. Но это уже не смущало. Вопрос, видимо, давно и окончательно решился чьим-то самозванческим приказом. Сколько же времени вам отвели на эвакуацию?

— Подготовительные работы по расчистке строительной площадки заняли около 4 месяцев. Территорию обнесли забором, привезли технику. Нужно все было делать быстрей-быстрей, спешно производили обмеры, фотографировали, вывозили утварь, одеяния. Работали наши сотрудники отдела памятников Кремля, сотрудники реставрационной мастерской Наркомпроса. Самое печальное, что нам не удалось спасти фрески Чудова монастыря. Часть уже была снята и лежала на фанере, кое-что успели даже унести (сейчас все это в Третьяковке). Но утром, когда работы должны были продолжиться, мы увидели собор уже взорванным со всем, что в нем осталось...

— А иконостас?

— Его успели разобрать. Иконы сейчас в запасниках. Успели — не успели... Успели вынести иконостас из Вознесенского собора, он теперь в экспозиции кремлевских музеев. Но не удалось провести раскопки, а ведь здесь были древнейшие московские некрополи. Зато успели спасти из разрушенной церкви Михаила Малеина камень с барельефом...

И все же сотрудникам кремлевских музеев удалось спасти раку с мощами митрополита. Ее вынесли из церкви, поставили на телегу и перевезли в Успенский собор, где установили в одном из приделов, рядом с гробницей святого митрополита Петра. Так неожиданно оказались погребенными рядом двое самых известных московских святых, чьи имена Русская православная церковь часто упоминает вместе.

Не будем забывать, что в то время потрошений и «конфискаций» мощей заступиться за останки канонизированного церковного деятеля, спрятать их было рискованным делом. Именно в том же 1929 году религиозная нетерпимость в обществе достигла невиданных размеров. Росли ряды «воинствующих безбожников» (1929-й — 465 тысяч; весна 1930-го — 3,5 миллиона), шли аресты религиозной интеллигенции. Рождество 1929 года объявлено «Днем индустриализации», по Москве прошли «карнавалы — похороны религии», появилось печально знаменитое постановление ВЦИК и СНК... А тут, в самом Кремле, перезахоранивают святого! Не забудем же о тех людях... Только после войны патриарх Алексий осмелился просить власти о передаче церкви мощей, спасенных в Чудове, и переносе их в свой собор.

...К Алексеевской церкви в монастыре примыкало небольшое сооружение начала XX века — усыпальница великого князя Сергея Александровича. Через 11 лет после того, как снесли крест на месте его гибели, добрались и до могилы. Как в 1905 году разлетелась вдребезги от взрыва карета Сергея Александровича, так через четверть века рассыпалась его надгробная часовня с прекрасной мозаикой...

* * *

...В 1393 году овдовевшая Великая княгиня Евдокия Дмитриевна, супруга Великого князя Московского, народного героя Дмитрия Донского, основала возле Спасских (Фроловских) ворот Кремля Вознесенский монастырь. Здесь она приняла постриг под именем Евфросинии, здесь была погребена. С тех пор монастырский собор Вознесения Господня стал усыпальницей женщин великокняжеского и царского рода. С. М. Соловьев писал, что государь всея Руси в светлый праздник Пасхи, после богослужения шел вначале в Вознесенский собор поклониться гробу матери, и только после — в Архангельский, к гробнице отца. Таким было значение храма.

Монастырь стал первой привилегированной женской обителью. Созданный в XVI веке новый богатейший приют для пострижения представительниц московской аристократии получил название Новодевичьего, то есть нового по сравнению с Вознесенским. Ныне только это название косвенно напоминает об исчезнувшем монастыре в Кремле.

Мысль о спасении царицыных могил появилась сразу, как только стало ясно — уничтожения монастыря не избежать. Кому первому она пришла в голову — неизвестно, но сомнений ни у кого из музейных сотрудников не возникло. Так как дело было необычное, ответственное, создали специальную государственную комиссию в составе Н. Н. Померанцева, Д. П. Сухова, В. К. Клейна, А. В. Орешникова. Секретарями назначили В. Н. Иванова и С. А. Зомбе.

Прежде всего составили схему расположения всех надгробий в Вознесенском соборе. Определили порядок работы: начать с западного входа и от крайнего правого угла постепенно продвигаться к алтарю.

Вначале секретарь комиссии списывал с надгробия весь текст. Затем за дело брались трое каменщиков и превращали памятник в кучу щебня. Под ним оказывался двадцати — тридцатисантиметровый слой песка. В ход пускались лопаты, и вот уже видна расчищенная плита, закрывающая могилу. На ней тоже текст, более подробно рассказывающий о покоящемся здесь лице. В протокол тщательно переносится каждое слово, фотограф делает снимок. Плиту отваливают и на поверхность поднимают белый каменный саркофаг. Снимают крышку, и снова щелкает фотоаппарат.

Русские царицы лежат спеленутые. Ткань разворачивают, и она разваливается прямо в руках. Ее кусочки помещают между стеклами, помечают. Кроме непонятного назначения сосудов, в саркофагах нет бытовых предметов, украшений, даже крестов. Лишь у одной из сестер Петра на пальце золотое кольцо.

Мария Долгорукая, первая жена Михаила Романова, одна из всех погребена в парчовом сарафане (он сейчас в Оружейной палате), волосы в серебряной сетке. У других — в простых волосняках.

Постепенно собор с разрытыми могилами и выставленными гробами принимает жуткий, апокалипсический вид. И вдруг среди этого кошмара появился один из тех, кто правил тот бал. Гулко простучали кованые сапоги, и над могильной плитой замер сам легендарный Клим Ворошилов. То ли проверяя ход строительства, то ли по бесхитростному любопытству пожаловал будущий маршал посмотреть на бывших цариц. Щелкнул фотограф, снимая очередной саркофаг, и заодно увековечил над ним героические сапоги наркомвоенмора.

...Выкопанные саркофаги нужно было куда-то срочно убрать из собора, который уже готовились взрывать. Вначале думали перенести их в помещение звонницы возле Ивана Великого. Но оставлять останки в служебных помещениях показалось слишком кощунственным. Тогда местом размещения выбрали подвал Судной палаты, пристройки у Архангельского собора. Большие каменные саркофаги по одному или сразу по нескольку ставили на телегу, и единственная лошадь медленно везла через Ивановскую площадь Анастасию Романову и Евфросинию Старицкую (ее предполагавшуюся отравительницу), Елену Глинскую (мать Грозного) и Марфу Собакину (знаменитую царскую невесту). Сместилось время, и рядом могли оказаться две жены царя Михаила и две — царя Алексея; властолюбивая Софья Витовтовна и беспринципная Мария Нагая, что признала за сынаЦаревича беглого расстригу... Через дыру по доскам 52 гробницы спустили вниз, и вскоре уже мало кто знал о содержимом сырого подвала.

Впрочем, не совсем. Однажды антропологи около трех месяцев зачем-то провозились, обмеряя останки несчастных цариц. Потом подвал превратился в свалку... Его снова расчистили, установили, кто где лежит, вытащили из саркофагов последнее, что можно отнести в музей...

Так до сих пор и лежат оскверненные останки непогребенными — в подвале, как на свалке...

* * *

Рана, нанесенная Кремлю в 1929—1930 годах, была мучительно тяжелой. Взрывы, уничтожившие древние святыни, варварство и кощунство...

Рана была слишком велика, чтобы остаться незамеченной даже за высокими красными стенами. Московская интеллигенция не на шутку заволновалась. Но... шепотом. О таких вещах вслух уже не говорили. А если откликалась пресса, то не иначе как радостным объявлением социалистического соревнования за лучший проект Дворца культуры на месте снесенного в Москве (начало 1930 года) Симонова монастыря — этой «крепости царско-поповского мракобесия». Но то, что творилось в Кремле, уже не касалось «народных масс», соцсоревнования по проектам казармы не устроили. Однако сохранилась московская легенда о том, что некоторые крупнейшие архитекторы (в том числе и Щусев) отказались принимать участие в постройке зданий на «расчищенном» месте. Пассивный протест? Очень хотелось бы верить.

В воспоминаниях В. Бонч-Бруевича есть широко известный эпизод. Из книги С. Бартенева «Московский Кремль в старину и теперь» В. И. Ленин узнал, что арка собора Двенадцати апостолов была заложена кирпичом при Николае I и превращена в сарай для фуража. Распорядившись о реставрации, Ленин заметил: «Ведь вот была эпоха — настоящая аракчеевщина... Все обращали в сараи, казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны». Десять лет спустя новая эпоха, превзойдя все ужасы аракчеевщины, на руинах истории стала строить казарму невиданной архитектуры — казарменный социализм. К 1934 году с его громкими «победами» в этой великой стройке закончилось и строительство кремлевской школы командиров по проекту архитектора И. Рерберга. Теперь предстояло как следует подготовить Кремль к историческому съезду самих партийных победителей. Ряды «победителей» росли, им требовался простор (никто еще не подозревал, как скоро и как сильно они поредеют...).

Прежде всего взялись за Большой Кремлевский дворец. Из двух парадных залов XIX века, названных в честь русских орденов Александра Невского и Андрея Первозванного, соорудили просторный, но кабинетно-казенный зал заседаний.

Новые масштабы партийно-правительственной работы требовали и расширения обслуги. Для работников этой сферы при дворце решили построить новую спецстоловую. Долго места не искали и разместили ее между Благовещенским собором и Грановитой палатой, для чего возле последней были снесены Золотая Красная лестница и знаменитое Красное крыльцо — парадный вход в Кремлевские древние палаты, реликвии, веками бережно сохранявшиеся при всех дворцовых перестройках.

Изменился и внутренний двор Большого дворца. Здесь в 1932/33 году исчезло древнейшее московское сооружение — церковь Спаса на Бору (XIV век, перестройка XVII века). Святыня глубочайшей старины, церковь никак не вписывалась в самый центр победного апофеоза и потому бесследно пропала...

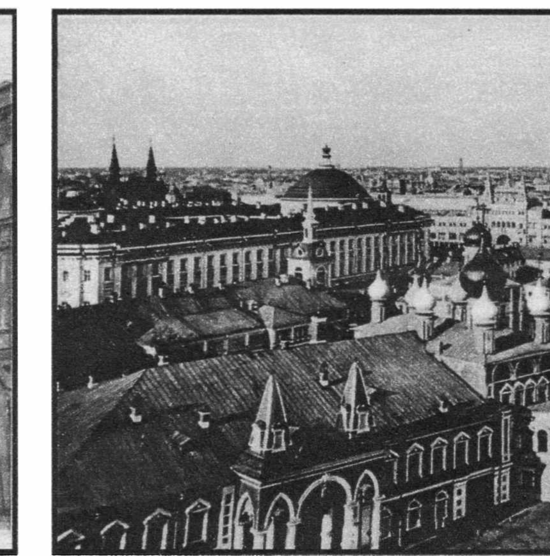
«Привели в порядок» и Тайницкий сад. Стоявшие в нем старинные церкви Благовещения и Константина и Елены снесли уже без всякой причины.

Известно, что к работам на этом этапе кремлевской «расчистки» были привлечены некоторые «мастера», зарекомендовавшие себя на взрывах храма Христа Спасителя. Были, конечно, и защитники. Но что они могли сделать, когда борьба за национальную культуру уже расценивалась как классовая. «Характерно,— заявил в сентябре 1933 года Л. Каганович,— что не обходится дело ни с одной завалящей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу. Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами — в попытках упрекнуть Советскую власть в вандализме».

В самый разгар победных гимнов и кровавых потоков Москву посетил английский министр Иден. Его визит неожиданным образом способствовал некоторому вниманию со стороны одного из кремлевских хозяев к культурным проблемам собственной резиденции. В. Н. Иванов, уже знакомый нам бывший смотритель соборов, должен был

Церковь Спаса на Бору (XIV век, перестройка XVII века).

Вид на Чудов монастырь со стороны Соборной площади.

показать Идену знаменитые кремлевские памятники. Но министр на экскурсию так и не собрался. Соборы велели закрыть. И вот, обходя площадь, смотритель столкнулся с самим В. М. Молотовым:

— Вы здесь работаете, молодой человек? Не могли бы вы мне показать эти соборы, рассказать о них?

И началась удивительная экскурсия — для одного экскурсанта. Молотов остался вполне доволен, смущенно сказал:

— Сколько здесь работаю, а все не заходил. В первый раз...

Случай в первый (а может быть, и в последний) раз заставил главу правительства взглянуть на Кремль чуть-чуть иначе. Он даже обещал похлопотать о музейных нуждах, и действительно комендатура в чем-то помогла. Случай... Впрочем, замечает В. Иванов, после убийства Кирова работать в Кремле стало невыносимо тяжело, а вскоре штат сотрудников музея был значительно сокращен. Некоторые из тех, кто недавно спасал кремлевские памятники, были репрессированы: арестован и осужден Померанцев, умер в тюремном заключении Клейн...

* * *

Но муки Кремля на том не закончились. Едва затянувшуюся рану вновь разбередили в хрущевскую оттепель. Новым «победителям» понадобился новый дворец-гигант. И непременно в Кремле. И снова резанули по живому.

От здания старых кремлевских казарм (1810) перетаскивали к Арсеналу тяжелые орудия работы известных мастеров, перевезли Царь-пушку, а само здание, немало послужившее Кремлю (одно время в нем размещалась Оружейная палата), прочное и строгое, не задумываясь, снесли. Между прочим, это сооружение было своеобразным памятником славы России, в XIX веке его украшали бюстами прославленных полководцев, барельефами на исторические сюжеты. Разбили стоявшие за ним корпуса — кавалерские, офицерский, кухонный. Кавалерские имели особое значение. Здесь в одной из квартир некоторое время жил В. И. Ленин. На этом основании фрагмент корпусов уцелел, но пропал интересный архитектурный комплекс. Там же, в кремлевских квартирах, жили когда-то многие из «победителей» прошлых лет. Именно там происходило то, что описано в знаменитых записках Бажанова. В одном из зданий была и квартира Сталина, полученная им в 1919 году, по свидетельству Троцкого, вместо намеченных императорских апартаментов Большого Кремлевского дворца. Здесь жили Дзержинский, Калинин, Куйбышев... Немало мемориальных досок могло бы открыться в Кремле, если бы не появилась тут железобетонная махина для рапортов о новых и новых победах.

Впрочем, дело не в досках, новый Дворец съездов практически завершил разрушение кремлевских улиц, определяющих линии многих построек, нарушил целостность оставшегося ансамбля, закрыл окончательно вид на Теремной дворец, хотя и сохранившийся, но практически потерявшийся для посетителей Кремля.

* * *

Города не возникают раз и навсегда в законченном виде. Их жизнь неизбежно связана с многочисленными изменениями — разрушениями и новыми постройками. Кремль, как часть Москвы, не исключение. Более того, помимо естественного отбора, с постепенным исчезновением менее ценного или менее прочного в его истории (с XIX века) бывали и настоящие «вырубки». К таковым справедливо относят и деятельность начальника дворцового ведомства П. Валуева, стоившая Кремлю немалых потерь, и варварство французов в 1812 году, и строительные работы в николаевскую эпоху. Нередко вспоминают и баженовский проект кремлевского дворца, предполагавший снос большого числа строений.

Все это так, но порой эти факты пытаются превратить в оправдания разрушений Кремля в советское время. И напрасно...

Прежде всего несравнимы сроки и масштабы. Кроме того, если сносу сопутствовало новое строительство, то в минувшие века в Кремль приглашали лучших архитекторов (Фиораванте, Ухтомского, Баженова, Казакова, Тона), создавших здесь отнюдь не безликие казармы или уродливые стеклянно-бетонные коробки.

Не забудем, кроме того, что Кремль в покинутой правительством Москве и Кремль — политический центр — две разные вещи. Ведь за заброшенными строениями в прошлом веке здесь почти не следили, многое было проще сломать, чем спасти от ветхости. В 1918 году новая власть взяла все памятники под свою опеку, обязалась их охранять и даже начала заботиться. Но итог превзошел все мыслимое...

Наконец, никогда разрушения не касались главных кремлевских святынь. Так, отказавшись по ряду причин от баженовского проекта, Екатерина II сочла вполне уважительным и достаточным предлогом близкое расположение одного из углов будущего дворца к царской усыпальнице. В свою очередь, стараясь не задеть построек Чудова и Вознесенского монастырей, М. Казаков выстроил здание Сената в необычной форме — углом. Истинный смысл этой задумки не так-то просто понять сегодня, когда от древних зданий не осталось и следа.

Бережно обогнули и Спас на Бору при постройке Большого Кремлевского дворца.

Так что оправдания не выходит...

Тогда скоро ли наконец этот страшный урок собственного вандализма пойдет нам на пользу? Скоро ли мы перестанем опасаться за дальнейшую судьбу Кремля? Все говорит о том, что только передача Кремля из рук комендатуры и других спецучреждений в руки российских или московских выборных органов, незамедлительное объявление его территории заповедной зоной, запрещение (или крайне редкое разрешение) использования исторических интерьеров в служебных целях станут целительным бальзамом для раненого сердца страны. Это стало бы и первым реальным шагом навстречу мировой общественности, сжалившейся над нашим Кремлем раньше нас...

Церковь св. Екатерины (1817 год). Фото В. ШУХОВА

Так выглядел памятник Александру II. Сооружен в 1898 году, разрушен к первомайским праздникам 1918-го, через двадцать лет после открытия.

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

Фото
Вильгельма МИХАЙЛОВСКОГО
(Рига),
Александра ЧУНОСОВА
(Челябинск),
Александра ДРОГАНА
(Горловка)
и Игоря ФЛИСА
(Москва).

ПРОШУ СЛОВА!

СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ!..

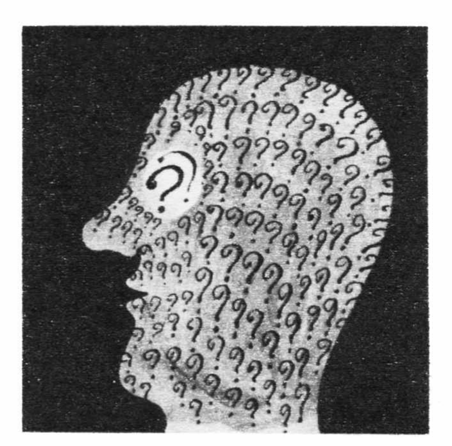

Рисунок Виктора КОВАЛЯ.

Павел ГУТИОНТОВ

Держу в руках книгу. Называется она «Российский ежегодник-90», выпуск второй, тираж ее 50 тысяч. Подписана книга в печать 31 июля 1990 года (то есть накануне вступления в силу Закона о печати, значит, и цензуру прошла, вот он, номерок уполномоченного Главлита — А05387 — в выходных данных), стоит ежегодник по нынешним временам просто копейки — рубль шестьдесят за увесистый том. Выпустило его в свет издательство «Советская Россия»... Странность же книги в том, и это сразу в глаза бросается, что не знаешь, кому лично в ноги поклониться за возможность ее перелистать и подумать над иными страницами. То есть и корректоры указаны, и техред, и редактор художественный... Зато нет имен-фамилий составителей, а в иных случаях — и авторов помещенных в книге текстов. Чего ж стесняться, казалось бы? И чего стесняться?

Склонен думать, что это не просто неряшливость, а вполне продуманное нежелание «светиться». И готов проиллюстрировать это свое предположение конкретным примером.

Последней строкой в оглавлении значится раздел «Это интересно». Какие же курьезы предлагают наши анонимы читателю, отягощенному изучением предыдущих 275 страниц ежегодника?

Раздел снабжен никак не озаглавленным предисловием, которое, на мой взгляд, достойно того, чтобы быть процитированным полностью.

«В течение многих лет,— сказано в предисловии,— мы привыкли, говоря о послереволюционной истории нашей страны, использовать выражения «Совнарком», «Политбюро», «ЦК ВКП(б)», «партия и правительство» и т. п. в качестве едва ли не заклинаний. Даже не пытаясь задуматься над тем, какие именно люди, принимавшие ответственные и часто роковые решения, скрываются за привычными аббревиатурами.

Ясно, что никакой правительственный аппарат не может быть монолитным: в нем всегда находятся сторонники и противники тех или иных (политических или экономических) курсов и решений. И известное (хотя бы внешнее) единство советского аппарата до перетряски 1937—1938 годов обеспечивалось тем, что господствующее в данное время течение поглощало и подавляло все остальные...

Для начала следует хотя бы предать гласности поименный список того правящего слоя, о котором обычно говорится обезличенно, просто как о «советском правительстве». Наша публикация — попытка приоткрыть завесу тайны над тем, что в правовом государстве тайной быть не должно».

Интересно? Еще бы! Анонимные благодетели смело срывают покровы, документально, уж простите за выражение, обнажая страшную тайну: что за «господствующее течение подавляло все остальные», «какие именно люди скрывались за привычными аббревиатурами», выявляя «хотя бы внешнее единство» советского аппарата.

Двенадцать страниц убористого текста посвятили неизвестные подвижники выполнению взятой на себя благородной задачи. Маски сорваны! Нам предъявлены «поименные списки» секретариата ЦК ВКП(б), его Оргбюро, членов и кандидатов в члены ЦК, Центральной ревизионной комиссии, комиссий советского и партийного контроля, руководства нескольких наркоматов (особенно подробно — НКВД и наркомата иностранных дел), прокуратуры, Центросоюза, Главпура...

Так вот, для определения «течений» в тогдашнем (а имеется в виду период 1936—1939 годов) руководстве создатели «поименного списка» выбрали простой до гениальности способ. Против каждой фамилии стоит значок, что любезно объяснено в примечании: «(*) евреи; (—) не-евреи; (?) не выяснено».

Предлагаю читателям самостоятельно оценить нравственную сторону подобного «национального разделения» — говорить и писать об этом безмерно надоело. Тот, кто еще не понимает, боюсь, уже никогда не поймет, что само по себе сколь угодно большое количество «звездочек» ровным счетом ничего не объясняет, не говоря уже о том, насколько должно быть унизительно каждому нормальному человеку «выяснять» (знак вопроса) национальность, скажем, атташе советского посольства в Вашингтоне Э. К. Липко или «видного работника ОГПУ — НКВД» Е. Г. Иогансона. Ну, окажется один из них украинцем, а другой латышом (по терминологии ежегодника — «не-евреями», славная национальность, однако). И — что? Если Иогансон пытал подследственных с той же страстью, что и еврей или русский из соседнего кабинета?

И все-таки (слаб человек!) стал я «поименные списки» все же просматривать, ибо абсолютное преобладание «звездочек» во всех без исключения разделах впечатление (каюсь) производило. И чисто человеческое: да неужели **их** там и правда так много было? — промелькнуло. Вон, в Центральном Комитете партии и правда больше половины?

Но простите: в Секретариат ЦК в 1936—1939-м входило вовсе не два человека, как следует из «поименного списка»: И. В. Сталин-Джугашвили (минус) и Л. М. Каганович (со звездочкой, естественно). Ведь никакой «завесы» приоткрывать не потребуется тому, кто захочет узнать, что, кроме названных деятелей, секретарями ЦК в указанное время являлись также товарищи Андреев, Ежов и Жданов и «нацсостав» Секретариата, согласитесь, своим там присутствием несколько меняли. Что, впрочем, повторю, никакого значения для проводимой ими политики не имело.

Игорь ЯКОВЕНКО

КАРЛИК ИЛИ ВЕЛИКАН?

Как уже сообщалось, в ноябре состоялся учредительный съезд партии, создаваемой на основе Демократической платформы. Новорожденная получила имя «Республиканская партия Российской Федерации». Название вызвало у некоторых недоверчивые улыбки: что это такое и как это понимать? Ну, социал-демократы, кадеты, либералы, анархисты, монархисты — тут все ясно. Есть по крайней мере отчетливые исторические и зарубежные аналогии. А Республиканская партия показалась кому-то заморским фруктом в российском политическом саду. И вообще, что это за явление: еще один политический карлик в ряду нескольких десятков партий? Давайте разберемся. Обратимся к результатам исследований социологической службы «Мониторинг», проведенных среди сторонников Демплатформы вне КПСС и на учредительном съезде Республиканской партии.

Делегаты учредительного съезда представляли около 20 тысяч членов партии из 53 областей, краев, республик России. Судя по результатам исследований, в новую партию вступили пока в основном люди с высшим образованием (87 проц.), в возрасте от 30 до 50 лет (58 проц.). Моложе 30 лет — всего 6 проц., старше 60 лет — 9 проц. Рабочих, женщин и учащихся в Республиканской партии немного: соответственно 6, 15 и 2 проц. В основном это интеллигенция, служащие и ИТР. Слухи о том, что Демплатформа создает «партию миллионеров», сильно преувеличены: средний доход на одного члена семьи у республиканцев примерно на 9 проц. выше среднестатистического по России, однако, судя по опросам, значительная часть членов новой партии живет на грани нищеты, получая на одного члена семьи менее 80 рублей (7 проц.) или менее 150 рублей (32 проц.). Так что аналогия с западными партиями крупного капитала явно не срабатывает.

Каковы политические взгляды, убеждения республиканцев? 98 проц. опрошенных безоговорочно признают необходимость частной собственности и частного предпринимательства, лишь 5 проц. поддерживают идею «гуманного, демократического социализма», а подавляющее большинство выступает категорически против включения в программные документы партии любого «изма». Так что это не только некоммунистическая, но и несоциалистическая партия. Однако, будучи убежденными сторонниками частной собственности, большинство (69 проц.) бывших демплатформовцев — нынешних республиканцев — сами не собираются заниматься частным предпринимательством и вольются в формирующийся рынок наемной рабочей силы. Потенциальных предпринимателей среди членов новой партии менее трети. Отсюда и изначальная двойственность программных документов Республиканской партии: будучи партией прогресса, выступая за свободу предпринимательства, республиканцы являются вместе с тем и партией социальной защиты наемных работников. Это глубокое внутреннее противоречие, отражающее неоднородность Республиканской партии, вызвало на учредительном съезде бурную дискуссию по вопросу о механизме разгосударствления и приватизации государственной собственности. Сначала поддержку большинства получила идея безвозмездной передачи собственности всем без исключения гражданам в равных долях. Но после дискуссии, отчасти под влиянием авторитета выступившего на съезде Г. Явлинского, была принята более взвешенная формулировка, предусматривающая передачу собственности также и за плату и учитывающая необходимость социально справедливого характера ее распределения.

Как республиканцы решают для себя исконный вопрос российской интеллигенции об историческом пути России? К кому они ближе: к «западникам» или к «почвенникам-славянофилам»? Судя по опросам, большинство делегатов уч-

Но, поймав на «неточности» в первых же строчках списка, дальше стал смотреть повнимательнее. Все двенадцать страниц проверять, конечно, не стал, а первые две проверил (и никакого труда это мне не составило). Итоги проверки, прямо скажу, поразили.

В списке, приведенном «Российским ежегодником», не значатся 49 из 71 члена ЦК ВКП(б) — Алексеев, Андреев, Антипов, Бадаев, Берия... В том числе восемь из десяти членов тогдашнего Политбюро (Молотов, Ворошилов, Андреев, Косиор, Калинин, Микоян, Орджоникидзе, Чубарь) и трое из четырех кандидатов в члены Политбюро (Петровский, Постышев и Жданов). Из шестидесяти восьми кандидатов в члены ЦК отсутствует сорок семь. Из 61 члена Комиссии партконтроля в «поименном списке» нет тридцати четырех, из 70 членов Комиссии контроля советского — сорока пяти, из двадцати двух членов Центральной ревизионной комиссии — ровно половины состава, одиннадцати человек...

Что уж тут говорить о такой ерунде, как «доизбранные» в состав ЦК никому не ведомые Цифринович, Бейка, Трахтер, Битнер, Канер и Кришман, которые, по мнению «Ежегодника», несут ответственность за «роковые решения» послереволюционного периода — куда больше, чем, скажем, Хрущев, Рудзутак или Поскребышев, из «поименного списка» тоже выпавшие.

Вот какова фактическая основа для того, чтобы «задуматься», что за люди «скрываются за привычными аббревиатурами»! А это я еще не могу с ходу проверить, как в реальности обстоят дела, скажем, с «Наркоматом зерновых и животноводческих хозяйств»,— впрочем, и самого наркомата с таким названием не существовало...

В комментарии к исследованию «племенного состава» (так и написано!) советского руководства «тех времен, когда единоплеменники Гольдштейна (какого Гольдштейна?) правили Россией», сказано, что «опровергнуть же и оспорить точность этого списка никто не сможет»,— заявление более чем самонадеянное. Например, есть в нем, списке, специальный раздел, озаглавленный «Правители и вельможи СССР перед II мировой войной», и там указано, что составлен он по данным, приведенным в «Известиях» от 8 апреля, 11 июня и 7 августа 1936 года. Для сведения издательства «Советская Россия»: 7 августа указанного года «Известия» не выходили вообще, в оставшихся двух тоже ничего, способного напитать столь буйную фантазию, я не обнаружил. Правда, методику составления списка, копаясь в подшивке, кажется, постиг. Так, 8 августа (а не седьмого) 1936 года газета опубликовала постановление ЦИКа о назначении Брускина А. Д. заместителем наркома тяжелой промышленности. Что ж, вот он, Брускин, в списке руководителей наркомата значится (со звездочкой). Но в том же списке есть и некий Бускин Д. — директор Челябинского тракторного завода (со звездочкой). А это уже, извините, вранье, ибо директором ЧТЗ был все тот же Брускин, освобожденный от должности в связи с повышением тем же, опубликованным в «Известиях», постановлением...

«Это интересно», говорите?..

А знаете, что самое «интересное»? Заключающая исследование таблица, где приведены (со ссылкой на профессора И. А. Курганова) цифры человеческих жертв России, население которой, как сказано, «из-за Советской власти» за пятьдесят лет уменьшилось на 67 миллионов 558 тысяч человек (в их числе миллион убитых «ежовщиной», которую, если помните, составители сборника застенчиво именуют «перетряской 1937—1938 годов»). Комментариев к таблице нет да и не надо — из предшествующих одиннадцати страниц перечисления «правителей и вельмож», снабженного национальной разбивкой, вполне ясно, чьих рук все это дело...

Для этого список и сочинялся.

Составил его, как явствует из маленькой приписки, Андрей Дикий (Русско-еврейский диалог. Нью-Йорк, 1970[1]). За границей (может быть, это будет полезно узнать издательству) Дикий пользуется стойкой репутацией фашиста, которую (репутацию) не устает поддерживать.

Когда-то нацистский идеолог Розенберг так высказался о русской революции: ее сущность, писал он, «состоит, если ее рассматривать с расово-исторической точки зрения, в том факте, что бессознательные монголоидные силы одержали в русском народном организме победу над северными и перешли к искоренению этой, по их представлению, враждебной сущности...» Наследники Розенберга в Нью-Йорке и городах поближе вновь возвращают нас к «расово-исторической точке зрения» на происходящие в России процессы. Никаких видимых различий.

Бог с ним, с нью-йоркским Диким-то. Давайте о своих диких поговорим наконец открыто и серьезно: в случае с «Российским ежегодником» мы имеем дело с фашистской пропагандой в чистом, дистиллированном виде. Ничего уже люди не скрывают. И не боятся.

Я прекрасно понимаю, что обязательно найдутся те (мало ли примеров тому мы уже видели?), кто изобразит возмущение, попытается сделать вид, будто кто-то «обвиняет в фашизме русский народ». Вынужден заранее предупредить, что ничего подобного в виду не имею и саму дискуссию на эту тему считаю недостойной. Разговор идет о попытках фашизировать наше общество, которые упорно предпринимаются сегодня, а также о том, что сегодня, как никогда, наше общество (определенная его часть) готово поддаться этим попыткам.

Двадцатый век нас многому научил. И тот, кто хоть чуть интересовался историей Веймарской республики, увидит, как опасно «рифмуется» происходившее в Германии 20-х с нашей ситуацией: фатальное размежевание общественных сил, апокалипсические настроения, слом старой государственной машины, усиливающееся разочарование в новых, рождающихся структурах, паралич власти, обострение борьбы идей, доходящей до рукопашной, экономический провал, массовая люмпенизация населения...

В этих условиях (а добавьте сюда нашу специфику — погромы в национальных республиках, сотни тысяч беженцев, подступающую угрозу развала великого государства на огороженные таможенными границами удельные княжества, крах имперских претензий и пр. и пр.) есть семена, которые будут давать обильные всходы.

Добавим, что именно фашизм замечательно научился эксплуатировать стремление к железному порядку там, где рушатся социальные, экономические, политические основы власти. Он всегда связан в социально-психологическом плане с ненавистью к формальным, правовым структурам. Ну и, конечно, одним из главных притягательных мотивов является культивирование идеи врагов и виноватых, рассеянных в обществе, скрытых в нем, а также подкупающая легкость выявления этих врагов и разоблачения их.

Помните, звездочка против фамилии, тире... А уж какое широкое поле деятельности открывает скромный вопросительный знак... И дело здесь, конечно, не в одном антисемитизме, о позорном разгуле которого стыдно повторять в девяносто девятый раз. Антисемитизм лишь один из «фирменных знаков» фашизма, но уж носит он этот знак на самом видном месте.

И в этой связи необходимо сказать вот что. Нас уже ко многому приучили, слишком многое нас уже вроде бы и не возмущает. Позорное бездействие власти, упрямо не реагирующей на погромные призывы со страниц ряда изданий, развращает не только погромщиков, но и общество в целом. Если во Франции, когда хулиганы осквернили еврейское кладбище, демонстрацию протеста возглавил президент республики, то у нас изукрашенная свастиками московская синагога удостоилась пяти строчек в одном малотиражном издании... Я далек от того, чтобы призывать Горбачева на уличную манифестацию против антисемитизма, но в том, что высказаться ему по этому поводу пора уже давно,— уверен. Пока опасные игры с так называемыми «патриотами» не зашли слишком далеко — туда, откуда (и двадцатый век это доказал) дорога — по пояс в крови и грязи.

Когда-то, в двадцатые годы, великий немецкий писатель отвечал своему другу за границу: ты спрашиваешь меня о национал-социалистах? Не стоит разговора, клоуны. Но в массе своей там замечательная молодежь, честная и искренняя, их патриотизм обнадеживает... Надо только увести ее от сегодняшних кумиров (тех самых клоунов)... И не прошло десяти лет, как книги этого писателя запылали на площадях едва ли не самой культурной страны Европы...

Поэтому отнесемся все же серьезно к фальшивке, опубликованной на страницах «Российского ежегодника», фальшивке, которая преследует единственную цель — плеснуть бензинчику в костер национальной нетерпимости и вражды. И будем иметь в виду, что поток такой литературы опасно нарастает при откровенном нежелании правоохранительных органов хоть как-то реагировать на это.

[1] Кстати говоря, книга А. Дикого и по сей день служит справочным пособием для всех разновидностей «Памяти».

редительного съезда ближе к «западничеству»: 67 проц. из них считают, что народы России могут и должны пойти по тому пути, по которому уже идет все «прогрессивное человечество» (США, Западная Европа, Япония и т. д.), 24 проц. вместе с современными «славянофилами-почвенниками» думают, что специфика России такова, что ее народам предстоит особый путь, существенно отличающийся от направления развития западной цивилизации, а 5 проц. вообще полагают, что у народов, населяющих Российскую Федерацию, разные судьбы и вряд ли может быть одна общая историческая перспектива.

Какой смысл республиканцы вкладывают в название своей партии? Это становится ясным, если учесть, что свыше 90 проц. опрошенных поддерживают деятельность Верховного Совета РСФСР, а Верховный Совет СССР поддерживает менее 40 проц. республиканцев. Основная идея, выраженная в названии,— поддержка суверенитета Российской республики. Это партия парламентского типа, имеющая уже в момент своего рождения довольно весомые фракции в Советах различных уровней: свыше 50 депутатов Моссовета, около 60 народных депутатов РСФСР, 10 народных депутатов СССР.

Скажи мне, кто твой политический лидер, и я скажу, каковы твои политические убеждения. 81 проц. опрошенных назвали Ельцина, 50 проц. — Собчака, 36 проц. — Попова, 11 проц. — Травкина, 10 проц. — Горбачева, 7 проц. — Афанасьева. Среди своих, «внутрипартийных» лидеров депутаты учредительного съезда выделили прежде всего В. Лысенко (64 проц.), В. Шостаковского (57 проц.), С. Сулакшина (19 проц.), И.Чубайса (8 проц.).

Каковы перспективы у Республиканской партии? Среди самих делегатов учредительного съезда преобладали «умеренные оптимисты»: 42 проц. отметили, что эта партия может стать ведущей в блоке «Демократическая Россия», 37 проц. убеждены, что влияние республиканцев будет примерно равным с другими партиями этого блока, 3 проц. «пессимистов» полагают, что влияние только что созданной партии в течение 1991 года будет незначительно, а 12 проц. «безудержных оптимистов» придерживаются прямо противоположного мнения, что она станет в течение ближайших двух лет наиболее влиятельной партией в стране. Прямо скажем, последняя точка зрения требует некоторого усилия воображения. Ведь сегодня 20 тысяч членов партии выглядят при российском масштабе не слишком внушительно. Конечно, влияние партии, ее интеллектуальный и политический потенциал не тождественны численности. Да и политические ресурсы имеются.

Это прежде всего российские члены КПСС, перед которыми стоит сегодня проблема: оставаться в партии И. К. Полозкова или... А если учесть, что еще два года назад, по данным опросов, менее 5 проц. членов КПСС верили в коммунистическую перспективу, то с утратой тех возможностей, которые несла партийная принадлежность, выход из КПСС станет неизбежным для значительного числа ее членов. Можно предположить, что из Компартии РСФСР к лету будущего года выйдут 2—3 миллиона человек. Абсолютное большинство из них, конечно, ни в какую партию не вступят, что вполне естественно: в цивилизованном государстве большинство граждан ограничивают свою политическую деятельность лишь участием в выборах. Однако некоторые (процентов 5—10) будут делать свой политический выбор между новыми партиями некоммунистической ориентации. А поскольку наиболее близкой политической средой для бывших коммунистов является Республиканская партия (не по программным положениям — здесь близости никакой, республиканцы дальше от компартии, чем, например, социал-демократы, а по человеческим контактам, общности судеб и т. д.), то возможность стать стотысячной партией у республиканцев есть.

В блоке «Демократическая Россия» республиканцы представлены вместе с клубами избирателей, Демократической партией России и социал-демократами. Взаимоотношения с этими двумя партиями составляют основу сегодняшней политической межпартийной тактики республиканцев. И, судя по результатам опросов, этот тройственный союз вполне закономерен: помимо общих политических лидеров и общего настроя на оппонирование КПСС, среди делегатов учредительного съезда 51 проц. — за курс на слияние с социал-демократами, 43 проц.— за блок с ними, 22 проц.— сторонники курса на слияние с ДПР, а 64 проц.— за блок с этой партией. Идея блока поддерживается и партийными массами республиканцев, а вот идея слияния с социал-демократами перед съездом разделялась четырьмя процентами сторонников Демплатформы, среди которых в то время было больше желающих слиться с ДПР (15 проц.).

Республиканская партия Российской Федерации возникла как несоциалистическая партия интеллигенции, средних слоев, нацеленная на поддержку Ельцина и возглавляемого им Российского парламента. У такой партии может быть неплохое политическое будущее.

Георгий ЕЛИН

По решению партии и правительства вместо обещанного на 1980 год коммунизма в Москве будут проведены Олимпийские игры.

Фольклор

Мы готовимся проводить 1990-й, начать отсчет последнего десятилетия XX века. Этот уходящий год — еще и замыкающее звено в цепи восьмидесятых. За минувшее десятилетие во взрослую жизнь вступило новое поколение, и для сегодняшних восемнадцатилетних 1980-й — уже страница в учебнике, давняя история. В тот год мы должны были стать Новым Обществом, где от каждого по способностям и каждому по потребностям, то бишь войти в Коммунизм.

Обещанное в 60-х и кому-то казавшееся тогда близким — сегодня в неимоверном далеке. Одно можно утверждать с уверенностью: нынешние поколения советских людей живут в посткоммунистическую эпоху. Мы любили называть свои исторические годы звучными названиями — Определяющий год, Решающий, Завершающий... 1980-й останется в народной памяти Олимпийским. Провожая десятилетие, вспомним, как оно начиналось. И с чем мы расстаемся. Хочется верить,— навсегда.

ОЛИМПИЙСКИЙ ГОД

Приученные из года в год стоять на трудовой вахте в честь (несчетное множество стимулов)... задолго до наступления нового, восьмидесятого, мы уже знали, каким он будет: год 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, год 25-летия оборонительного союза стран — участниц Варшавского Договора, год XXII Олимпийских игр, честь проведения коих была оказана столице нашей Родины Москве. Готовили трудовые подарки — к юбилею, знаменательной дате, всемирному празднику спорта. И нам тоже был уготован новогодний подарок — неожиданный, как гроза в декабре: над заиндевевшей страной взошло жаркое слово

АФГАН

Раздавленные случившимся, Новый год встречали тускло. Компания была пестрая и являла банальный союз физиков и лириков: инженеры, математики, журналисты и литераторы. Пили мало, хотя было этого добра «под завязку» — даже предпраздничные очереди за беленькой не шли ни в какое сравнение по массовости с многочасовыми будничными, выросшими у винных через несколько лет. До утра проговорили. О цикличности, не без влияния космоса, «кругового времени», числовых расчетах поэта-пророка Хлебникова и профессора Чижевского, о трагической цифре «12», с назойливым постоянством определяющей дислокацию наших танков за рубежом после 1944-го — в 1956-м, 1968-м, 1980-м. Гадали, где можем оказаться в 1992-м. И снова — о Праге 1968-го, где горожане замазывали, сбивали названия улиц, путая наших танкистов, и советские парни усердно изничтожали надписи «pozor!», а слово это мозолило глаза на каждом шагу: на стройках, возле крутых поворотов, котлованов — и переводилось просто: «внимание!» (не «позор» — «pózor!», с ударением на первом слоге). И опять про Афганистан: что не на месяц, не на год — на годы, и самое обидное — все зря, как полувековое упрямство англичан, пока не махнули рукой, одумавшись, и мы тоже неверные, но упрямее, на чужих ошибках не учимся, предпочитаем своих дров наломать, и что Афган обойдется нам, как Вьетнам Америке...

Странно, наверное, но отчего-то и в голову не приходило доискиваться тогда, кто и как решил,— рулевого знали. Другое карябало: неужели там все «за»? (Четыре месяца спустя в США уйдет в отставку госсекретарь Сайрус Вэнс, осудивший санкционированную президентом попытку военной силой вызволить американских заложников из Ирана, и мы об этом широко напишем, на своих правителей чужой поступок никак не перенося.) Шептались, сходясь в углах и курилках, матерились, читая газеты, ждали гóлоса «против» — не из-за красной стены, понятно,— а имя уже витало в ореоле мученичества и наконец было названо вслух:

САХАРОВ

В двадцатых числах января пошли по Москве разговоры, будто опальный академик сказал нечто крутое американским журналистам, и текст этот — возмутительный — уже несколько раз читали «вражеские голоса», вполне ус-

пешно забиваемые отечественными глушилками (сахаровские те интервью журналистов Остина и Бирбауэра у нас до сих пор не опубликованы). Наконец «Комсомолка», «Правда» и «ЛГ» выразили «мнение народа» о «несостоявшемся цезаре», «клеветнике и фарисее», подтвердили достоверность устной информации. Город, назначенный ссыльному, в публикациях не назывался, но и это тайной не являлось: Горький — в пику фамилии, не иначе. Одно удивляло — как удержались, не ударили рублем, сохранили за изгоем академическое звание, а значит, и деньги на кусок хлеба. И уже пошла бродить-гулять байка, доныне никем не подтвержденная и не отвергнутая, героем ее уже был другой академик — Петр Леонидович Капица, «при-нобель» и остронослов.

Будто на заседании президиума АН такой разговор получился:

Александров: — Сегодня на повестке дня беспрецедентный случай: вывод Сахарова из состава академии.

Капица: — Отчего ж «беспрецедентный»? Был уже такой случай: Гитлер Эйнштейна вывел.

Александров, после паузы: — Переходим к следующему вопросу...

В действительности, видимо, все было прозаичнее: академики большинством проголосовали «против».

А в феврале по рукам разлетится самиздатский листочек — письмо в «Известия» другого острослова: «Позвольте через вашу газету выразить мое глубокое отвращение ко всем учреждениям и трудовым коллективам, а также отдельным товарищам, включая передовиков производства, художников слова, мастеров сцены, Героев Социалистического Труда, академиков, лауреатов и депутатов, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны — Андрея Дмитриевича Сахарова»,— и за эту выходку языкастый автор Чонкина тоже поплатится вынужденным отъездом, но не в закрытый советский город, а в открытый для подобных войнович зарубежный.

Что на идеологическом фронте мы крупно подставились — и с Афганистаном, и с тем же Сахаровым,— стало ясно как Божий день, и наши противники не преминули воспользоваться этими козырями, найдя самое уязвимое место,— зарубежные газеты запестрели заголовками:

БОЙКОТ

В семидесятых мы сами использовали это психологическое оружие — в целях, понятно, благородных. Так, наши футболисты отказались от отборочных игр чемпионата мира, не стали гонять мяч на чилийском стадионе, где во время пиночетовского переворота была оборудована тюрьма и погибли многие патриоты. И в Каннах, когда американцы привезли фильм, воспевающий войну во Вьетнаме, делегация советских кинематографистов покинула престижный кинофестиваль.

В восьмидесятом выдержать атаку пришлось нам. «Сияй, гори огнем, Олимпиада!» — ПЕСНЯ БОЙКОТА, музыка М. Тэтчер, слова трубадура гегемонизма З. Бжезинского (популярная шутка того года). Потом отыграемся: в 1984-м уже Советский Союз станет инициатором бойкота XXIII Олимпийских игр в Лос-Анджелесе. Боевая ничья — 1:1? Кто выиграл в итоге? Большая политика?

В том, что Игры в Москве состоятся, у нас вряд ли кто сомневался, были уверены: проведем, как бы ни сложилась ситуация (больше опасались торговых и экономических санкций, срыва поставок нам капстранами зерна, оборудования). Декларируя спорт как борьбу наций, систем, идеологий, прикидывали расстановку сил, фиксировали в печати каждое проявление симпатии к нам или хотя бы сочувствия.

В тот год мы узнали, кто есть кто. В феврале «Правда» рассказала, какой неожиданный фортель выкинул

«НАШ НЕГР»

Когда Мохаммед Али совершал поездку по Индии, ему позвонил президент Картер и предложил немедленно вылететь в Африку с особой миссией — привлечь африканские страны к бойкоту Олимпийских игр в Москве. На спецсамолете Али тут же отправился по маршруту: Танзания — Кения — Нигерия — Либерия — Сенегал...

Послушные дети 60-х, воспитанные на классических образцах строго отобранной для нас мировой литературы, с младых ногтей мы твердо усвоили, что все французы (1812 год в расчет не принимался) — внуки парижских коммунаров, этакие неубитые Гавроши, а каждый негр непременно вырос в хижине дяди Тома. И тягостно было узнавать, повзрослев, что многие парижане понятия не имеют, где находится Стена коммунаров, что все антисоветские центры и издания окопались во Франции, а расизм бывает не только белого цвета. И все же темнокожий человек мгновенно выстраивал в памяти привычный ассоциативный ряд: блюзы и джаз, Лумумба и Анджела Дэвис, Мартин Лютер Кинг и, конечно, Поль Робсон: «Я другой такой страны не знаю...»

В конце 70-х Поля Робсона не было в живых (постоянным гостем России тогда стал другой «советский американец», белокожий супермен и лауреат премии Ленинского комсомола Дин Рид), и полуофициальный титул «наш негр» вполне достоин был носить Мохаммед Али — чемпион Олимпиады-60, сгусток энергии и кусок воли, затмивший в популярности послевоенного киношного Тарзана.

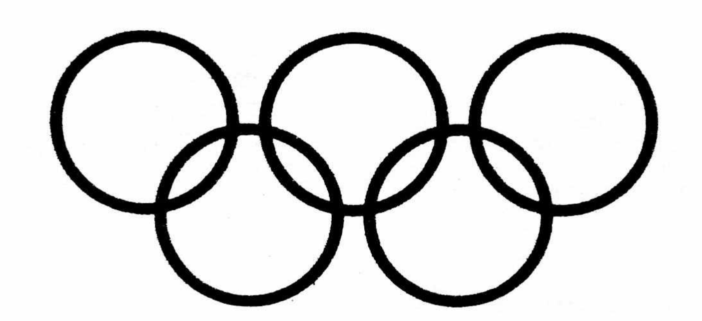
За полтора года до ответственного поручения президента Али приезжал в Москву. Провел поединки с нашими чемпионами — по две трехминутки с каждым — Заевым, Горстковым и Высоцким (победитель великодушно не определялся) и еще мог бы столько же, запрограммированный на полтора десятка раундов, но, «к сожалению, я был не в форме, чтобы всерьез боксировать с советскими спортсменами». Оказался большим ценителем литературы социалистического реализма: назвал подаренную Леонидом Ильичом «Малую землю» «самым дорогим подарком за всю его жизнь», а что языка не знает — не беда: «Я попрошу моего друга, посла Советского Союза в США Добрынина перевести для меня эту книгу». Умело умыл на пресс-конференции дошлого корреспондента Эй-би-си: «Была ли дипломатией моя беседа с господином Брежневым?.. А как бы вы отнеслись к тому, если бы я свою любовь к жене и матери назвал дипломатией?» И, главное, опроверг измышления буржуазных писак, будто наш генсек дышит на ладан: «Не бойтесь! Вы еще много лет будете слушать его. Он в хорошей форме».

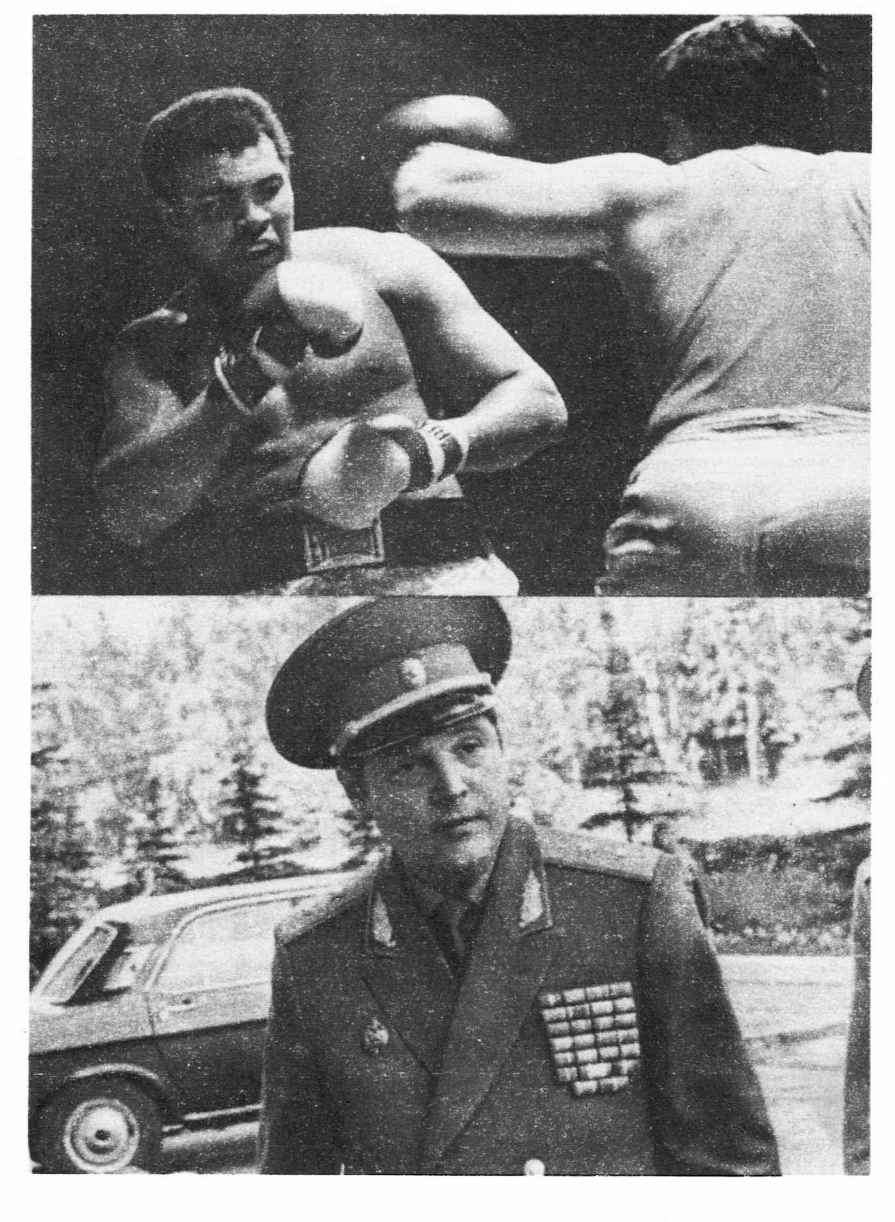
Мохаммеду Али и Москва понравилась: «У нас в стране на улицах грабят, повсюду можно встретить проституток... Когда я в два-три часа ночи выбегал на темные московские улицы, чтобы потренироваться, я был в полной уверенности, что никто на меня не нападет». Не знаю, оценил ли комплимент зять Брежнева Чурбанов, призванный обеспечить порядок в олимпийской столице, но эта фраза многих подкупила. И вспомнилась некоторое время спустя, когда судили человека, зарубившего возле «Националя» трех престарелых шведов (тоже сюжетик для «желтой» прессы, годами пичкающей западного обывателя клюквой, что-де по Москве средь бела дня слоняются медведи и мужики с топорами).

Сумасшедший (таковым признал убийцу суд, заменив ему верную «вышку» пожизненным заключением в психбольницу) повредился умом на лаврах Герострата и симпатии к Раскольникову — «тварь я дрожащая или право имею?». И несколько лет, таская под полой топор, терпеливо караулил у ресторана «Националь» жертву познаменитее, чья гибель должна была ошарашить мир,— то члена Политбюро, то шахматного короля (8 декабря 1980 года такой же маньяк застрелил Джона Леннона у дверей его нью-йоркского дома). Но одного окружало кольцо «мальчиков» с профессиональной реакцией, другого — восторженные фанаты, травмировать которых новоявленный Раскольников не решился. И тут в гостинице поселился Али — кандидатура, для топорной славы вполне годящаяся. Днем к нему тоже было не подступиться, однако москвичи быстро прознали: бегает для тренинга по ночной столице. Москва, понятно, не Нью-Йорк и не Чикаго, но что сказал бы Али, узнай он, как за ним пытался угнаться безумный русский с топором? Слава Богу, не догнал: боксер, как и наш генсек, был в отличной спортивной форме.

Судьба Мохаммеда хранила, сказал бы поэт. И доверие президента он частично оправдал и отработал — национальные олимпийские комитеты Кении и Либерии своих спортсменов на Игры в Москву не послали. Советская печать это никак не комментировала — «наш негр» перестал для нас существовать.

А месяц назад звезда мирового бокса вновь коротко вспыхнула на телеэкранах — в ночном выпуске ТСН промелькнул короткий сюжет: Мохаммед Али посетил... Ирак. Тоже с официальной, как десять лет назад, миссией?

Здесь автору потребуется лирическое отступление — про

ИСКУССТВО ЧИТАТЬ ГАЗЕТЫ

Если верить отечественной печати, с начала 1980 года буржуазный мир находился на последнем дыхании. Никогда еще перед Новым годом Париж не был так скудно украшен и скупо освещен — экономия энергии. Италия не находит выхода из лабиринта сложных проблем. В Лондоне из-за высокой платы за газ мерзнут в своих домах малоимущие, старики, живущие на пенсию. В США вдобавок к ку-клукс-клану пышным цветом расцвел антисемитизм, оскверняются еврейские кладбища...

...Во Франции вновь обсуждается вопрос отмены смертной казни (и в следующем году изобретение г-на Гильотена будет вычеркнуто из перечня действующих средств наказания). В Италии умер автор «Чиполлино» Джанни Родари. В Иране продолжают удерживать американских заложников, требуя в обмен на них выдать режиму Хомейни бывшего шаха,— «долгоиграющий», на много месяцев, с интригами и кровью сюжет: антииранская истерия в Штатах, гибель американских самолетов в пустыне, наконец, смерть шаха при вполне туманных обстоятельствах. Англоязычный мир зачитывается боевика-

ми-бестселлерами Джона Солсбери «Московское золото» и «Москва 5000» Дэвида Гранта — о нашей Олимпиаде, естественно, из разряда документированных фантазий «что было бы, если...», с описанием конкретных событий и реально существующими героями. На границе Вьетнама с Китаем новые пограничные конфликты с перестрелкой — отголоски «месячной войны» между ними в феврале 1979-го. В Каннах Золотая пальмовая ветвь присуждена картине Акиро Куросавы «Кагэмуши» (увидим ее через пять лет) и ленте Боба Фосса «Кабаре» (сегодня, спустя десятилетие, идет на наших экранах). В Польше состоялся очередной съезд ПОРП, правдинский репортаж с которого назван «Великая сила солидарности» (уже с августа заголовок с таким словом будет невозможен — в Польше прокатится волна организованных Валенсой и его «Солидарностью» забастовок). Среди самых горячих точек планеты — Кампучия, Сальвадор, Чили, Чад, но чаще других упоминается Афганистан...

В СССР все бурлит по намеченным планам — стройки, плавки, посевная... В феврале прошли выборы — как всегда, «в водовороте праздника», «с массовыми гуляньями», при абсолютной явке на избирательные участки (в России проголосовали 99,98% избирателей, в остальных 14 республиках — 99,99%!), по центральному избирательному округу Барнаула в Верховный Совет РСФСР единогласно избран М. С. Горбачев, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС. В космосе побывали новые группы советских космонавтов и вместе с ними — летчики Венгрии и Вьетнама. Первого апреля — в традиционный День смеха и день введения новых цен — все газеты расскажут, как товарищу Л. И. Брежневу, спустя год после присуждения, вручалась литературная Ленинская премия за эпохальную трилогию, и благодарный писатель пообещает продолжить свой труд, если выкроит время (выкроит — в 1981-м «Новый мир» опубликует новый шедевр — «Жизнь по заводскому гудку»). И пройдет в торжественной обстановке юбилейный вечер, посвященный 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. И проведет товарищ Л. И. Брежнев в Варшаве совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора вместе с товарищами Т. Живковым, Я. Кадаром, Э. Гереком, Г. Гусаком, Э. Хонеккером, Н. Чаушеску...

Господи, как это было давно! 100 лет назад? 1000?..

Как же это было недавно — еще вчера...

Читать тогдашние газеты интересно, лишь обладая богатой фантазией или на худой конец, имея наработанную привычку.

Если, к примеру, печать сообщала, что в Киншасе при организации мессы, на которой присутствовал папа римский Иоанн Павел II («из наших — из поляков, из славян»), в давке погибло 9 человек и 65 получили увечья, читатель сам обязан был понять, что глава католической церкви во время африканского вояжа что-то непочтительное сказал про Брежнева или Советскую Россию, и как вообще Ватикан может относиться к первому и последнему в мире атеистическому государству.

Уже год, как премьер-министром Великобритании избрана Маргарет Тэтчер, но имя ее в газетах наших поискать: только «правительство консерваторов», «кабинет тори», «английская администрация»...— знать, порядком насолила Железная леди генсеку и его Серому Кардиналу, до аллергии на одно лишь упоминание ее фамилии.

С кем бы из политических лидеров ни встречался министр иностранных дел СССР Громыко — «в ходе беседы были затронуты вопросы советско-...ских отношений, а также актуальные проблемы международного положения», и сам домысливай тассовки: все про то же — бойкот, Афганистан — постоянную тревогу и боль нашу.

Много давало разглядывание фотографий. Вот Брежнев в своем кремлевском кабинете, возле настольных часов в колесе штурвала (подарок пролетариата «великому рулевому»), сложил на столешнице руки, не глядит на собеседника, мрачен (то ли разговор так удручил, то ли переживает, что через несколько часов лететь ему в Белград на похороны Тито). И собеседник — председатель Международного олимпийского комитета лорд Килланин — тоже смотрит в сторону, врыв локти в сукно стола и уперев подбородок в переплетенные пальцы. Текста под снимком — минимум, но сама эта композиция выдает немой вопрос:

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ БУДУТ К НАМ?

В середине апреля наша печать оповестила, что желание принять участие в Олимпиаде выразили национальные комитеты 106 стран. К 19 июля в Москву на Игры прибыли представители 81 государства.

Выращенные за глухим и крепким забором, где все нормально, если, как в песне поется, «не слышны в саду даже шорохи», мы каждый раз непроизвольно напрягались и смущались душой, когда в заборе приоткрывалась калитка. Подозревали: непременно пролезет в нее густопсовая нечисть с идеологическим душком, да ладно бы только с идеологическим — явно «к Олимпийским играм приковано внимание не только всей прогрессивной общественности, но и различных авантюристических групп и террористических организаций».

Дыма без огня, конечно, не бывает — надолго застряли в памяти жуткие события Мюнхенских Игр 72-го, налет террористов на Олимпийскую деревню, перестрелка, стоившая жизни почти всей сборной команде Израиля. И уже на Белой Олимпиаде-80 в Лейк-Плэсиде устроители поселили спортсменов в... камерах новенькой, не обжитой еще малолетними преступниками тюрьмы, с пуленепробиваемыми стеклами, электромагнитными замками и двумя рядами колючей проволоки, за что советская пресса не преминет попенять американским выдумщикам. Свою Бутырку мы, понятно, использовать не собирались, но тоже приняли

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

В комитете комсомола и завкоме часового завода (работал там литсотрудником в многотиражке) ворошили бумажный стог, разбирая билеты на Олимпиаду. Недоумевали: билетов куча — тысячи полторы — не в блоке, а «лапшой», двух рядом не найдешь и с соседом не поменяешься — разные секторы, ярусы, ложи.

А вечером, после тренировки в душном, прокаленном июньским солнцем спортзале, пропахшем потом и свежеразломанными сосновыми досками, уже сняв кимоно и расслабляя онемевшие мышцы, получали из рук учителя билеты на стадион. Тут места оказались распределены не абы как, а с умом — через два на третье, так что вся наша группа, сотня крепких парней, оказывалась рассаженной «квадратно-гнездовым» способом. И билеты были кем-то оплачены, нам оставалось лишь их *отработать*: допускался «контакт» в области го-дан, чё-дан и дзё-дан — ниже пояса, в грудь и голову, и твоей «пустой руке» полагалось сделать отработанное до автоматизма движение — в ответ на любой неформальный выкрик, плакат, лозунг... И поняв, что от тебя *требуется*, ты последний раз поклонишься сэнсэю и под холодными взглядами бывших товарищей, партнеров по спаррингу, вместе с еще двумя такими же рохлями навсегда покинешь родной зал под «армейской» крышей.

Всего за полтора месяца до этого вечера — в День космонавтики — открылся первый союзный чемпионат по каратэ, в праздничной ауре, с Владимиром Высоцким на гостевой трибуне, возвышенно и волнующе: вышли из подполья, обрели статус, и уже поговаривали о включении каратэ в ряд олимпийских видов спорта, но очень скоро даже разговоры о том прекратятся, хлынет откатная волна — с газетного окрика «Скажите им: ямэ!», после которого окажутся в зоне вчерашние кумиры — по другим обвинениям и все-таки *за это*, а там и недалеко до ноября 81-го — до статьи УК РСФСР 219[1], приравнявшей каратэ к холодному оружию, когда начнут сажать уже *за дело*. Но это другая история.

Олимпиада пройдет без эксцессов, лишь с одним неприятным моментом: «неформал» прищелкнет себя наручниками к ограждению возле храма Василия Блаженного, выкрикивая призывы дать свободу советским гомосексуалистам, но с ним разберутся без каратэ.

С доморощенной «диссидой» к лету 80-го было покончено — в целом и основном. В начале июля в «Известиях» письмом четырех академиков «добили» Сахарова. В «Мелодии» на Калининском еще продается пластинка — Василий Аксенов читает свой рассказ, но самого автора после разгрома альманаха «Метрополь» в Москве уже нет, как нет и Владимира Войновича, и Льва Копелева, широко заклейменного за его «исповедь отщепенца», и других возмутителей общественного спокойствия, долгие годы ходивших в невыездных, а теперь поспешно снабженных визами. Те, с кем не успели поквитаться до Олимпиады, пересидят ее за решеткой, и уже через две недели после отзвона всемирного праздника спорта, в том же августе правозащитница Т. Великанова получит свои законные 4 плюс 5 за интерес к запрещенной литературе.

Оставался еще один опасный контингент... Нет, проституток у нас не было, как не было самого отжившего понятия, наличествовала лишь так называемая «группа риска» — легкомысленные молодые люди, ищущие контакта с иностранцами (помнили ведь о цветных «детях фестиваля», дружно родившихся в начале 1958 года). И в профилактической работе с населением годилось все, даже

БРОДЯЧИЕ СЮЖЕТЫ

Замечал ли ты, читатель, что у нас очень сильна фольклорная традиция? То и дело слышишь какую-нибудь житейскую историйку, абсолютно достоверную, и вдобавок каждый, кто тебе ее передает, перво-наперво уверит, будто она, историйка, приключилась с ним самим либо его знакомыми, даже имена готов назвать. В начале девяностого — наверняка слышали — ходила из уст в уста байка про болгарскую незрячую прорицательницу Вангу, как наобещала она советским туристам, ее посетившим, военный переворот в апреле месяце под руководством генерала с грозовой фамилией (газеты наши даже опровержение печатали). А в восьмидесятом рассказывали такой случай.

Зафрахтовал на весь день нашего таксиста один иностранец, чуть ли не полста рублей в час посулил. И с утра до вечера катался по разным адресам — развозил какие-то красивые свертки, набитые им в багажник и на заднее сиденье. Но шофер наш, ясное дело, оказался из тех ребят, кто в детстве растил щенков для погранзаставы, чтобы, как пес Ингус славного сталинского дозорца Карацупы, шпионов ловили. И вот он, заподозрив неладное, героически сдал подозрительного иностранца в милицию. Расструментили там свертки, а в них — джинсы «мериканские». И оказались те штаны дерюжные, как экспертиза установила, насквозь заражены самым натуральным сифилисом.

Олимпийским летом слышал я эту байку многократно: и от знакомых — чуть ли не на их глазах задержание происходило, и от таксиста — тот водитель, бдительный, из одного таксопарка с ним был. Слышал ее и в заводском сборочном цехе — в обеденный перерыв лектор просвещал молоденьких часовщиц. И реакцию на ту байку помню: внимали умному дяденьке лектору чутко, а потом одна девчушка и скажи: «А вот у нас на прошлой неделе другой пропагандист был, так он уверял, что сифилис на свету не живет».— «Не совсем так,— не растерялся лектор.— Живет, хоть и недолго. А вы заметили, какая на джинсах ткань плотная, и швы какие, и цвет... В них кто угодно жить может...» Ему даже похлопали за находчивость.

Конечно, первое приходящее в голову: такую цветастую рассаду скорее всего выращивают горе-ботаники из оранжереи, что между «Детским миром» и Политехническим. И потому оставалось только хмыкнуть недоверчиво, когда приятель с телецентра рассказал, будто в Америке выявили новую болезнь: передается исключительно через слизистую и анальное отверстие, внешних признаков нет — вирус на иммунитет действует, с ним живешь до первой болезни, пусть и самой пустячной (грипп, например), и от нее умираешь — организм с заразой не борется...

Шел 80-й год, и стюард авиакомпании «Эйр-Канада» Гаэтан Дюга, завезший неизвестную науке болезнь в США, еще резвится, как и четыре десятка его партнеров, и целый год должен пройти, пока лос-анджелесский врач М. Готлиб — специалист по саркоме Капоши, раку гомосексуалистов, сформулирует название загадочной болезни: синдром приобретенного клеточного иммунодефицита. И еще три года мы будем замалчивать этот самый AIDS, а когда признаем — выдвинем сегаловскую версию, что зародился СПИД «в пробирках Пентагона», и будем стоять на своем, пока посол США в СССР не заявит нам протест... Целых семь лет проскрипят, пока зарегистрируем первого отечественного спидоносца и введем в российский Уголовный кодекс статью об административной ответственности за проституцию, расписавшись в ее наличии, и тогда же, в августе 87-го,— союзный спецуказ Верховного Совета о мерах профилактики заражения аспидовым вирусом...

Но во время вспоминаемых нами событий нет в СССР еще ни проституции, ни «чумы XX века», и Москва еще не потеряла надежду превратиться в город будущего —

ОБРАЗЦОВЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

Москвичам, живущим сегодня в городе, который теперь даже не включен ЮНЕСКО в Международный перечень городов — памятников культуры и искусства, осталось лишь довольствоваться воспоминаниями, что летом восьмидесятого удалось пожить месяц в столице образцовой и коммунистической (каковыми тогда же были, видимо, и другие «олимпийские» города — Ленинград, Киев, Таллин — еще с одним «эн»). Что ж, хотя бы вспомним:

— образцовый коммунистический — город вымерших улиц, полупустого транспорта, магазинов без давки и очередей. А было в магазинах *все*, что и представить нынче невозможно, даже грецкие орехи — молва утверждала, будто насчет них Леонид Ильич *лично* распорядились, вычитав в референтской справке, что один кэгэ орехов равен по калорийности двум кэгэ мяса (а ведь и мясо было, в том году догнали Америку по его производству на душу населения, однако рапортовать не стали — вовремя спохватились: в США считали вес мяса без костей);

— образцовый коммунистический — это город милиционеров, свезенных в столицу со всей страны и расставленных по улицам в обязательной прямой видимости друг друга — каждый должен был видеть два околыша справа и слева (не за это ли новшество принц

Чурбанов отмечен Госпремией?), и вежливых гаишников, заблаговременно перекрывших кольцевую автодорогу и боровшихся за «город без лишних машин»;

— образцовый коммунистический — город завершенного строительства: все недостроенные дома были спешно подведены под крышу, и подъемные краны убраны. Скорость работ поражала: в понедельник возле Уголка имени Дурова еще торчит нестарая кирпичная пятиэтажка, в среду — о ней и фундамент не напоминает, а в пятницу на этом месте — высоченная трава оранжерейной густоты. Но это легко объяснимо — дом мешал шестирядной трассе под красивым названием «Северный луч», пробиваемой от Самотеки до Останкино, мимо нового спортивного комплекса из стадиона и бассейна, однако отчего-то иссяк «луч» на середине, упершись в кафе-стекляшку и довоенную школу, и теперь именуется «Олимпийский проспект», что узаконено мемориальной доской;

— образцовый коммунистический — это город-музей под открытым небом: раздрызганные церкви и часовни были скоропостижно оштукатурены, покрашены, а некоторым, счастливо оказавшимся возле олимпийских трасс, и кресты на купола и звонницы вернули, но и заборами обнесли — чтобы пресечь желание в опохабленное нутро заглянуть;

— образцовый коммунистический — это город высокой культуры быта: за месяц до открытия Игр жэковские активисты вместе с милицией и пенсионерами-добровольцами обошли дома (что на олимпийских маршрутах опять же) и навели порядок по фасадам: посрезали на балконах бельевые веревки, поразломали шкафы. над перилами выступающие, и застекленные лоджии разобрать повелели...

Красота, а не город! Идешь себе по улицам — один-два прохожих навстречу, заходишь в магазины — один-два человека в очереди, спускаешься в метро — пять-шесть пассажиров в вагоне, и тебе из динамика — нежный иностранный голос: Next stop «Aeroport»... Так и хочется ответить: all right!

С диссидентами все ясно, но вот куда в одночасье исчезли цыганки с вокзалов и базаров? — пестроюбочное племя с их чумазыми цыганятами, монистами, палаточными городками и неизменным гвалтом: «Маладой, дай пагадаю!»... «Девачки, каму карандаши «Живапись»? «Живапись» каму?..»,— на какие божидары вывезены, за какие 101-е километры и когда? как? Впрочем, вопрос сугубо риторический: и не такие людские массы переселяли за несколько дней, многолетний опыт был.

Разумеется, обо всем позаботились правительство и отцы города — Л. И. Брежнев и главком московский В. В. Гришин лично оценили фронт работ («Проверяется со всей строгостью» — зацепился в памяти газетный заголовок), освятили своим наездом Олимпийскую деревню (новый микрорайон на 110 га, не тюрьма лейк-плэсидовская!), даровали звания Героев Соцтруда строителям, и Леонид Ильич без подарка не остался, получил дулевского фаянсового мишку в строительной каске — символ Московской Олимпиады. по-простонародному, с иронией на предмет «пятой графы» (самая популярная в 80-м еврейская фамилия), именуемый

МИШКА-ТАЛИСМАН

В восьмидесятом появилось несколько неглупых и занимательных игр.

Индивидуальная — шестицветный кубик, гениальное изобретение венгерского архитектора-дизайнера Эрнё Рубика (сделанное им в 74-м и в олимпийский год развлекавшее весь мир) — вертлявая головоломка, успокаивающая руки, но способная довести до бешенства, и тогда она разбиралась-складывалась при посредстве молотка или отвертки.

Семейная — «содранная» с английской «Скрэббл» и произвольно переведенная как «Эрудит»: фишки-буквы с цифровым значением, которыми на многоклеточном поле выкладывались слова по принципу кроссворда.

Групповая — отечественной выдумки, по преимуществу студенческая, из рода «капустников», но захватившая полуинтеллигентские дома: в награждение Леонида Ильича, с зачтением по газетам поздравительных и ответных речей, с поцелуями и навешиванием значков и брелоков (а в сюжете вручения Золотого оружия — и с лобызанием швабры), бесконечная и по тому времени безумно смешная (только толстокожий не хохотал, дочитав «Малую землю» до фразы «Все смешалось в Цемесской бухте»).

Любимой игрушкой 80-го года стал и сувенирный медвежонок работы книжного художника Виктора Чижикова («Озолотился!» — шипели завистники, но дорогое государство и тут осталось верно себе: ни бешеные потиражные, ни наценка «за олимпийскую символику» на автора не распространялись).

Обреченный символизировать, Мишка-талисман чуть ли не с самого рождения вынужден был бежать — спасать Олимпийский огонь от тянущихся к нему корявых и грязных рук явно иностранного происхождения, а в мультипликационном сериале «Баба Яга против!» — и от Яги, Кощея, маленького Змея Горыныча, в которых приученный к иносказанию советский кинозритель непроизвольно находил сходство с Тэтчер, Картером и Шмидтом. И — Маленький, лохматый, ушастый, трогательный — добежал-таки до своего финиша, когда, увлекаемый связкой воздушных шаров, истаял над Лужниками в августовском черном небе, провожаемый песней:

До свиданья, наш ласковый Миша.
Возвращайся в свой сказочный лес...

Тут самое время и место (опасаясь, как бы читатель не заподозрил автора в том, что он в силу дурного воспитания, образования или характера склонен видеть в нашей жизни одно лишь плохое, почему и занялся сбором сплетен, низкопробных баек и анекдотов) рассказать, как в древней Олимпии, в священной роще Альтис актриса Мария Мосхолиу посредством линзы зажгла от солнечных лучей предназначенный Москве Олимпийский огонь, и тринадцать юных греков отнесли факел в город Пирос, откуда он начал свой путь к советской столице, и поведать о всемирном празднике спорта, золотых наградах, олимпийских рекордах... Но, к сожалению, сам автор не много видел, поскольку в доме, где умер человек, не смотрят телевизор, а люди, носящие траур, не «болеют» и не галдят на стадионах, и Московская Олимпиада для меня, как и для многих других, кончилась хмурым душным днем

25 ИЮЛЯ

...Плыл в людском море, которое власти тщетно пытались вогнать в приличествующие спортивно-политическому моменту берега, был на панихиде в театре, однако писать об этом...

Весть о потере разлетелась по стране с непостижимой скоростью — слишком много Высоцкий значил в нашей жизни, и даже те, кто отказывал Актеру в праве называться Поэтом, осознали, сразу или позднее, его величину. Впрочем, видел и таких, кто всерьез свирепел: всю жизнь нам пакостил, даже смертью своей подгадил — испортил праздник.

С ухода Высоцкого началась для нашей верхушки черная полоса.

В тот же год, в октябре, Машеров своей гибелью в автокатастрофе омрачит годовщину новой, брежневской Конституции, и факт, что генсек на похороны в Минск не поедет, естественно, даст повод для разговоров: причастен...

В том же восьмидесятом, накануне дня рождения Ильича-2 умрет Косыгин, что, конечно, не помешает Брежневу повесить себе очередной орден, покрасоваться в газетах игрой в бирюльки по соседству с некрологом.

А в январе 82-го, в студенческий праздник — Татьянин день, уйдет в мир иной Серый Кардинал, но — замкнется круг — 25 января станет не днем памяти «крупного теоретика партии» — днем рождения «шансонье всея Руси».

...Вечером третьего августа возвращался в громыхающей электричке из загорода в Москву, и, сквозь треск электромагнитных помех слушая по высунутому в окно транзистору заключительный репортаж из Лужников, содрогнется от хохота вагон, взорванный знаменательной — вполне по Фрейду — озеровской оговоркой:

— ...Миллионы телезрителей всего мира, десятки тысяч людей на трибунах Центрального стадиона имени Ленина С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУТ ЗАКРЫТИЯ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР...

ФИНИШ

Существует поверье: как Новый год встретишь — так его и проживешь, так же и проводишь.

В декабре 80-го у сослуживца погиб в Афганистане свояк — тихий крупнотелый инженер-мелиоратор, в сорок пять лет впервые выбравшийся «в загранку». Погиб негероически, буднично: поехал с приятелем на базар, оба пропали, потом их нашли — с отрезанными головами. Об этом газеты наши не писали, как молчали и о других смертях под азиатским небом, счет коих шел уже на сотни.

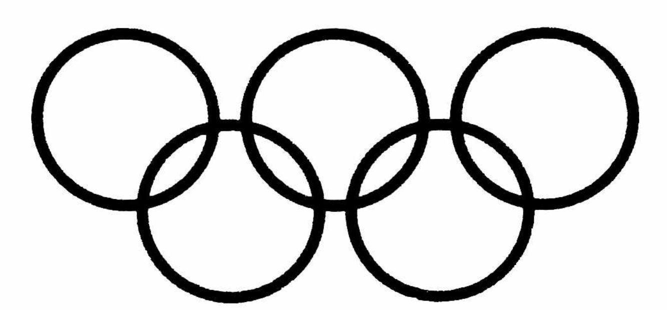
Тогда же печать обрушила на читателей сообщение о трагедии, разыгравшейся в бакинской семье инженера Берберова; «домашний» лев Кинг-второй вдруг забыл, что он прирученный, — скальпировал жену инженера, убил четырнадцатилетнего сынишку, знакомого миллионам читателей и телезрителей по многочисленным умильно-восторженным публикациям и ТВ-программам. Несколько лет мы с упоением наблюдали за диковинным экспериментом: царь зверей в домашней человеческой среде! в малогабаритной квартире! сидит на унитазе! позволяет таскать себя за хвост!..

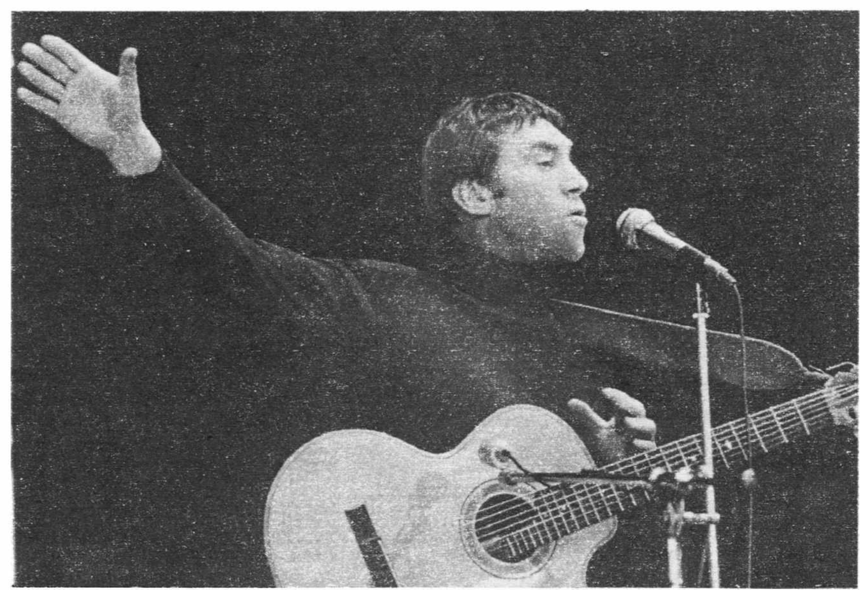
Великий эксперимент закончился в полном соответствии с чуть перефразированной пословицей: как льва ни корми... Не грех вспомнить об этом сегодня, когда заканчиваются тут и там другие многолетние «эксперименты»...

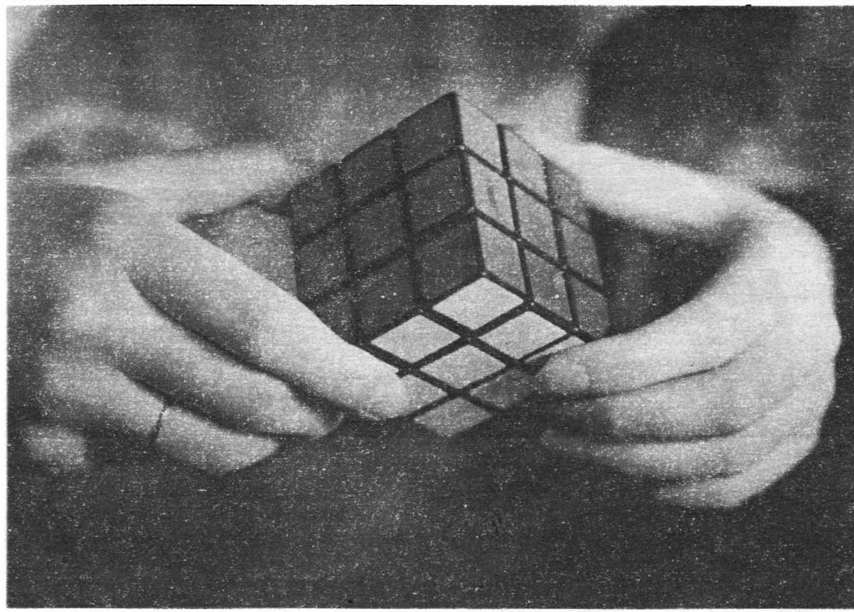
. . . .

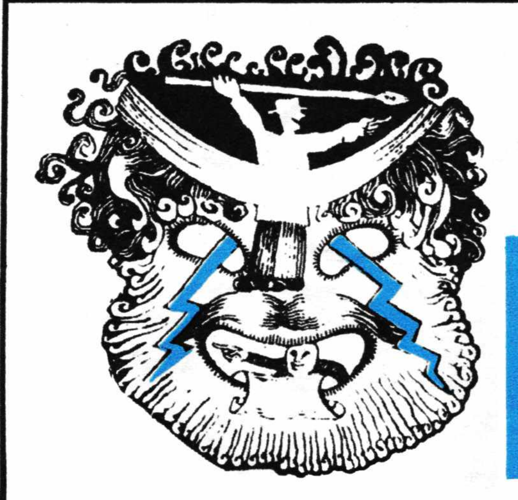
А вообще — что был тот 1980 год? Просто кусочек нашей жизни, отметка в календаре, завязанный Космосом узелок на Времени...

Начиналось новое десятилетие, назревали непредвиденные перемены, и мир становился другим, но мы этого тогда еще не знали.

ТЕНЬ ПОЭЗИИ - 90

Не пугайтесь: никакого апокалипсического смысла в названии нет. Просто в конце года нам захотелось сделать свой «День поэзии» для наших поэтов-иронистов (извините за сложный термин, но на «поэтов-юмористов» и «поэтов-сатириков» они почему-то обижаются). А потом мы навели «тень» на «день».

Игорь ИРТЕНЬЕВ

* * *

Вчера услышал голос я с небес:
«Вступай, поэт, в ряды КПСС.
Душой безгрешен и в поступках
чист,
Ты самый настоящий коммунист».

Но тут же мне шепнул лукавый
бес:
«Зачем тебе вступать в КПСС?
Развратник, конформист и
карьерист,
По сути ты давно уж коммунист».

Измученный борьбою двух начал,
— Подите прочь! — во гневе
я вскричал.—
Что мне до вашей вековой вражды,
Коль аргументы каждого чужды.

— Ну черт с тобой! — раздался
глас с небес,
— Ну бог с тобой,— вздохнул
лукавый бес.
— Ну хрен с тобой! — решил их
общий хор.—
Живи, как жил,— и кончен разговор!

* * *

Гуляли мы по высшей мерке,
Ничто нам было нипочем,
Взлетали в небо фейерверки,
Лилось шампанское ручьем.

Какое время было, блин!
Какие люди были, что ты!
О них не сложено былин,
Зато остались анекдоты.

Какой вокруг расцвел дизайн,
Какие оперы лабали,
Каких нам ни открылось тайн,
Какие нам открылись дали!

Какие мощные умы
Торили путь каким идеям!
А что теперь имеем мы?
А ничего мы не имеем.

Фото А. КИТАЕВА.

РЯД ДОПУЩЕНИЙ

Надену я пиджак в полоску
Или, допустим, брюки в клетку,
Достану с понтом папироску
Или, допустим, сигаретку.

Поеду к девушке любимой
Или, допустим, нелюбимой,
Зовут ее, допустим, Риммой
Или, допустим, Серафимой.

Куплю, допустим, два букета
Гвоздик, допустим, и пионов
Или, допустим, два билета
На фильм румынский про шпионов.

Скажу ей: «Будь моей женою
Или, допустим, не женою,
Ты будешь счастлива со мною
Или, допустим, не со мною».

Она, допустим, покраснеет,
Или, допустим, побелеет,
Или, допустим, почернеет —
Значенья это не имеет.

А после скажет: «Знаешь, Вась...» —
Или, допустим: «Знаешь, Петя,
Не для того я родилась
И не затем живу на свете,

Чтоб слушать мне такие речи...»
А я на это ей отвечу:
«Иди-ка ты заре навстречу!»
И сам пойду заре навстречу.

*Ведет рубрику
Игорь ДВИНСКИЙ,
рисовал
Виктор КОВАЛЬ*

ЭПИГРАММЫ

Борис БРАЙНИН

СПРАВОЧНИКУ СП[1]

О, славный справочник Союза,
Литературный пансион,
Где на покое дремлет Муза
Средь неразгаданных имен:

Поэты, киносценаристы,
Прозаики и эссеисты
В тупик поставят знатока —
Как будто это все чекисты
И их не время знать пока.

ЛИРИЧЕСКАЯ-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ

А. Межирову

Есть в поэзии вашей начало начал,
Ее знает и любит советский народ.
Вот недавно один в магазине
кричал:
— Коммунисты — вперед!
Коммунисты — вперед!

[1] Союз писателей.

АКТУАЛЬНОЕ РЕТРО

Не знаем собственных законов,
Вот-вот загубим Енисей,
Но с точки зрения талонов
«Мы впереди планеты всей».

Вадим ДАБУЖСКИЙ

ТЕЛЕКОММЕНТАТОРАМ:

Владимиру ЦВЕТОВУ

У Цветова нынче такая работа —
Он хвалит «тошибу», он хвалит
«тойоту»,
Когда он вещает об этом в эфире,
Нам хочется сделать себе
харакири!

Генриху БОРОВИКУ

По последней моде он одет —
От костюма-тройки до штиблет.
На него взглянув, поймете вмиг —
Под «Березкой» вырос Боровик.

Фото Я. ПРОЦИВИСА.

Сергей САТИН

РОМАНС

Была эпоха позднего застоя.
Мели по небу серых туч хвосты.
В осеннем парке целовались двое,
И эти двое были я и ты.

Последним листьям счет вели
рябины.
Резвился в кронах сумрачный
борей,
Слова «народ и партия едины»
Прочли мы над одною из аллей.

Сказала ты: — Как символично это!
А, знаешь, я ведь там уже
два дня.—
И корочку партийного билета
Достала, прошептав: — Поздравь
меня.

Тебя, с билетом, под плакучей
ивой
Я целовал, восторга не тая.

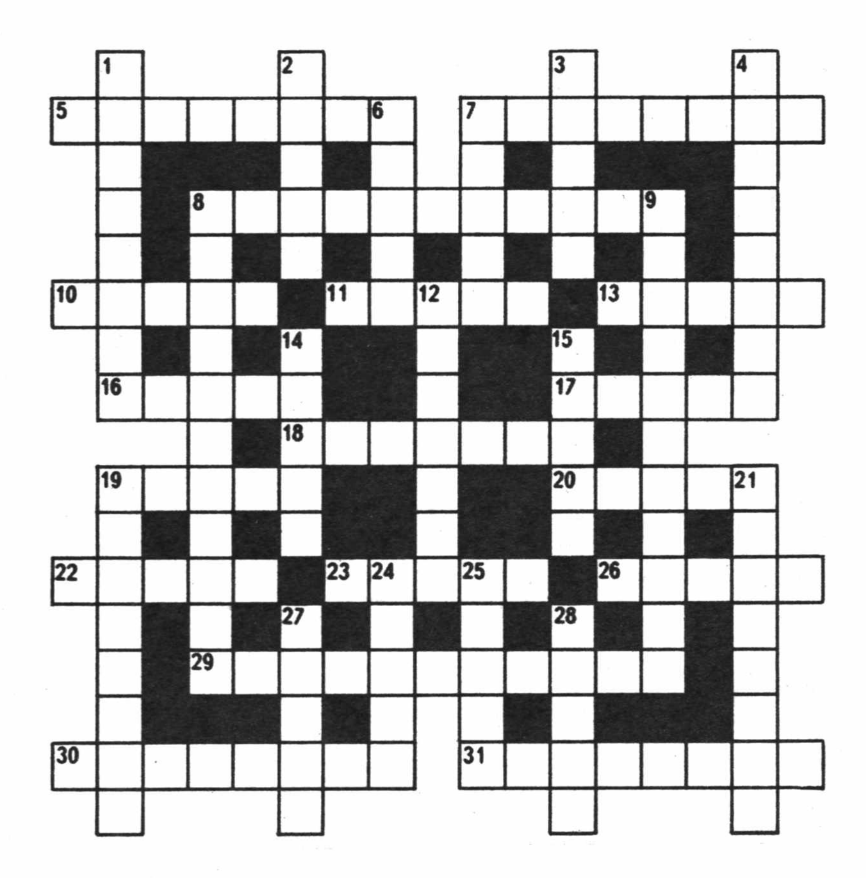
— Ты мой народ,— смеялась
ты игриво,—
Я правящая партия твоя.

Была твоя фигура безупречна.
Прелестны были формы ног и рук.
— Народ! Меня любить ты будешь
вечно? —
Тревожно ты меня спросила вдруг.

О Боже! Как глупы мы были оба!
Как презирали это слово —
«сглаз»!
Любовь, одну любовь, любовь
до гроба
Пообещал беспечно я в тот раз...

...И снова осень, как тогда
когда-то.
И пуст наш старый сад, и в
горле ком.
Но ты сама, сама ведь виновата,
Что по аллеям мы поврозь бредем!

Ушла любовь... И где такая сила,
Чтоб воротить могла ее сюда?!
Ну для чего, скажи, отождествила
Меня тогда с народом ты, балда!!!

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Драгоценный камень. 7. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 8. Областной центр в РСФСР. 10. Войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти. 11. Река в Швеции. 13. Государство в Южной Азии. 16. Небольшая группа, высылаемая для разведки или охранения от воинского подразделения. 17. Солист балета, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 18. Вид вышивки. 19. Пьеса М. Горького. 20. Трикотажное или нетканое полотно с начесом для утепления одежды. 22. Снежный барс. 23. Повесть А. П. Чехова. 26. Крупная хищная птица, питающаяся рыбой. 29. Торговля старинными ценными предметами, картинами, книгами. 30. Раздел механики, объединяющий статику и динамику. 31. Русский композитор, пианист, дирижер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рулонный кровельный и гидроизоляционный материал. 2. Фруктовое дерево. 3. Двуглавая вершина в центральной части Большого Кавказа. 4. Раздел языкознания. 6. Южное созвездие. 7. Служебное помещение на судне. 8. Коллекционирование старинных монет и медалей. 9. Река в США. 12. Часть речи. 14. Оперативное войсковое объединение. 15. Римский комедиограф. 19. Сложный сольный классический танец в балете. 21. Химический элемент, актиноид. 24. Комнатная или охотничья собака. 25. Древнее метательное оружие. 27. Быстро летающая небольшая птица. 28. Экс-чемпион мира по шахматам.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Чардаш. 5. Тициан. 6. Индаур. 9. Характеристика. 11. Виледь. 15. Филдинг. 16. Ромадин. 17. Лицо. 18. Изабелла. 19. Режиссер. 20. Нара. 21. Базальт. 23. Ильюшин. 25. Сандал. 27. Криминалистика. 28. «Огниво». 29. Персик. 30. Ниобий.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Салехард. 2. «Каштанка». 4. Шишков. 5. Трость. 7. Архангельский. 8. Гидробиология. 10. Мичиган. 12. «Иоланта». 13. Диорама. 14. Лигроин. 22. Алексеев. 24. Ютландия. 25. Свиток. 26. Лосьон.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Компьютрэйд Интернэшнл США
компьютеры и оргтехника
только СКВ
hard currency only
цена комплекта
PC-AT с сопроцессором
широким принтером и 2-мя дисководами
$ 1295
при оптовых поставках не менее 1000шт.
из США
приходите, договоримся!
Тел. 311-7681 299-4864 252-1505 в Москве